

TOP TOBY

*Howe Kemka
yours*

Annotation

В этой книге Дорин Тови читатель продолжит знакомство с сиамскими кошками и другими жителями деревни.

-
- [Doreen Tovey](#)
    -
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)

- - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
  - - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
  - - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
  - - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
  -
-

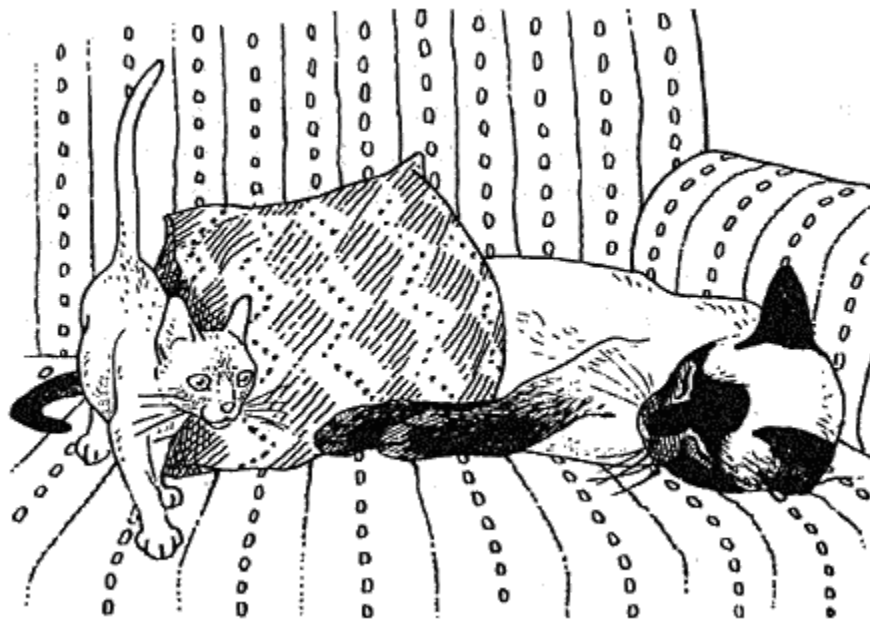
Doreen Tovey

MORE CATS IN THE BELFRY

Иллюстрации О.Келейниковой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я знала, знала! Едва я впервые вывела нового сиамского котенка Шантун в сад, как над калиткой возникло лицо миссис Бинни, углы ее рта опустились, как обвислые поля ее шляпки, и она мрачно предсказала, что вырастить эту кисоньку никак не удастся.

Когда-то миссис Бинни можно было увидеть в деревне не чаще, чем кукушку в декабре, но после смерти моего мужа Чарльза в прошлом году она начала маячить там постоянно. Она несколько раз сообщила мне, что ее сыну Берту коттедж очень даже по вкусу, так если я решу его продать... И то ли она с этой позиции высматривала, нет ли признаков, что я задумала переехать, то ли опасалась упустить момент, когда я сорвусь с приставной лестницы или с дерева или поранюсь электропилой Чарльза (все это она не уставала предсказывать), но как бы то ни было, стоило

мне увидеть, что по дороге спускается миссис Б., и сердце у меня наливалось свинцом. Будто меня повадилась навещать пророчица несчастий в шляпке колоколом и высоких ботинках. И мне не становилось легче от того, что относительно Шантун она, как я опасалась, могла оказаться права.

Почти сразу же, как мы впервые обзавелись сиамскими кошками, у нас жила кошечка блюпойнт и кот силпойнт. Первой в коттедже появилась блюпойнт по кличке Саджи, а когда у нее родились котята, среди них оказался кот силпойнт с большими лапами и пятнистыми усами, которого мы решили оставить у нас, чтобы она не скучала одна, и назвали Соломоном (мы решили, что Соломон Сильный звучит очень неплохо). Когда сама Саджи трагически погибла, едва котят исполнилось три месяца, мы оставили у себя и ее дочку блюпойнт, которую назвали Шебой, чтобы Соломону не было скучно. Так повелось и дальше.

Почти все это время у нас жила ослица Аннабель, ревела, требуя мятных леденцов, высовывая морду над нижней половиной двери своего стойла, или посматривала, чем мы занимаемся, со склона холма над коттеджем. Миниатюрная, своенравная, она считала уморительной шуткой боднуть нас сзади, когда мы совсем этого не ожидали, и все-таки любившая нас так же сильно, как мы любили ее. Она умерла через три месяца после Чарльза, которого обожала, а Шебалу, преемница Шебы, последовала за ней меньше чем через год. Коттедж и большой сад при нем казались такими пустыми (ведь там остались только я и Сесс, наш последний силпойнт), что я, когда не смогла найти котенка блюпойнт, чтобы побыстрее восполнить хотя бы этот пробел в моей жизни, решила взять котенка лайлакпойнт.

Не такая уж большая разница, уговаривала я себя. Блюпойнт и лайлакпойнт нередко рождаются у одной

кошки. Лишь бы в доме снова появилась чопорная светленькая девочка. Потом я отправилась за ней в Девон, познакомилась с трехмесячной кошечкой лайлакпойнт и испугалась — столь хрупкого существа мне еще не приходилось видеть.

Все сиамские котята рождаются белыми. Длиннее обычных котят, закругленные спереди и сзади, они очень похожи на французские белые колбаски. Однако, когда начинает проявляться их окрас, хотя туловища и остаются белыми, белизна эта обретает тонкие оттенки. У силпойнтов она становится кремовой, у блюпойнтов — ближе к молочно-матовой. Два котенка лайлакпойнт, на которых я смотрела, были снежно-белыми с легчайшими темными полосками на ушах и лапках, напоминающими светлые тени на сугробах, а носишки — я просто глаз не могла оторвать — поражали удивительным цветом. Лиловато-розовым, точно их ущипнул мороз.

Но мороз тут был ни при чем — ведь они свернулись рядышком на сиденье кресла перед пылающими в камине поленьями в большой гостиной старинного загородного дома с низким балочным потолком, с ковриками на натертом дубовом паркете и множеством взрослых сиамских кошек: возлежащих в креслах, притаившихся на верху книжного шкафа; одна валялась на спине, болтая лапами возле корзины с дровами у огня, одна входила из кухни, а еще одна удалялась через открытую дверь в прихожую...

Возможно, котята казались такими хрупкими просто по сравнению с этими взрослыми кошками, щеголяющими четкостью окраса. Однако один и при более внимательном взгляде сохранил тот же беспомощный вид. Второй был покрупнее, поплотнее, поувереннее в себе и смотрел на меня небесно-голубыми глазами, полными спокойствия. Конечно, я бы немедленно забрала эту кошечку, но ее уже выбрали до меня. В следующую субботу ей предстояло участвовать

в выставке, и если она займет первое место, то ее возьмут в питомник. Продавалась же ее сестричка, которая рядом с ней казалась белой мышью — и такой же пугливой. Едва она перехватила мой взгляд, как распласталась на животе под шкафчиком, отползая от меня, будто от страшного чудовища.

Я знала, что она совершенно здорова. Ее для меня подыскала моя приятельница Полина Фэрбер, сама занимавшаяся разведением сиамских кошек. И раз Полина сказала, что она — отличный котенок, значит, она — отличный котенок. Вот только ее хрупкий вид... словно мне предстоит растить Дюймовочку. Тут я вспомнила Сесса и содрогнулась. Он-то больше смахивал на миниатюрного слона. Непоседа, с огромными широкими неуклюжими лапами. А что, если он на нее наступит и расплющит? И она выглядит такой сосредоточенно серьезной! А мне нужен шаловливый котенок, вносящий в дом веселость, а не такой, который, по всей видимости, решил стать святым. Ее хозяйка словно прочитала мои мысли.

— Она немножко замкнутая. Мы еще ни разу не слышали, чтобы она мурлыкала, но, конечно, она вела бы себя иначе, не будь вокруг столько кошек.

А ведь пожалуй... Этот надменный конклав кошачьих мог внушить робость кому угодно — восседают (за исключением той, которая болтает лапами в воздухе), будто члены палаты лордов.

— У нее очаровательная голова, — сказала Полина, сопровождавшая меня.

Бесспорно. Миниатюрная Нефертити в облике кошки, пусть ей и не хватало бодрости ее сестры.

Надеясь, что не допускаю роковой ошибки, я сказала, что возьму ее. Было первое мая, воскресенье: день, когда по старинному обычаю в деревнях самую красивую девушку выбирали майской королевой, и я сказала ей, что она — моя майская королева. Кстати, в

анналах метеослужбы такого первого мая еще не значилось: холодище и проливной дождь. Потому-то у них в гостиной камин и топился. Возвращаясь в Сомерсет, мы вдобавок угодили в грозу, и у майской королевы в дорожной корзине приключилась медвежья болезнь. Если прежде она расстройством желудка не страдала, то обзавелась им с этого дня — молнии, гром, первая в жизни поездка на машине и встреча с Сессом.

В коттедж я внесла ее в корзине, которую поставила на пол, чтобы он ее проинспектировал. Так мы всегда знакомили новых котят с нашими кошками. Обычно наша кошка подползала к корзине на животе, смотрела на котенка за проволочной дверцей с гадливым ужасом, грозила убить его, если он сразу не уберется, и, прижав уши, удалялась за боковую линию полюбоваться эффектом. Затем дня два старшая кошка высматривала котенка из темных углов, шипела, если он подходил слишком близко. После чего капитулировала, вылизывала его всего, чтобы он обрел приятный запах (главная беда заключалась в том, что вначале от него пахло его матерью). И вот они уже свернулись рядышком на коврик у камина или на сиденье кресла, и у старшей кошки вид несколько смущенный, что она сдалась. И с этого момента — Сиамский Союз против остального мира.

И всегда решающую роль играла передняя сторона корзины. Котенок видел сквозь сетку, что угрожает ему другая кошка. Почему Сесс избрал новую тактику и подглядывал сзади в щелочку между прутьями, известно одному Богу. Но Шантун никогда в жизни не видела силпойнтов — до этого момента ее мирок состоял из блюпойнтов и лайлакпойнтов — и, обнаружив, что в щелку на нее смотрит черная треугольная морда, конечно, приняла его за кошачьего демона. Она держалась очень мужественно. Даже не

пискнула. Просто ограничилась еще одним приступом медвежьей болезни.

Я сделала, что могла. Сменила одеяльце. Подтянула кушетку к огню, поставила на нее корзину, поставила внутрь мисочку с рубленным цыпленком, а дверцу закрывать не стала. Но Шантун не рискнула выйти, а забилась в глубину корзины. Сесс сидел у меня на коленях в кресле совсем рядом и смотрел телепередачу. Меня грызла тревога. И вот так мы скоротали вечер.

На ночь я взяла ее к себе в спальню — что, если она в шоковом состоянии? А что делать в подобном случае, я не знала. Если понадобится сделать искусственное дыхание такому малюсенькому котенку, я ведь не сумею. Но я оставила ее в дорожной корзине с одеялом и грелкой, а корзину водрузила на комод в ногах кровати, и вот оттуда, когда свет был погашен, до меня впервые донесся ее голос. Она то задремывала на несколько минут, то начинала верещать, точно сплюшка в амбаре, призывая Мамочку. Я зажгла лампу, а ее забрала к себе в постель. Она выбралась из-под одеяла, спряталась в корзине и опять принялась звать Мамочку. В половине второго, вне себя от отчаяния, я спустилась, чтобы принести ей рубленого цыпленка, и разбудила Сесса, проходя мимо его постели у огня.

Он увязался за мной на кухню и завопил, требуя, чтобы и ему дали цыпленка. Его можно было услышать по ту сторону долины — а возможно, и слышали. Он завывал вниз, она рыдала наверху, время половина второго, все лампы в коттедже сияют — ну просто как в былые времена, пришлось мне признать, хотя у меня и мелькнуло в голове, что мне не помешало бы показать эту голову психиатру.

Я дала ему пару-другую кусков и понесла мисочку ей наверх. Цыпленок исчез в мгновение ока, и она начала мурлыкать, чего, по утверждению своей

прежней хозяйки, никогда не делала. Я не верила своим ушам. А она потерлась головой о мою руку. Конечно, она приспособливалась к обстоятельствам, как это в заводе у котят и щенков. Врожденный инстинкт выживания. Если Мамочка куда-то исчезла, прилепись к тому, кто вроде бы готов о тебе позаботиться, причем первый признак — они дают тебе поесть.

И все-таки мужество этих крошек просто поразительно. Люди не способны на такое философское отношение к тому, что с ними происходит. Я снова легла, и на этот раз она пробралась по одеялу и устроилась у меня на руках — такая беленькая снежинка. Я радостно погладила ее ушки, два торчащих треугольничка, словно силуэты двух египетских пирамид на горизонте. Самое большое, что в ней было. Я ей нравлюсь! Завтра мы начнем жизнь заново. И с Сессом она поладит в один миг.

Как бы не так! Я из предосторожности унесла ее корзину вниз прямо с утра, на случай, если ей понадобится укрытие, хотя полагала, что в нем нужды уже не будет. Потом вышла в прихожую и позвала, совсем забыв, какими крутыми кажутся ступеньки котенку. Она спускалась так, словно совершала восхождение на Эверест, только наоборот: передние лапки вместе соскальзывают на ступеньку ниже, задик вздергивается перпендикулярно. Легче легкого, возвестила она, добравшись донизу. Вперед, за дело! На завтрак опять цыпленок?

К несчастью, Сесс притаился в засаде за дверью гостиной и зашипел на нее «тшш-ш-а!», когда она проходила мимо. Она пулей устремилась на кушетку и в корзину и осталась там до конца дня, выбираясь наружу, когда он уходил, но исчезала в самом дальнем уголке своего убежища, едва он возвращался. Еду и ящик приходилось подавать ей туда. Рисковать она не собиралась. И вечер прошел точно так же, как

предыдущий: Сесс у меня на коленях, словно слыхом не слыхал ни о каких котятах — до ближайшего ведь мили и мили! А вестерн, поняла я по его позе, — лучше не бывает: только погляди, как лошади мчатся по экрану! Шантун в глубинах корзины безмолвствует, я тоскливо представляю себе, как она остается в ней до конца своих дней, — что за жизнь ждет нас всех!

Вторник прошел примерно так же: если не считать, что мои приятельницы Дора и Нита, сестры-учительницы, зашли познакомиться с ней, сняли ее «полароидом» и с удивлением обнаружили, что на снимке ее вроде бы нет. Была-то она была, но углядеть ее можно было разве что в лупу. По поводу этого случая я извлекла «уютоложе» наших кошек, присланное в подарок еще Соломону и Шебе одной американской читательницей. Оно представляло собой гигантский прямоугольник пенорезины толщиной в четыре дюйма, с овальной выемкой, в которой могло уместиться несколько кошек, и обтянутый голубым искусственным мехом. «Моющаяся, гигиеничная, укрытая от сквозняков постель для ваших четвероногих друзей», — гласила надпись на огромной коробке, и доставивший ее почтальон был настолько заинтригован, что потом еще долго осведомлялся, как им нравится уютоложе. В конце концов он меня допек, и я пригласила его зайти поглядеть самому. Ложе это занимало почти весь каминный коврик, и Соломон с Шебой раскинулись на нем, как два турецких паши. Тут он заявил: «Чего еще и ждать-то от янки!» — И удалился, чтобы (как меня поставили в известность) сообщать во всех домах, куда он доставлял почту, что у меня в Америке друзья чокнутые почище, чем я сама.

В уютоложе нежилась несколько поколений сиамов, но после смерти Шебалу Сесс спал в нем по ночам один. И вот когда он отправился на свою прогулку по саду, я накрыла ложе розовым одеяльцем — поскольку дело

шло о девочке — и уложила на него Шантун, чтобы ее сфотографировали.

Ну, она забилась в складки одеяльца, прячась от двух незнакомок, которые пришли ее похитить, как она была уверена, а цвета на пленке выходят по-разному — но, как бы то ни было, на снимке запечатлелось что-то вроде бледно-розовых барханов, а над гребнем одного из них, если приглядеться, маячили две еле различимые белесые пирамиды.

— Ушки Шантун, — сказала я, обводя их пальцем. Нита потом призналась, что тут же подумала: ей этого котеночка не вырастить, но, конечно, вслух ничего подобного она не сказала.

А миссис Бинни выложила мне свое мнение утром в среду, и мой сосед старик Адамс, как раз проходивший по дороге, услышав ее слова, крикнул, чтобы я на нее внимания не обращала — от нее сам архангел Гавриил скиснет, стань он ее слушать, в ответ на что миссис Бинни назвала его полоумным старым дурнем и оскорбленно удалилась вверх по дороге. Среду я провела в размышлениях о том, что миссис Бинни, скорее всего, права, то есть в отношении Шантун. А вечером в среду кое-что произошло.

Я сидела в кресле и шила. Сесс свернулся в кресле напротив, укрыв нос черным тонким хвостом. Между нами на кушетке стояла кошачья корзина, из которой через некоторое время тихонько выскользнула белая фигурка майской королевы. Она остановилась, разглядывая мирно почивающего Сесса. Большая Кошка несомненно спала. Осторожно переставляя лапки, она прокралась по кушетке до кресла и распласталась там, напряженно изучая Сесса. Тут он звучно всхрапнул, вздрогнул, проснулся, увидел ее буквально у своего носа, взвился чуть ли не до потолка, после чего укрылся под книжным шкафом, а майская королева удрала в свою корзину.

На следующий день, видимо почерпнув утешение из того факта, что он еще ее не сожрал, она забралась на уютоложе, пока он гулял в саду, и осталась там, когда я вернулась с ним в дом. Он не попытался ее запугать, а уселся в соседнее кресло со страдальческим видом. К вечеру в четверг они, разгуливая по гостиной, уже проходили мимо друг друга — совершенно очевидно, не без задней мысли и столь же очевидно делая вид, будто вокруг нет никого из кошачьего племени. А в пятницу я мыла посуду в кухне и поглядывала в открытую дверь, чтобы броситься спасать Шантун в случае необходимости, так как они все еще чурались друг друга. И чуть было не выронила тарелку от изумления, когда нечто большое и черное промчалось мимо, а за ним следовало нечто маленькое и белое со скоростью лилипутского экспресса.

Я не успела сделать и шага, как они промчались обратно — на этот раз Шантун впереди, прижав уши для большей обтекаемости, а Сесс вне себя от азарта погони. Я осторожно выглянула из-за косяка. Шантун остановилась, села посреди пола, подняв лапку и с высоты своей шестидюймовости обещая подползающему на животе Сессу Задать Ему, Если он сделает Хотя бы Еще Шаг. А Сесс, помня только, что наконец-то у него снова есть девочка, с кем играть, выглядел куда счастливее, чем все последние недели.

Однако на пути к полному сердечному согласию оказалась маленькая зацепка. Позже вечером, устроившись на своем любимом кресле и зажав Шантун между передними лапами, он усердно мыл ее в знак того, что она — член семьи, Сесс нечаянно забрался языком к ней в ухо. Пробыв почти неделю в коттедже, она несомненно обрела его запах и больше его не шокировала, но под защитой этих пирамид внутренность ее ушей все еще хранила мерзкое напоминание о других кошках и иных местах. Он убрал

язык, оттянул губы в знакомом кошачьем оскале, знаменующем, что запахло чем-то немыслимо отвратительным, и снова разразился очередным «тш-ш-а!». И это могло бы вернуть все на стартовую линию, однако Шантун и внимания не обратила, то ли решив, что он слегка свихнут и время от времени любит пошипеть, то ли считая, что обругал он меня. Когда она словно бы не заметила его превращения в Чудовище, он оценил ситуацию, собрал всю силу воли, зажмурил глаза и вылизывал оба ее уха, пока они не обрели надлежащий запах. Рано Или Поздно Сделать Это Было Необходимо, сказал он. После чего они свернулись в клубок частично белый, а частично силпойнтской окраски и заснули. Жизнь в коттедже словно бы вернулась в нормальную колею.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Однако не совсем. За Сессом, с тех пор как он себя помнил, всегда ухаживали — сначала его мать, потом Шебалу, и он явно считал, что сиамы женского пола только для этого и созданы, так что ему не терпелось восстановить такое положение вещей как можно скорее. Поэтому, привыкнув раскидываться на уютоложе с Шебалу вместо подушки, он, как я вскоре обнаружила, постарался приспособить в подушки Шантун. Она была такой маленькой, что он выглядел смехотворно — такая большая бурая клякса на фоне уютоложа, а из-под него торчит только ее головка. Снова и снова я бросалась выручать ее — и слышала, как она мурлычет, точно шарманка, явно наслаждаясь тем, что принимала за излияние нежности. И мне оставалось только выразить надежду, что в один прекрасный день он ее не расплющит в лепешку.

И мыть ее он перестал довольно быстро. Не прошло еще и нескольких дней, как вылизывать его принялась она, а он принимал это как должное. Гигантская задача! В ожидании он усаживался очень прямо, и впечатление создавалось такое, будто она взялась почистить башню почтамта. Такая же нежная на вид, как тонкий восточный шелк, в честь которого она получила свое имя, Шантун на задних лапках дотягивалась до его ушей, словно они были венцом ее честолюбивых устремлений. Да так, возможно, оно и было. Большая Кошка была в полном ее распоряжении. Она — важная особа, и жизнь — один восторг, повторяла она мне.

Куда девалась робкая пушинка, с которой я познакомилась в Девоншире? Казалось, тамошние кошки совсем ее подавляли, и теперь она наверстывала упущенное. Она постоянно на что-то карабкалась, срывалась, ела то, чего не следовало, и оповещала об этом вселенную таким громким голосишком, какого мне не доводилось слышать ни у одного котенка. И даже разговаривала во сне. Одним из самых моих ярких воспоминаний о ее нежном детстве остается картина: они оба свернулись на уютоложе у огня, Шантун что-то сонно бормочет, не открывая глаз, а Сесс досадливо косится на нее, приоткрыв один глаз. Шебалу никогда себе ничего подобного не позволяла, было написано на его морде.

Именно тогда она обзавелась причудой, которую сохраняет и по сей день. Она не терпит, чтобы я печатала на машинке. Стоит мне достать машинку и поставить ее на столик у камина, как она, еще до того как я прикоснусь к клавишам, начинает, не открывая глаз, протестовать отрывистой морзянкой против того, что я Позволяю Себе Такое, когда в комнате находится она. Я же знаю, какой у нее Чувствительный Слух! Теперь я к этому привыкла. Я не обращаю внимания, и мало-помалу этот стрекот, в отличие от стрекота

машинки, постепенно затихает. Но когда она начала протестовать еще крохотулькой, это действовало очень угнетающе. И ведь никто из череды наших сиамов никогда такой идиосинкразией не страдал.

Прогулки на свежем воздухе создавали куда больше проблем. Коттедж расположен в долине между заросших соснами холмов, асфальтовая дорога кончается у его ворот, а кроме нее есть только лесные тропы для верховой езды, где можно встретить разве что соседскую кошку. И мы считали, что уж тут кошкам ничего на угрожает. Затем Сили, преемник Соломона, как-то в воскресное утро отправился погулять — и исчез. Ему тогда было шесть лет. Попасть под машину он не мог — мы и наши соседи вели поиски много дней и, конечно, нашли бы его труп. Либо кто-то его украл, либо — он ведь, как все сиамы, обладал неумным любопытством — ему взбрело в голову забраться в машину, стоявшую где-нибудь у обочины, и его случайно увезли. Нам оставалось лишь надеяться, — поскольку никто не вернул его нам в ответ на наши объявления, — что тот, кто нашел его, хорошо о нем заботился и полюбил его, как любили мы. Но после этого мы решили, что больше ни одна из наших кошек не будет гулять самостоятельно. Только под нашим присмотром. Потеря домашнего друга всегда большое горе, ну а сиамы с их впечатляющей внешностью и явной ценностью, без сомнения, слишком сильно искушают бессовестных людей. А потому мы приучили Шебалу и Сесса, преемника Сили, к ошейнику и поводку. На поводках Чарльз выводил их погулять утром, пока я готовила завтрак, на поводках они отправлялись с нами в лес, а на лужайке мы устроили большую вольеру с домиком, и там в хорошую погоду они грелись на солнышке, когда нас не оказывалось под рукой, чтобы следить за ними. С появлением Шантун я выводила утром Сесса на поводке в сад, чтобы он мог

там порыскать, а затем сажала его в вольеру, а Шани, как я вскоре начала ее называть, оставалась со мной, пока я занималась стряпней и уборкой, прерывая их, чтобы вынести ее на лужайку для котеночьей разминки. Там нас выслеживала миссис Бинни и предавалась мрачным пророчествам. Затем, когда я решила, что они уже достаточно свыклись друг с другом и Сесс не прыгнет на Шани, приняв ее за полевку, я начала выводить их в сад вместе.

Ошейника, такого маленького, чтобы он подходил для Шани, не существовало, а поскольку никто из наших кошек, пока они были котятами, никогда не отходили далеко от тех, кто с ними гулял, я позволила ей и Сессу резвиться на свободе — только держалась позади него, чтобы успеть его ухватить, если ему вздумается удрать. Но он воздерживался. Одно дело играть с Шани дома, где его видела только я, и совсем другое — прогулки, когда ему приходилось поддерживать свое сиамское достоинство. А потому он делал вид, будто незнаком с ней, расхаживал по лужайке или по дорожкам с гордой невозмутимостью, а она бежала рядом с ним вприпрыжку, словно мохнатый мячик, стараясь привлечь его внимание, или же (эту игру она изобрела сама, когда ноги у нее стали длиннее) набегала на него сзади и переносилась через него одним прыжком. Он только делал шаг в сторону и продолжал идти прямо с выражением покорности судьбе на морде, а она снова бежала за ним, подбираясь для нового прыжка.

Миссис Бинни, наблюдая за этой чехардой с приподнятой бровью, высказала мнение, что Шани страдает пляской святого Витта, но, против обыкновения, этот диагноз меня не встревожил, так как я пребывала в твердой уверенности, что кошки этим недугом не страдают. Старик Адамс, у которого когда-то жила сиамочка Мими — ее ему подарили прежние

хозяева, когда уехали жить за границу, и он не мог на нее надышаться до самой ее смерти, — сказал с грустью, что такую вот малышку он и сам бы взял — уж очень она напоминает его девочку. А Фред Ферри, наш (по слухам) местный браконьер, который крайне интересовался потенциальными возможностями сиамов с тех самых дней, когда он наблюдал, как Сесс, тогда еще котенок, бежал за сосновыми шишками или яблоками-паданцами, если я их ему кидала, и притаскивал их мне точно поноску, Фред Ферри заявил, что коли бы ее обучить, так она, когда подрастет, будет кроликов ловить почище, чем мышей.

Миссис Бинни, продолжая кампанию по выживанию меня из коттеджа ради своего сына Берта, как-то утром, облокотившись на калитку, заметила, что Шантун совсем тощенькой стала, и, понизив голос, осведомилась, известно ли мне, что мистер Майберн все жалуется на «эти там деревья». Майберны жили в бунгало выше по склону, и их сад с примыкающей частью луга граничил с моим фруктовым садом, и четыре яблони у самой ограды простирали ветки над деревянным сараем соседей. В число многих моих тревог, связанных с поддержанием коттеджа и участка в порядке, входил и страх, что яблони эти, очень старые и искривленные, как-нибудь в бурю рухнут на сарай и причинят ущерб, за который ответственность придется нести мне. И мое воображение уже рисовало непомерную сумму, которую потребуют от меня через суд. Уплатить ее мне будет не по силам, а мистер Майберн, уж конечно, окажется на линии огня, когда сарай рухнет, и мне придется продать коттедж вместе с кошками и доживать свой век, ютясь на чердаке... И все прочее, что воображают люди вроде меня, когда с крыши падает одна-единственная черепица. Конечно, имелся надежный выход: поручить какому-нибудь умельцу спилить яблони, но я знала, что мне это не по

средствам, а потому я продолжала ничего не делать и волноваться, а миссис Бинни принялась играть на моих страхах.

Я спросила, кому мистер Майберн жаловался.

— Да всем, — успокоила меня миссис Б. — Будь они моего Берта, так он бы их сам спилил, — добавила она в твердой и очевидной уверенности, что фруктовый сад, если я решу продать коттедж, автоматически к нему приложится. — Он говорит, они вот-вот свалятся.

Поглядев на склон — а стоят ли они еще? — я сослалась на что-то, подхватила Шани, а вечером поднялась на холм побеседовать с мистером Майберном. Я слышала, его тревожат деревья у изгороди фруктового сада, сказала я. Он подтвердил. Ну, рискнула я предложить, заплатить пильщику у меня возможности нет, но вообще-то я умею управляться с электропилой моего покойного мужа, так, если он мне поможет, я, пожалуй, сама сумею их спилить. Ну так как же?

Помочь? Он явно не представлял себя в роли лесоруба. Если я их просто спилю, объяснила я, так они, конечно, упадут на его сарай. Но если их подпилить, а потом потянуть вбок за веревку, они упадут на его луг. Так если бы он помог с веревкой, после того как я ее привяжу... А стволы он может взять себе, добавила я (отволочь их к коттеджу я, конечно, не могла)...

Сразу просветлев при мысли о яблоневых поленьях, мистер Майберн согласился, и в первое же субботнее утро можно было увидеть, как я тащу раздвижную лестницу по крутому склону за коттеджем к изгороди фруктового сада; тем же путем последовала пила, ее длинный кабель и жестянка с машинным маслом. Затем, трогательно попрощавшись с Шани и Сессом, заперев их в вольере, оставив записку с извещением, к кому следует обратиться, если я не вернусь (возможность, которую я в глубине души более чем допускала), я

надела шляпу для верховой езды, резиновые сапоги и перчатки.

Я думала, мистер Майберн предложит мне чашечку кофе, прежде чем мы приступим к работе. Но нет! Мистер Майберн уже ждал меня тоже в резиновых сапогах и в желтой каске строительного рабочего, видимо позаимствованной у кого-то на этот случай. Миссис Майберн опасно выглядывала из дверей бунгало. Никаких проволочек!

С помощью мистера Майберна я продернула лестницу сквозь путаницу веток первого дерева, взобралась по ней, для надежности привязала к надежному суку, втащила пилу, включила масляный клапан и принялась пилить. Почти все ветки падали аккуратно на луг или под уклон в мой фруктовый сад. Но когда я привязала длинную веревку к суку, нависавшему над сараем, подпилила его, спустилась на землю и попросила мистера Майберна помочь мне отогнуть его в сторону, миссис Майберн не выдержала.

— Нет, милый! Нет! — взвизгнула она и кинулась к нему, будто я потребовала, чтобы он спрыгнул с Маттергорна. — Ни в коем случае! Это опасно!

Я объяснила, что это абсолютно безопасно, если мы будем тянуть его вдвоем за тридцатифутовую веревку, твердо упираясь обеими ногами в землю далеко в стороне от вероятного места падения сука. А в одиночку мне его не обломить, если же я спилю его, он рухнет на крышу сарая. Тут она сдалась, молитвенно сложила ладони и смотрела, как мы отогнули сук, мистер Майберн остался его удерживать, а я белкой взлетела по лестнице и спилила его окончательно.

— Ах, Лесли, какой ты смелый! — сказала она, а я спустилась на землю и взялась за лестницу, чтобы перенести ее к соседнему дереву.

Так мы расправились со всеми четырьмя деревьями — сначала ветви, потом стволы, и на лугу Майбернов

красовалась порядочная их куча, а сараю больше ничто не угрожало. У меня не оставалось сил распилить все это добро на чурбаки, а одолжить свою пилу мистеру Майберну я не захотела. Работая с электропилой, необходимо очень часто открывать масляный клапан, иначе цепь высохнет и мотор перегреется. Он этого не знал, так как никогда с электрической пилой не работал, и ставил под сомнение такое частое впрыскивание масла. С бензиновыми пилами они так не делают, заметил он назидательно, намекая тоном, что я как женщина ничего в таких вещах не понимаю. Возможно, электропилы работают по другому принципу смазки, и я не собиралась допустить, чтобы мою пилу вывели из строя. Без нее зимой коттедж дровами не обеспечить. А потому я сослалась на то, что еще должна кое-что напилить дома, побрела вниз со всем оборудованием, сняла объявление с дверцы вольеры, сказала кошкам: «Я вернулась, ребята. И пока можно будет ни о чем не беспокоиться, я с ними расправилась!» — шатаюсь, вошла в дом, чтобы перекусить хлебом с сыром, перед тем как рухнуть в кресло. До вечера я слышала, как мистер Майберн трудолюбиво пилит на холме дрова, заняв пилу у кого-то другого. Время от времени мотор стихал и, судя по фырканию, заводился снова далеко не сразу. Оставалось только уповать, что мистер Майберн в этой системе разбирается.

Но одно мне стало окончательно ясно: став вдовой, я превратилась в социального изгоя в глазах некоторых людей. Сразу после смерти Чарльза меня навещало много народу, чтобы выразить свои соболезнования, и все держались с особой теплотой. «Это ненадолго, — говорили мне женщины, прошедшие через подобное раньше меня. — Одна ты никому не нужна. Скоро они начнут вас избегать».

Святая истина! В былые дни, если бы мы с Чарльзом пришли пилить эти деревья вместе, нас бы обязательно пригласили выпить кофе перед началом работы. И все было бы на самой дружеской ноге. А теперь от меня поспешили избавиться словно от чумной, словно из опасения, что я могу попросить о какой-нибудь помощи.

И Майберны не были исключением. Супруги Рона и Пол, с которыми мы с Чарльзом были в самых приятельских отношениях и регулярно играли в карты, прямо сказали мне, когда мы случайно встретились через несколько недель после его смерти, что видели меня как-то в супермаркете в Чеддере, но не подошли ко мне.

— Мы думали, вам не хочется ни с кем говорить, — объяснили они.

А подразумевалось, что им не хотелось говорить со мной, и упомянули они об этом случае только из боязни, не заметила ли я их тогда. А после этого увиделись мы только один раз, когда к ним приехала погостить мать Роны, тоже вдова. Меня пригласили на чай, а также съездить с ними посмотреть дом, который они приглядели. Оказалось, что они подумывают открыть пансион для кошек и собак, а это старинный дом с большим участком и амбаром, который можно перестроить в квартиру. Даже в несколько квартир, такой он большой. Если они получают разрешение на перестройку, мать Роны (покорно усевшаяся рядом со мной на заднем сиденье их машины, словно мы обе были уже прикованы к инвалидным креслам) продаст свой дом в Эссексе, пополнит своими деньгами требующийся им капитал и поселится с ними в такой квартирке. Может быть, они надеялись, что я предложу последовать ее примеру? Я хранила равнодушное молчание, а прощаясь с ними вечером, парировала слова Пола, что моя машина (купленная за полтора месяца до внезапной смерти Чарльза) для меня

великовата, решительным заявлением, что мне нужна именно такая, чтобы буксировать наш домик-прицеп, которым я намерена пользоваться и дальше, и с тех пор я их больше не видела.

А еще знакомый, который жил в другом конце деревни, но пас своих коз на лугу за коттеджем. Он всегда останавливался поболтать с Чарльзом, но после его смерти, когда я бывала в саду, проходил мимо, глядя прямо перед собой, делая вид, будто меня не видит, — вплоть до того дня, когда после страшной ночной бури я стояла на широком столбе ворот с электропилой в руке, готовясь разделаться с большим сукком сливы, который отщепился от ствола и, словно огромный лиственный занавес, закрывал калитку.

Козий владелец, спускавшийся по дороге для своего обычного утреннего визита, остановился и уставился на меня. Отлично, подумала я, сейчас он предложит поддержать сук, пока я буду пилить. Как бы не так! Я куда-нибудь сегодня собираюсь, осведомился он, а когда я ответила, что нет, он сообщил, что они с женой уедут на весь день, а одна из коз вот-вот окотится, так не присмотрю ли я за ней и не позвоню ли ветеринару, если понадобится? Я обещала, и он пошел своей дорогой, видимо не заметив, что я торчу на столбе, точно Нельсон на своей колонне, готовясь перепилить болтающийся сук, и была бы благодарна за помощь.

Вот почему я так терпеливо сносила визиты миссис Бинни вместо того, чтобы последовать совету старика Адамса, а также Фреда Ферри, и дать ей хорошего пинка под зад. Естественно, они выражались фигурально. Старик Адамс, который учился с ней в школе, называл ее не иначе, как Старой Модой (ее имя было Мод). Старая Мода, сказал он, чистая язва; с тех пор как он ее знает, она всегда была язвой. А еще она была вдовой. Всегда ссылалась на это обстоятельство. Всегда говорила со мной о «женщинах в нашем

положении» или о «женщинах нашего возраста», соблазняя меня последовать совету старика Адамса, ведь она была на добрых двадцать лет старше меня.

Но она, бесспорно, мучилась от одиночества. Вероятно, ей не хватало людей, которым она была бы нужна, — как и мне иногда, вот почему рот у меня разинулся, когда она однажды сообщила, что в деревне у нее есть ухажер.

— Интересная, значит, сплетня? — осведомился старик Адамс, как обычно проходя мимо в критический момент.

— Да... нет, — сумела я выдать из себя, а миссис Бинни испепелила его взглядом. Интересная? Потрясающая! Только подумать, у миссис Бинни есть поклонник!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Во всяком случае, таково было его толкование. В центре деревни располагался клуб «Дружеские руки» — живя в полутора милях оттуда, я имела довольно смутное представление о его деятельности, но объединял он людей в возрасте старше шестидесяти, хотя для пополнения числа своих членов охотно принимал вдов и вдовцов и моложе. После смерти Чарльза меня пригласили вступить в него, но мне казалось, что жизнь еще обещает мне нечто более увлекательное, чем ежемесячную общую встречу с мозольным оператором из местного оздоровительного центра или же ежегодную поездку в автобусе в Абедрин или Дургам, где экскурсантов размещали в опустевшем на лето студенческом общежитии и ежедневно таскали осматривать достопримечательности под руководством энтузиастов, которые неизменно становятся лидерами подобных

организаций. А потому я уклонилась. Коттедж, кошки и пишущая машинка обеспечивали мне занятий с головой. Отдыхать я отправлялась в машине с прицепом, вечера старалась проводить дома — во всяком случае, зимние вечера, потому что, возвращаясь откуда-нибудь в темноте, я на повороте к воротам рисковала оказаться в ручье вместе с машиной.

А вот миссис Бинни не пропускала ничего, где можно было выпить чаю с сухариками и вдоволь посплетничать, а особенно, если происходило чаепитие в деревенском клубе, до которого от ее дома было рукой подать. Она присутствовала безмолвной зрительницей в первом ряду на собраниях старичья-дурачья, как выражался Фред Ферри, пока не вмешалась судьба, устроив кончину восьмидесятилетней дамы, которая аккомпанировала на рояле «получасу хорового пения», завершавшему каждую встречу. И когда никто не предложил своих услуг, к общему удивлению, миссис Бинни вызвалась быть аккомпаниаторшей и, к еще большему всеобщему удивлению, отлично справилась с этой обязанностью. Жена старика Адамса, тоже член клуба, держала меня в курсе обо всем, там происходящем, и сказала, что, насколько она помнит, Мод Бинни девочкой музыке не училась — разве что когда была в армии, однако играет хорошо. И «Салли», и «Иди до конца пути», «Серебряную нить в золоте»...

— А-а! — сказала я, вспомнив весенний вечер, когда я проходила мимо деревенского клуба, возвращаясь с заседания исторического общества в доме его председателя (мы обсуждали переиздание истории нашей деревни, составленной нами несколько лет назад), и вдруг услышала «Салли», которую наябывали на рояле так, что, казалось, звуки вот-вот пробьют крышу. Так вот в чем было дело! Люблю все знать: я ведь никак не могла понять, кто так гремит.

Как бы то ни было, выяснилось, что хоровым пением руководит мистер Тутинг, который несколько лет назад, уйдя на покой, переехал в деревню откуда-то из Центральной Англии. Затем его супруга скончалась, и мистер Тутинг, которого легко было узнать с любого расстояния благодаря низенькому росту, очкам, офицерским усам, крайне самодовольному виду и круглой шляпе из клетчатого твида, посвятил всю свою энергию местным делам. Он был самым активным из церковных старост, когда-либо помогавших нашему священнику, — всегда готов руководить пасхальным обрядом обхода приходских границ, возглавить комитет по починке органа или лично присмотреть за кровельщиками, чинящими крышу церкви. Он привозил лекарства из аптеки в соседней деревне всем старикам, которые опускали рецепты в особый ящик на почте, а также был секретарем клуба садоводов, клуба мальчиков и клуба «Дружеские руки», на собраниях которого он вел «полчаса хорового пения»; занимая позицию у рояля, взмахивал руками, словно стремясь силой воли поднять поющих к потолку, и сочным баритоном изображал запевалу.

По словам миссис Адамс, когда миссис Бинни в первый раз аккомпанировала хору, мистер Тутинг по окончании отвесил ей поклон и, взяв ее руку за кончики пальцев, будто они танцевали менуэт, представил ее присутствующим, которые, решив, что от них требуются аплодисменты, не поскупились на рукоплескания.

— А потом, — многозначительно добавила миссис Адамс, — он ей руку поцеловал.

Я просто увидела, как мистер Тутинг изобразил в миниатюре дирижера Лондонской филармонии по завершении какого-нибудь концерта для фортепьяно с оркестром.

— А миссис Бинни что? — осведомилась я.

— Покраснела как свекла и все свои зубы показала, — ответила миссис Адамс.

Я без труда представила себе и это. Улыбка миссис Бинни, к счастью редко озарявшая ее лицо, была плодом довольно давнего протезирования, и большинство людей тут же рисовали в своем воображении лошадь, нацеливающуюся кусаться.

Мистер Тутинг, все еще раскланивавшийся с залом, видимо, не заметил этой улыбки. И с этих пор всякий раз после «получаса» он выводил миссис Б. собрать жатву рукоплесканий, провожал до ее места в первом ряду, затем возвращался на эстраду зачитать объявления, после чего помогал ей надеть пальто и провожал до дома, который находился тут же в переулке (по дороге к его собственному дому), освещая путь электрическим фонариком. И конечно, по деревне пошли разговоры.

— Решила его захоронить.

— Спит и видит, как поселится в бунгало.

— В ихнюю брачную ночь раздавит его в лепешку, что твой паровой каток, — с деревенской непосредственностью предположил Фред Ферри, когда, случайно встретившись у почты, мы смотрели, как эта парочка идет по улице.

А шли они по улице вместе — дюжая миссис Бинни и низенький мистер Тутинг, — потому что она из-за занавески высмотрела, как он проходил мимо ее калитки, и успела его перехватить. Миссис Такер, которая живет напротив миссис Бинни и из-за собственной занавески ведет наблюдение за всем, что делается в деревне, сказала, что миссис Бинни никогда его не пропускает.

Поскольку миссис Бинни решила, что интересуется его, то явно прилагала все усилия, чтобы ускорить дело. Для каковой цели, потряся деревню до самого основания и с такой же внезапностью, с какой села за

рояль, она в один прекрасный день убрала шляпу горшком и бесформенное пальто, которые носила с незапамятных времен, и явилась — сначала на почту, а попозже в тот же день — и в долину, щеголяя летним платьем пикассовской расцветки и прической из фиолетовых кудряшек.

Когда она с некоторой неловкостью спускалась по склону, старик Адамс, беседовавший со мной у калитки, поперхнулся на полуслове и уставился на нее в непритворном изумлении.

— Черт, Мод, — сказал он, — ну, ты прямо гиацинт в ярмарочном пакете. Чего это ты с собой натворила?

Словно не слыша, она с гордостью пригладила кудряшки и осведомилась о моем мнении.

— Я... э... просто вас не узнала, — проямлила я и, видимо, нашла правильные слова, потому что, пока старик Адамс незаметно слинял (несомненно, предупредить своих приятелей на холме, чтобы они были начеку, когда она пойдет назад), миссис Бинни поведала мне, что причесала ее Шерл. Весь вечер ее завивала. И сшила ей платье. С машинкой Шерл хорошо управляется, ну прямо мастерица. Оценив искусство, которое требовалось, чтобы сотворить платье на крупную и угловатую фигуру миссис Б. из любой материи, не говоря уж о подгонке узора из красных, желтых и зеленых треугольников на белом нейлоновом фоне, я искренне подтвердила это мнение.

Шерл, надо объяснить, была девушкой Берта, сына миссис Бинни. Двадцать лет назад она жила бы с родителями в приморском курортном городке неподалеку, где работала парикмахершей, а Берт по вечерам уносился бы туда на мотоцикле, чтобы ухаживать за ней, — и на целый день в воскресенье. Однако в наши дни, когда парочка, едва познакомившись, тут же поселяется под одной крышей, Шерл и Берт обосновались в жилом прицепе на шоссе

позади гаража, где Берт работал механиком, и подыскивали себе что-нибудь более перманентное.

Двадцать лет назад миссис Бинни объявила бы, что Берт ей больше не сын, а Шерл объявила бы распутной тварью, если не дочерью Иезавели, но поскольку они лишь подражали тому, что показывали по телеку и что, если верить слухам, творилось в некоторых богатых домах в окрестностях, так что же она, вопрошала миссис Б. соседок не без гордости за своего такого передового Берта, может подделать?

Конечно, меня это не касалось, однако платье, фиолетовая прическа и игра на рояле внушили мне некоторые подозрения о ее намерениях относительно мистера Тутинга. А что, если она кажется себе Сверхсовременной Мод и намерена поселиться в его бунгало, как Шерл поселилась с Бертом позади гаража? И если так, то она же состоит в Материнском союзе, а он — церковный староста, так что скажет наш священник?!

Но пока для меня наступила передышка. Она перестала навещать меня чуть ли не каждый день, чтобы поскорбеть о том, до чего я довела коттедж, или сообщить мне, что Шани — не жилища на этом свете. И Шани как по волшебству начала набираться сил.

У нее все еще случались приступы медвежьей болезни по малейшему поводу, но ветеринар Полины — он жил в двадцати милях от деревни, но зато сам держал сиамских кошек и понимал их — посоветовал подмешивать ей в корм капсулки древесного угля и белой глины. Это купировало медвежью болезнь, и Шани начала набирать вес.

И она начала давать отпор Сессу. Дома, где ему не требовалось изображать для посторонних глаз Надменного Монарха Из Сиам, он завел обыкновение пугать ее, когда, по его мнению, я за ними не наблюдала: опускал голову, прижимал уши и начинал

угрожающе описывать вокруг нее круги, а она отчаянно вжималась в ковер. И вот в один прекрасный день она не стала вжиматься, а легла на бок, выставила против него длинную черную ногу, чтобы отталкивать его точно багром, а передней лапой нацеливалась нанести ему удар. И она, когда он начал кружить, поворачивалась вокруг своей оси так, чтобы все время оставаться мордочкой и лапами к нему. Он так и не сумел найти позицию для прыжка, а потому оставил свое намерение и сделал вид, будто просто проходил мимо по пути к своей миске.

И еще одно. Подкрепленная древесным углем с белой глиной, она начала в мгновение ока очищать свою миску, а затем принималась за его порцию, так что мне пришлось кормить их поодиночке, чтобы он мог поесть спокойно. И вот как-то утром я спустилась вниз, поставила Сессу его завтрак в гостиной, а Шани — на кухне и выскочила во двор сменить землю в их ящиках, захлопнув дверь, чтобы она не выскочила следом за мной, — обычные утренние обязанности владелицы сиамских кошек — и тут, услышав щелканье замка, сообразила, что ключа-то у меня с собой нет.

На этот случай у меня всегда хранится запасной ключ в дровяном сарае. Да только накануне я ездила на машине за покупками и на обратном пути бросила сумку на заднее сиденье так, что ее содержимое высыпалось на пол. Я подобрала вроде все, поставила машину в гараж, подошла к задней двери и тут обнаружила, что ключа в кармашке сумочки нет. Решив, что он остался на полу машины, я, чтобы сэкономить время, воспользовалась запасным ключом.

И теперь он покоился на кухонном столе рядом с ключами от машины, так что и доступ к первому ключу был для меня закрыт.

В ужасе при мысли, что натворят кошки, оставшись в доме одни, — они же привыкли выходить в сад сразу

после завтрака — я сходила за приставной лестницей, вооружилась отверткой, забралась на покатую крышу крыльца, радуясь, что, против обыкновения, некому осведомиться, что это я затеваю, и подползла к окну свободной комнаты. Бешеный восторг! Как мне и казалось, я оставила окно чуть открытым для проветривания, когда несколько дней назад кончила там уборку. Я повернула шпингалет отверткой, влезла в окно и скатилась с лестницы вниз к большому недоумению Сесса, который только что кончил завтракать и не мог взять в толк, каким образом я появилась из этой двери, хотя ушла в ту. Я проскочила мимо клаустрофобки Шани, которой очень не понравилось сидеть одной-одинешенькой в закрытой кухне, ринулась во двор за ящиками, зная, что в них уже возникла срочная необходимость... И осознала, что опять проделала то же. Ключа не взяла, а дверь за собой захлопнула.

Второй раз забираться на крышу крыльца смысла не имело: окно теперь было надежно заперто изнутри. Я перенесла лестницу к окну кладовой над кухней. Могла бы и не трудиться. Чарльз давным-давно обезопасил его от непрошенных гостей, замотав проволокой шпингалет и задвижку. Я слезла на землю, в замочную скважину велела Шани быть умницей. Я сейчас вернусь к ней, сообщила я. И Мне Лучше поторопиться, проверещала она в ответ с угрозой в голосе, сулившей незамедлительное расстройство желудка. Где Сесс? Где Ее Ящик? Голос перешел в высокое сопрано.

Я кинулась к окну гостиной предупредить Сесса. Где Шани? Так я повела ее гулять Без Него, завопил он с подоконника, угрожающе вздернув хвост у самой занавески.

— Только не это! — простонала я вслух. — Не допусти!

У Сесса была прискорбная манера прыскать, чуть что-то выводило его из равновесия.

Понятия не имею, к кому я воззвала о помощи. Не думаю, что Творца сколько-нибудь заботило, что я осталась без ключа перед запертой дверью, как не заботило и намерение Сесса взбрызнуть занавеску. Когда я что-то теряла или оказывалась в затруднительном положении, то просила Чарльза помочь мне, и поразительно, если не сказать сверхъестественно, как часто все кончалось благополучно. Но теперь Чарльз помочь мне не мог, а судя по хвосту Сесса, дело отлагательств не терпело. Я побежала к Ризонам. У старика Адамса телефона не было.

Дженет Ризон уже отправилась на работу в соседнем аэропорту, и Питер тоже уже собрался уйти. Можно, я позвоню по их телефону в полицию, попросила я, объяснив, что случилось. Однако в местном участке автоответчик сообщил мне, что там никого нет, и посоветовал позвонить по 999, если вопрос срочный.

Еще какой срочный! Во всяком случае, с моей точки зрения. Я позвонила, сообщила ответившему голосу, что была бы крайне признательна, если бы кто-нибудь приехал открыть мою машину, где лежит ключ от коттеджа. Мне назвали номер тонтонского полицейского участка, а там ответили, что у них ключей от машин практически нет, и порекомендовали обратиться в Автомобильную ассоциацию вот по такому-то номеру. Там женский голос объяснил, что мне нужно их бюро проката, но оно откроется только в девять. А что мне требуется? Я объяснила с ударением на ситуацию с кошачьими ящиками. Она горячо мне посочувствовала. Может, они потерпят, сказала она и тут же переключила меня на аварийную помощь, и там обещали прислать ко мне кого-нибудь в течение часа.

Ждать час! Я, пошатываясь, побрела назад к коттеджу, представляя себе разгром, который Шани способна учинить в кухне, и состояние, в какое Сесс приведет занавески за этот срок. Питер, несколько минут спустя проезжая мимо, затормозил и высунулся из окна, чтобы спросить, все ли у меня в порядке. Я ведь сказала ему, что вернусь ждать аварийку, а сама вновь забралась на крышу крыльца, орудуя молотком и отверткой.

— В полном, — ответила я с уверенностью, которой не ощущала. — Мне пришла в голову мысль. Я уже почти там. Еще немножко.

Я вспомнила, как поступал Чарльз в тех редких случаях, когда мы оказывались перед коттеджем без ключа. И правда, я еще не договорила, как шпингалет вышел из гнезда, я всунула отвертку, подняла раму... и очутилась внизу, снабжая кошек чистыми ящиками. В Последнюю Секунду, заявила Шани, с видимым облегчением впрыгивая в свой, а я вставила ключ в замок, чтобы обезопаситься на ближайшее будущее.

Теперь мне оставалось просто позвонить в аварийку и предупредить, что приезжать ко мне не нужно. От волнения мне никак не удавалось найти их номер в телефонной книге, а потому я решила заглянуть в машину, благо ключи от нее — вот они, и отыскать номер в справочнике Автомобильной ассоциации, который хранился в кармане на дверце, а заодно забрать ключ от двери. Причину всей этой кутерьмы. Но, к полному моему недоумению, в машине его не оказалось. Я позвонила в аварийку, в отчаянии вывернула сумку над столом... Так вот же он! Застрял в уголке, где и пролежал все это время.

Следующей моей глупостью была путаница со стерилизацией Шани. Оперировать ее следует, когда ей исполнится шесть месяцев, сказал ветеринар, лечивший ее от нервных расстройств желудка. Она родилась в

конце января, шестой месяц года — июнь, вычислила я, и записала ее на конец июня. И уже почти проехала в назначенный день двадцать пять миль, как вдруг меня осенило, что шестой месяц после января — июль. А Шани еще только пять месяцев.

Я все-таки доехала до ветеринара, чтобы объяснить свою ошибку. Некоторые кошки достаточно подрастают и до шести месяцев, сказал ветеринар, осматривая ее. Но только не Шани. Она еще слишком мала, ей следует стать постарше. Но все равно она прелестная девочка, добавил он, нежно ее потискав, так что она вообразила, будто приехала к нему только ради этого. Ну, я отправилась с ней домой выждать еще месяц, опрометчиво сообщила о случившемся мисс Уэллингтон, толкнув ее в очередной раз на тропу войны — теперь во имя того, чтобы избавить Шани от стерилизации, — пусть у нее будут котята!

Мисс Уэллингтон, как должны помнить мои читатели, была пожилой дамой, принимавшей близко к сердцу все, что происходило в нашей деревне. Если ручей в долине разливался, она — хотя ее коттедж был на холме и ей ничего не угрожало, — по доброй воле несла дежурство у Промоины — большой трещины в известняковом ложе ручья выше по течению в лесу: считалось, что избыток воды должен изливаться в трещину, но довольно часто она оказывалась засоренной. И миссис Уэллингтон звонила надлежащим властям, а потом второй раз, потому что никто не появлялся в мгновение ока прочистить сток. Она предвидела катастрофы всякий раз, когда шел снег, лил дождь или задувал сильный ветер, и сновала тут и там, сплачивая силы, чтобы противостоять опасности, какой бы эта опасность ни оказалась. Предпочтительно мужские силы, а потому мужская половина местного населения обычно пряталась, завидев ее приближение. Впрочем, как-то раз она пригласила меня вместе с ней

сдвинуть огромное бревно, чтобы повернуть разлившуюся воду от тропы. Тщетно я утверждала, что обязательно надорвусь. Не успела я оглянуться, как уже ухватилась за конец бревна, тщаь приподнять его подобно Самсону.

В давние дни, когда Аннабель была молода, мисс Уэллингтон настойчиво уговаривала нас позволить бедной девочке обзавестись осленком. Всякий раз, когда она отправлялась погостить к своей подруге в Девонширском приморском городке, мы получали от нее открытки, на которых ослицы со своими мохнатыми отпрысками прогуливались по пляжу, а поперек них размашистая надпись гласила: «Когда-нибудь — это?» Мамаша Уэллингтон опять за свое, сообщал почтальон, доставляя нам эти курортные весточки. А когда мы решили-таки получить осленка... Веселая эта вышла история с ее талией (то есть Аннабели) обхватом в пятьдесят четыре дюйма! Хлопнулась как-то посреди дороги, заявив нам, что Больше Не Может Сделать Ни шагу — она же В Положении! И не желала разминаться, и продержала нас три месяца на горячих углях, пока мы ждали запоздавшего разрешения, хотя вовсе не была беременна. Так многие люди считали, что нас принудила мисс Уэллингтон, хотя мы просто надеялись, что Аннабель обзаведется малышом.

И теперь, когда миссис Бинни была занята тем, что высматривала из-за занавесок мистера Тутинга, к калитке начала являться мисс Уэллингтон, стоило мне высунуть нос наружу, и сообщала мне, какая прелестная кошечка милочка Шантун, и какая очаровательная из нее выйдет мать, и каким чудесным обществом будут для меня котята.

Я вспомнила единственных котят, которых нам подарила Саджи, — Соломона, Шебу и двух голубеньких мальчиков. Под водительством Соломона, самоназначившего себя их атаманом, они в те давно

прошедшие дни терроризовали всю долину. Играли в салочки вокруг труб на крыше, потому что тогда мы еще не перестроили коттеджа, и со склона холма за ним можно было прыгнуть на покатую крышу одноэтажной кухни и помчаться маленьким конным отрядом шерифа к ее коньку.

Мне вспомнилось, как Соломон, не способный взобраться на дерево выше чем на фут, хотя он и считал себя первым во всем, как-то чисто по инерции взлетел на сливу у калитки и свалился на голову священника, который с тех пор, намереваясь нанести нам визит, останавливался в нескольких шагах от калитки, вытягивал шею и всматривался в крону, проверяя, не сидит ли там в засаде Вельзевул, как он его называл. И та же сила инерции помогла Соломону взобраться на сосну у вершины холма, когда за ним погналась собака. До Самой Вершины, наставляла их Саджи, ну он и добрался до самой вершины, откуда его пришлось снимать пожарным. Он увенчивал макушку, точно звезда — рождественскую елку, и орал на всю долину, вызывая о помощи. А вся их компания прогрызала дыры в носках и одеялах, дралась, падала в бочки с дождевой водой и в свои миски, постоянно требуя «Еще», точно взвод Оливеров Твистов.

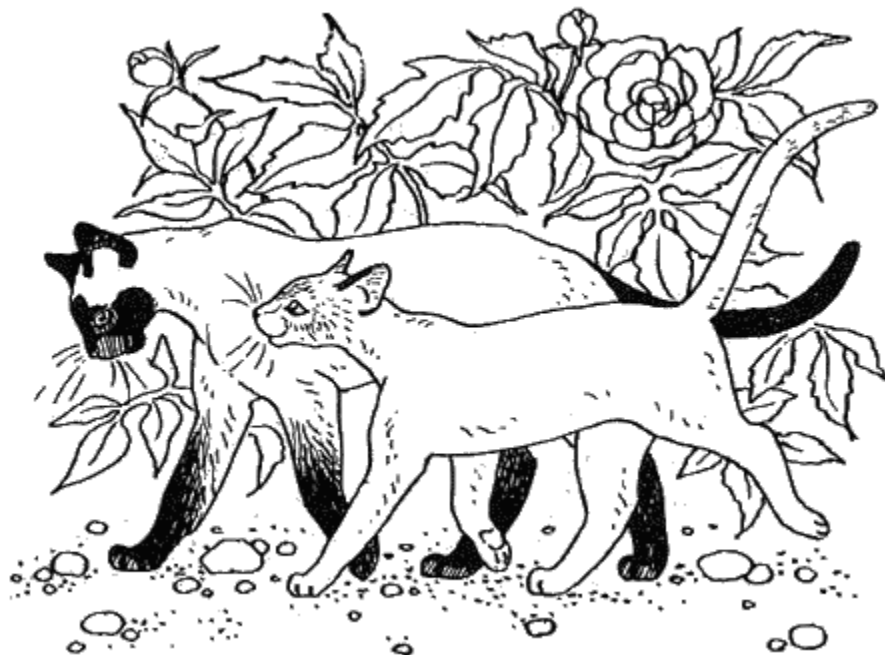
Нет, второй раз я такого не выдержу, сказала я. Тем более одна. И как же я потом расстанусь с котятами? Ведь именно это было главной причиной, почему мы тогда решили больше котятами не обзаводиться. Какой мучительной была разлука с Голубыми Мальчиками, и как мы почувствовали себя убийцами от того, что не оставили их себе вместе с Соломоном и Шебой, а один из них попал под машину. И ведь Шани не ограничится одним-двумя, с которыми я могла бы не расставаться. С моим счастьем она родит их восемь, если не больше, и все они будут хором стрекотать, чуть я сяду за машинку, так что я неминуемо свихнусь.

А потому в шесть месяцев она была стерилизована. И если не считать того, что мисс Уэллингтон несколько недель со мной не разговаривала, а Сесс зашипел на Шани, когда она вернулась от ветеринара, — от нее Разит, заявил он. (На следующий день, так как она чувствовала себя великолепно, я посадила их в вольеру, чтобы они погрелись на солнышке, но тут налетел внезапный летний ливень, и когда я проходила мимо, направляясь в гараж, то Шани не увидела — несомненно, она уютно устроилась в их домике, который любила, зато Сесс сидел под хлещущим дождем, объявляя, что он Внутрь Не Пойдет, от нее Разит, и больше он никогда рядом с ней спать не будет.) Так, если не считать одной-двух невзгод вроде этих, в коттедже царили мир и благодать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Длились они недолго. Мисс Уэллингтон приютила семейство голубей, от которых отказался кто-то в соседней деревне, и вновь вершина холма превратилась в бедлам.

Увидев покрашенный розовой краской коттедж с обомшелой крышей, частый переплет его окон, сад, полный лаванды, шпорника и роз, а посреди них старую даму в соломенной шляпке с белой горлицей на руке, почти всякий случайный прохожий сказал бы, что они — истинное воплощение Сельской Англии. Увы! Да, сад мисс Уэллингтон, бесспорно, выглядел именно так, а ее шляпка с цветами вносила необходимый штрих, создавая атмосферу милой старины, беда была в том, что ее коттедж выходил прямо на дорогу, а голубятню она поместила между окнами спальни, обращенными туда же. Птицы освоились с новым жилищем мгновенно, однако вместо того, чтобы любовно спархивать на ее

руку среди шпорника, они проводили почти все свое время, расхаживая по дороге, поклевывая гравий и мешая людям ездить по ней.

Совершенно очевидно, что там, где они жили раньше, дороги рядом не имелось, и им были неведомы опасности. Они просто сновали по ней, играя в игру «Кто Боится», когда подъезжали машины. Практически всякий раз, когда я отправлялась в деревню, мне приходилось вылезать вспугивать их, а затем прыгать на сиденье, чтобы успеть проехать, пока они снова не опустились на дорогу. А однажды я увидела, как развозчик угля стоял перед своим грузовиком и яростно махал на них мешком, а мисс У. верещала, повышая и понижая тон, что у него Нет Души, абсолютно Нет Души, и теперь она будет покупать уголь у кого-нибудь другого, на что он ответил «подумаешь, напугала», а голуби знай себе прогуливались перед грузовиком. Кульминация наступила, когда в одно прекрасное утро миссис Бинни проходила мимо и остановилась, чтобы осведомиться у мисс Уэллингтон:

— Так чего с ними-то будет, а?

Это был один из ее обычных зачинов, всего лишь предлог, чтобы завязать разговор. Фред Ферри, проживающий напротив мисс Уэллингтон, как раз стоял, положив локти на верх своей калитки, и тут же заорал:

— А пирог с голубятиной! — И так громко заржал над своей шуточкой, что вспугнул голубей, они, трепеща крыльями, взмыли в воздух и унеслись в голубятню, но в спешке кто-то из них слегка попачкал фиолетовую прическу миссис Бинни.

Фред Ферри хлопнул себя по колену и чуть не повалился на землю от хохота, а миссис Бинни выкрикнула слова, которые, безусловно, подхватила не в Материнском союзе, и мисс Уэллингтон сказала, что женщина, способная пользоваться подобными выражениями, меньше всего истинная леди, после чего

миссис Бинни удалилась, оскорбленная до глубины души.

В тот же день, когда коттедж на вершине холма утопал в золоте заходящего солнца, а голуби вновь бродили по дороге, из-за угла «Розы и Короны» выехала машина и медленно проследовала мимо фермы — так медленно, что еле ползла. Когда она поравнялась с коттеджем мисс Уэллингтон, из окошка высунулась рука и швырнула что-то на дорогу впереди.

Раздалось громовое «бу-у-ум!», голуби взмыли кто куда, машина покатила вниз по склону, а внизу — там, где я выглядывала в окно, недоумевая, что произошло, — развернулась и неторопливо двинулась обратно. Когда она проезжала мимо коттеджа мисс Уэллингтон, ни единого голубя на дороге не было. Фред Ферри сообщил, что они еще кружили в небе. Все остались целы и невредимы. Видимо, это была просто шутиха. Однако все обитатели коттеджей поблизости выскочили из дверей и успели узнать и машину, и ее водителя. Как я слышала, вечером в «Розе и Короне» все наперебой угощали пивом Берта Бинни. И в следующий вечер, и в следующий, потому что с этих пор голуби начали уважать машины и уступать им дорогу. Мисс Уэллингтон была вне себя, но сделать ничего не могла, только, встречая миссис Бинни в деревне, проходила мимо, гордо вздернув голову, как вздергивала голову миссис Бинни, едва завидя мисс У. Два сапога — пара, сказал старик Адамс.

Разумеется, виноват в первую очередь был Фред Ферри, дернуло же его разразиться этим своим хохотом. Прямо-таки чертова гиена, как утверждал старик Адамс. Да я и сама часто слышала этот хохот, когда Фред отпускал дурацкое замечание по адресу кошек, и еле удерживалась, чтобы не отвесить ему оплеуху. Именно это желание охватило меня как-то вечером на лесной тропе. Я старательно выбрала время

для прогулки — сразу после ужина, когда мало шансов встретить кого-нибудь с собакой. Сесс был на поводке, с которым совершенно свыкся. И Шани вышла на свою первую прогулку за границами коттеджа в легоньком эластичном ошейничке с длинным поводком. Я сочла нужным приучить ее к этой сбруе, которую сама изготовила, ну а кроме того, при появлении собаки я могла сразу подхватить малютку на руки, не опасаясь, что она заберется куда-то, откуда ее будет очень трудно извлечь.

Ну и вела она себя довольно прилично. Поизвивалась, попробовала высвободиться из ошейничка, пятась назад, но мы дошли почти до ворот заказника, и она начала двигаться нормально, но тут мы наткнулись на Вонь.

И воняло, надо признаться, весьма и весьма. Примерно за полчаса до этого с холма спустилась всадница на незнакомой лошади, попыталась повернуть ее через ручей, чтобы подняться по лесной тропе, а лошадь заартачилась. За некоторыми лошадьми это водится, когда от них требуют пересечь незнакомый поток. Она пятилась, вздыбливалась, брызгала пеной. Естественно, никогда не следует допускать, чтобы лошадь взяла верх в таких случаях. Уступишь, повернешь — и она уже никогда не пересечет этого ручья. А потому всадница ударила ее пятками, я выскочила из калитки и громко затопала позади. Так что лошадь сдалась и затрусилась по тропе... только, чтобы напустить лужу величиной с наш садовый прудик перед воротами заказника. После чего встряхнулась, фыркнула и продолжала путь.

Лошадь позволяет себе облегчиться на дороге только в экстремальных случаях. Она предпочитает солому в стойле или сходит на траву. Шани никогда прежде ничего подобного не видела, но явно поняла, что натекло. Да и кто не сообразил бы при таком

запашке. Прежде ей приходилось наблюдать только Сесса, и она сочла, что это его работа, ведь он мальчик, небрежен, ну и не озаботился выбрать место поудобнее. Вот так! Я стою перед слякотным и вонючим пятном на дороге, Сесс беззаботно устремляется вперед, натягивая поводок, а Шани, крохотная такая мышка у меня за спиной, яростно скребет задними лапками, чтобы присыпать подобное безобразие.

Я потянула поводок, но она уперлась, а вернуться к ней я не могла, потому что Сесс тянул в свою сторону. И в этот момент позади меня с холма деловито спустился Фред Ферри и свернул на тропу. (Фред всегда появляется вот так, с рюкзаком на плече, откуда у него и репутация нашего местного браконьера.) Он сказал, округляя глаза в два блюдечка:

— Черт, это она напрудила?

И ведь прекрасно знал, что она тут ни при чем! Что не помешало ему сообщить о рекорде Шани в «Розе и Короне» как о доказанном факте, так что еще немало дней люди проходили мимо специально, чтобы спросить, правда, что у меня есть кошка, которая льет, как пожарная кишка?

Они останавливались и ждали, не продемонстрирует ли она это свое качество, а ей это крайне не нравилось. Она убегала в дом, пряталась за кушеткой, утверждая, что Похитители Девочек, которых она всегда опасалась, наконец явились ее схватить.

Вносила сложности в наше существование и моя тетя Луиза, которой скоро должно было исполниться восемьдесят. В молодости она помогала бабушке растить меня, а теперь пришла моя очередь заботиться о ней. Она по-прежнему жила в старом доме нашей семьи в Бристоле и благодаря гордому духу независимости, добрым соседям и моей помощи в нужные моменты управлялась со всем прекрасно.

«Управлялась» — наиболее точное слово. Она была бойкой как птичка, выглядела шестидесятилетней, командовала местными делами, как до нее — моя бабушка. Ну, просто королева-мать! Ближайшую ее подругу, женщину заметно моложе нее, жившую совсем рядом, звали Дорин, как меня, хотя писала она свое имя иначе: с двумя «эн» на конце.

Каждый день, пока Доринн была на работе, Луиза являлась выпустить Нортон и Лепесток, двух ее кошек, в сад, после прогулки забрать их обратно, ну и вообще присматривала, чтобы все было в порядке. Доринн в свою очередь каждый вечер приходила к Луизе поболтать: сообщить, что происходит вокруг, и описать собственные занятия, довольно-таки разнообразные. Чтобы покрывать расходы на свой большой старинный дом, она вдобавок к основной работе сдавала комнаты двум-трем студентам, учившимся на специальных курсах при политехническом институте поблизости. Обедали они в колледже, на выходные отправлялись домой, и это хорошо согласовалось с расписанием недели самой Доринн. Им у нее жилось удобно, и ей приходилось кормить их завтраками и ужинами только по будним дням, а заботы о них с ней разделяла Луиза. Например, именно Луиза, застав кого-нибудь из студентов в постели с простудой или расстройством желудка, принималась ухаживать за ним. А Доринн поставила на место нераскаянного грешника, который объявил, что не терпит кошек, и был застигнут на месте преступления, когда вознамерился наградить Нортон увесистым пинком. О нем сообщили в колледж, и ему пришлось переехать в общежитие. И все-таки я еле устояла на ногах, когда в один прекрасный день обнаружила на кухне Луизы целую полку, тесно заставленную бутылками с кетчупом, и Луиза объявила, что прячет их от студентов Доринн. Накануне Доринн явилась, мечая молнии и прижимая к груди сумку с

бутылками, и заявила, что эта компания (поселенные у нее студенты) — предел пределов. Они льют томатный соус на все подряд — даже на деликатесы, которыми она угощала их раз в неделю, когда ужинать приходил ее приятель. Она подобного не потерпит, так не согласится ли Луиза поставить бутылки у себя, чтобы она, Доринн, могла, не кривя душой, утверждать, что у нее в доме нет ни капли кетчупа?

И мстительно добавила, что спрятала у них в спальне освежитель воздуха, и они только зря комнату обыскали — им его в жизни не отыскать. Она не поскупилась на освежитель, потому что один из них курит не переставая и в спальне дышать нечем. Луиза осведомилась, почему они ищут освежитель. Куда Доринн его запрятала? А потому, что им его запах не по вкусу, ответила Доринн. А где он спрятан? Так в матрасе куряки. Засунула "его в маленькую прореху. Рассказывая мне это, Луиза смеялась буквально до слез, даже не подумав, какими странными иногда выглядели ее собственные поступки.

Среди ее соседей был Эдвард, холостяк, примерно мой ровесник. Мы с ним были знакомы с детства. После смерти своей матери он перестроил часть дома в очень удобную квартиру для себя, а остальное начал сдавать. Приходящая уборщица поддерживала чистоту в квартире, Луиза по-матерински приглядывала за ним и пекла ему пирожки, а Доринн, всегда готовая подзаработать, иногда стирала для него, что-то чинила, что-то штопала. А потому я совсем растерялась, когда Луиза сообщила мне, что Эдвард просил ее попросить меня покрасить его занавески для ванной. Они были голубые, полотняные, но заметно вылиняли. Да и вообще он предпочел бы темно-коричневые и был бы весьма благодарен, если бы я...

Но почему он не попросил Доринн? Неужели... Мы ведь примерно одного возраста, а теперь оба одиноки...

Да нет же, не может быть, сказала я себе. Он — закоренелый холостяк, я ни о чем подобном и не помышляю, что прекрасно известно Луизе. И вот я их по-дружески перекрасила. Правду говоря, красить я умею хорошо. Вероятно, Луиза как-то упомянула про это в разговоре с ним, решила я. И занавески теперь выглядели чудесно. Я отвезла их, мы с Луизой пошли к Эдварду, пока его не было дома, повесили их, и я поехала домой, блаженно радуясь хорошо сделанному добруму делу... И только для того лишь, чтобы Эдвард позвонил, едва я вошла в дверь, и принялся извиняться с таким усердием, что я просто увидела, как он весь вспотел. Он не мог понять, почему Луиза попросила покрасить занавески именно меня.

— Мне подобное и в голову бы не пришло, — повторял он. — Никогда бы не пришло.

И объяснил, что хотел, чтобы она отнесла занавески Доринн дальше по улице, и почему она вдруг вообразила...

Ну, это-то я понять могла. Ведь наши имена произносятся одинаково, а уж если кто-то мог напутать, то именно Луиза, которая всю жизнь лихо занималась словотворчеством. Например, когда в розыгрыше Кубка мира национальная сборная Англии играла против сборной Камеруна, Луиза с восторгом сообщала мне и всем, кого ни встречала, что смотрела по телевизору матч нашей сборной с макаронами. Ну, точь-в-точь ее мать, моя бабушка, которая, когда я была девочкой, называла Гитлера не иначе как герпес Гитлер, а Сталина — старым Столбом. Как ни странно, Луиза, когда была моложе, так в словах не путалась. Или эта наследственная черта развивается с возрастом, подумала я в ужасе...

Ну, случай с окраской занавесок я все-таки уладила к собственному удовлетворению — если не к удовлетворению Эдварда, который еще недели и

недели продолжал рассыпаться в извинениях, — и вернулась к главному моему занятию тех дней: я пыталась приучить кошек к прицепу, чтобы потом брать их с собой в путешествия.

Когда Чарльз был еще жив, мы намеревались взять с собой Сесса и Шебалу. Но эти планы так и остались планами. Нет, мы несколько дней отвели практике, поставив прицеп на собственном лугу, но попытка оказалась столь катастрофической и настолько утвердила наших соседей во мнении, будто мы слишком чокнутые даже для нашей деревни, что мы отказались от этой идеи. Однако Сесс с тех пор повзрослел, Шани была еще робкой крошкой, а я так нуждалась в их обществе во время короткого отпуска... Мое воображение рисовало картины, как мы втроем гуляем по пляжу моей любимой корнуоллской бухты и, уютно свернувшись на наших постелях в прицепе, читаем при свете лампы... И я начала брать их с собою в прицеп, когда ходила проветрить его. Они сидели слева и справа от двери и смотрели на проезжающих всадников и всадниц, точно парочка цыганских кошек — им не хватало только пестрых шалей да болтающихся серег в ушах, — или же Шани обследовала шкафчики, а Сесс, как в давние дни, забирался повыше проверить, можно ли вылезти через световой люк. Зачем ему это требовалось, когда дверь стояла открытая настежь, понять трудно, но Сесс никогда не уставал изображать Гудини. И вот как-то в летнее утро, когда валки травы, которую я скосила, прокладывая Г-образный путь, чтобы облегчить буксировку прицепа туда и назад, достигали почти до моих плеч, — кипрей, ромашки и золотарник, перебравшийся на луг из сада, — они исчезли. То есть кошки. Исчезли без следа.

Я не могла поверить. Я заглянула в шкафчик под мойкой — на месте ли свечи, но тут же повернулась,

проверяя, сидят ли кошки по-прежнему у двери, а их и след простыл!

Я выскочила наружу, в панике оглядывая луг. Ничего, кроме высокотравья, в которое они нырнули. Если, конечно, не выскочили на дорогу. Я кинулась туда. Их нигде не было видно. Назад, точно пловец по волнам кипрея, ромашек и золотарника, к деревьям и уходящему вверх склону, выкрикивая их имена. Нигде никого. Возможно, они находились на расстоянии вытянутой руки, но как было разглядеть их в гуще растений? И дальше за деревья по более низкой траве на склоне, где еще сохранились тропки: там их полностью выкашивала Аннабель. Опять ничего. Но я-то знала, что на солнышко выползли гадюки. Когда Сили был котенком, одна укусила его именно здесь. Я старалась топтать погромче, чтобы спугнуть змей, и пыталась выкинуть их из головы. Вперед — туда, сюда, но беглецов нигде не оказалось.

В конце концов пришлось оставить поиски и вернуться в коттедж, надеясь, что они сами добрались домой. Они же всегда сами возвращаются, подбодрил меня отец Адамс, с которым я столкнулась на дороге, пока старалась найти их. Нет, не всегда. Сили ушел однажды утром много лет назад и исчез бесследно. И вот, когда, ругая себя, что на секунду выпустила их из вида, гадая, что с ними приключилось, я уныло начала варить кофе, они проследовали гуськом к двери гостиной, даже не взглянув на меня. Я не верила своим глазам. Где они пропадали? С этим вопросом я упала на колени и сгребла их в охапку. Гуляли, смотрели, что там и как, сообщил Сесс, как обычно шествуя впереди с таким видом, будто гуляли они минут пять, не больше. Приглядывала за ним, объявила Шани, следуя почти вплотную к его хвосту. И я просто не поверила бы, расскажи она, где он ее таскал!

Еще как поверила бы! Я решила, что брать их с собой в путешествия нельзя никак, и поклялась больше глаз с них не спускать. И за этим занятием, ответами на письма и созерцанием происшествий в Долине миновало лето.

Писем я получала больше обычного. «Ожидание за кулисами», опубликованное совсем недавно, побудило многих читателей написать мне, что они нашли в этой книге чувства, которые испытывали сами после утраты кого-то близкого или старого четвероногого друга. И она помогла им, писали они, а затем многие рассказывали о загадочных происшествиях, которые наталкивали их на мысль, что те, кого они потеряли, живут и после физической смерти, ожидая их где-то.

Случай, который произвел на меня самое большое впечатление, произошел, когда я разговаривала с одной женщиной на собрании в Лондоне, очень практичной, чуждой всяких фантазий юристкой, для развлечения разводившей сиамских кошек. Она тоже сказала, как ей понравилось «Ожидание за кулисами», а я сказала, что уж она-то, казалось мне, сочтет, что я немножко рехнулась.

— Но все так и было, — заверила я ее. — Мой муж правда видел призрак Соломона.

А она заверила меня, что нисколько в этом не сомневается, и сказала это, глядя мне прямо в глаза. По ее убеждению, и люди и животные продолжают жить и после смерти. Когда какая-то из ее кошек умирает или ее приходится усыпить, духовная сущность, несомненно, остается в доме еще несколько дней. Она всякий раз это чувствовала. Было только одно исключение — сиам, чей первый владелец умер. Кот прожил у нее много лет, а когда его пришлось усыпить из-за неизлечимой болезни, он пробыл с ней только около часа.

— Но почему? — спросила я. — Как вы это объясняете?

— После всего, чем он был мне обязан! — произнесла она с притворным негодованием. — Сразу умчался к своему первому хозяину, естественно.

Но когда Сесс умер через год после Шебалу, ничего похожего не случилось. У меня не возникло ощущения, что он оставался со мной. Нет, я знала, что один из самых моих близких друзей, последнее живое существо, которое я растила вместе с Чарльзом, исчезло и мы с Шани остались одни.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сессу было всего восемь лет, когда он умер от нераспознанной опухоли желудка. Тогдашний мой ветеринар не сумел определить причину его недомогания и направил его в клинику Бристольского ветеринарного института в Лэнгфорде неподалеку от моего дома. Один из их отделов занимался специально кошками, и там поставили диагноз инфекции прямой кишки, но это только затуманило картину, а когда истинная причина была установлена, положение оказалось безнадежным и оставалось только усыпить его.

Я даже не думала, что после смерти Чарльза что-то способно так меня потрясти. В конце концов, чувствуя себя совсем раздавленной, я отправилась к моему врачу. И она, хорошо меня зная, отодвинула бланки рецептов со словами:

— Вам требуется новый сиамский котенок. И безотлагательно.

Я поехала прямо домой и тут же позвонила Полине Фэрбер.

И вновь у Полины не оказалось собственных котят, но ее Барди, сводный брат Сесса, недавно спарился с кошкой ее знакомых, и котята как раз готовы к продаже. Я поехала с Полиной посмотреть их.

Когда нас проводили в гостиную, там, как всегда бывает в домах тех, кто разводит сиамов, кишмя кишели котята. Взлетали на занавески, перепрыгивали через ручки кресел, падали, точно перезревшие сливы, с абажуров настольных ламп и мчались вопящими мохнатыми отрядами по полу. Изящная блюпойнт прогуливалась среди кутерьмы и призывала их к порядку, но, как я догадывалась, на самом деле поощряла их. У одной стены стоял выстланный мелкаячеистой металлической сеткой большой детский манеж, накрытый такой же сеткой. На доске, положенной поперек сетки, сидел в клетке серый африканский попугай, наклонив голову, следил за котятами и повторял: «Давай же! Давай! Давай!»

Он помогает воспитывать котят, сообщила хозяйка, и, увидев, как у меня глаза полезли на лоб (я на своем веку наслушалась множество невероятных историй о сиамах, знавала немало чудаковатых их владельцев, но чтоб такое!), она объяснила, что работает, хотя и не каждый день, и когда уходит, то сажает мать с котятами в манеж, чтобы они ничего не натворили. Остаются они там не очень долго, а попугай составляет им отличную компанию. Разговаривает с ними, а они верещат в ответ.

— Особенно вот этот, — добавила она, указывая на плотненького силпойнта, который носился по комнате с бешеной скоростью, хлопая по заднику сестричку-блюпойнт, словно подгонял палкой обруч. Он, сказала

хозяйка, и когда не сидит в манеже, часто забирается на него поближе к клетке и общается с Синдбадом.

— С Синдбадом? — переспросила я.

— С попугаем, — ответила она, и я кивнула, будто получила исчерпывающее объяснение.

Да так оно, наверное, и было. Настал момент, когда этот котенок перестал лупцевать сестричку, метнулся ко мне, сел и уставился на меня глазами такой яркой голубизны, какой я еще никогда не видела даже у сиамов. Затем под громкие одобрения Синдбада: «Давай же, давай!» (любимая его фраза, по словам хозяйки) — котенок вскарабкался по моей ноге, уселся у меня на колене, устремил взгляд на мое лицо, и я поняла, что он — мой.

Я увезла его домой и познакомила с Шани, которая из принципа зашипела на него, прошла мимо, будто он был жалким ничтожеством, а затем принялась полностью его игнорировать. А он игнорировал ее. И не прятался от нее, как она когда-то от Сесса. Видимо, котята, воспитанные попугаем по кличке Синдбад, не знали, что такое страх, и он расхаживал по коттеджу, словно котенок-пират с головой, повязанной невидимым платком, и невидимым же кортиком на боку. Он окончательно подтвердил это сходство, когда через одно-два утра познакомился с деревенским почтальоном.

Это был дюжий молодой человек с могучей черной бородой, золотой серьгой-обручем в ухе и буйными черными кудрями, которые он никогда не накрывал форменной фуражкой. Короче говоря, внешность достаточно грозная, и он ни с кем не разговаривал — просто вручал письма или бросал их в ящик. В это утро его красный пикап подъехал, когда я была с котенком в верхнем саду. Когда я побежала по дорожке мимо коттеджа, чтобы взять почту, котенок (я решила назвать его Сафрой, так как он был сыном Сапфиры, но

он уже приобрел куда более подходящее имя Гроза) промчался мимо меня, повернул и влетел во двор. Сначала я подумала, как бы почтальон его не напугал. Потом подумала, что встреча с Чернобородым научит его не торопиться здороваться с незнакомыми людьми. Я в свою очередь галопом завернула за угол и — не поверила своим глазам. Почтальон стоял на коленях, адресованные мне письма рассыпались по плиткам, а Гроза стоял на задних лапах, упираясь передними в грудь почтальона. Оба разглядывали друг друга с нескрываемым восхищением.

— Хочешь, поехали ко мне? — спросил почтальон.

А почему бы и нет! Можно мне Прокатиться В Пикапе? — осведомился Саф.

Остерегаться незнакомых людей это его ничуть не научило. В следующее воскресенье посмотреть на него приехала Луиза. Ди, моя двоюродная сестра, обычно привозившая ее, уехала отдыхать, а потому я отправилась за ней в Бристоль. Подъехав к коттеджу, мы вошли через заднюю дверь, чтобы плотно закрывать за собой все двери до гостиной.

К этому времени котенок и Шани стали друзьями навек. Ей очень не хватало Сесса, Сафра по натуре был абсолютно непрошибаемым, и они поладили гораздо быстрее всех кошек, каких мне довелось знать. А потому я оставила их вместе в спальне. Для разминки у них была лестница и прихожая — дверь оттуда в гостиную я закрыла особенно плотно, чтобы оберегать еще целые безделушки. А теперь я распахнула ее со словами: «Вот он — Гроза!» И он вошел, не влетел стремглав, как котенок, готовый поразвлечься, но как Глава Дома, задрав хвостик, точно личный штандарт, готовый величественно и непринужденно познакомиться со своей гостьей.

Шани нигде не было видно, но я не сомневалась, что она наверху на кровати разыгрывает свою любимую

сцену — прячется под покрывало у стены на случай, если за ней явились похитители. Он, однако, размеренным шагом прошел посередине комнаты, точно августейшая особа — по красному ковру, прямо к Луизе. А она, прослезившись от умиления, опустилась на колени, чтобы потискать его.

— Ах ты, дусик! — сказала она.

Уже многие вставали на колени и называли его дусиком, не подозревая при этой первой встрече, каков он за кулисами. В свой первый день в коттедже он взобрался на бюро, цепляясь коготками за резьбу, смахнул на пол деревянного гарцующего коня, так что у того отломилась нога, и отправил туда же фарфоровую статуэтку бретонской пряжи, которая в результате лишилась головы. (Впрочем, голова была приклеена после того, как много лет назад отлетела, когда статуэтку атаковали котята Саджи. Но, имея дело с сиамцами, к подобному привыкаешь очень быстро.) На второй день он покорила высокую резную спинку кресла, как будто бы восходившего к эпохе Стюартов и очень ценного, встал на ней, чтобы дотянуться до картины, которую тоже наметил для покорения, и вместе с картиной слетел на пол. А на третий день он свалился в рыбный прудик — верный знак, что он освоился. Со времен Соломона, который угодил в прудик, едва он был выкопан, в погоне за зайцем, все наши сиамские мальчики непременно в детстве сваливались в него. Чарльз выкопал его посередине двора между задней дверью и боковой калиткой, но, хотя я тут же напороочила, что в прудик постоянно будут вляпываться почтальон или молочник, по сей день бултыхались в него только сиамские коты. Обычно, когда гнались за чем-нибудь, и всего один-единственный раз. В дальнейшем они ловко его избегали.

Однако Сафра побывал в нем дважды. В первый раз случайно, когда гулял с Шани. Я полагаю, что случайно, не могла же она его подначить?

Но факт остается фактом: после утренней прогулки они под моим присмотром возвращались по садовой дорожке, прошли через двор, обогнули деревянный сарай, а за ним — каменный, где хранились дрова: он требовал обследования, чтобы установить, кто посетил двор ночью. Я знала, что среди ночных гостей бывали барсуки — я часто видела там следы барсуков, словно отпечатки детских ладошек.

И вот, зная, где кошки, я забежала в кухню повернуть газ под кастрюлькой с их крольчатинной и сразу же вернулась — чтобы увидеть Сафру посреди двора, больше всего смахивающего на утопшую крысу. Я догадалась, где он побывал, подошла проверить — и действительно, сбоку от прудика красовалось большое мокрое пятно, а вода все еще волновалась. Я поискала взглядом Шани. Она сидела у дровяного сарая, погруженная в размышления. Она Тут Ни При Чем, что бы это Ни Было, было написано на ее мордочке.

— Ну, больше ведь ты туда не свалишься? — сказала я, унося его на кухню и беря полотенце. Однако на следующий же день все повторилось, причем у меня на глазах. Он вышел из-за дровяного сарая и направился по диагонали к пруду. Вполне возможно, что в первый раз он окунулся случайно, но переплыл его, гребя лапками, точно ретривер. Не исключено, что его подбила Шани, но, когда я ее увидела, она вновь сидела с невиннейшим видом у сарая, погруженная в задумчивость. А заметив его, изумилась. Где это он побывал? Ну на секунду его нельзя оставить одного! И я, на случай, что прыгнул он в прудик нарочно (исходя из предпосылки, что котенок-пират обязан плавать), отыскала сетку, которой мы когда-то накрывали прудик, чтобы пролетающие цапли не могли покуситься

на рыбок, и водрузила ее на место. Гроза, обнаружив, что этот выход для его энергии закрыт, обратился мыслями к более высоким предметам.

И принялся вне дома залезать на все, что оказывалось рядом. На деревья, на столбы калитки, а один раз так и на миссис Бинни. Она все еще порой приходила взглянуть что и как, хотя после благословенного появления на сцене мистера Тутинга гораздо-гораздо реже, а потому раньше Сафру не видела. Я захватила его с собой к калитке и подняла, чтобы познакомить с ней, но чуть его взгляд упал на ее замечательную прическу, как он вскарабкался к ней на плечо, оттуда перебрался на голову, воссел на макушке и запустил лапку в фиолетовые локоны.

— Какой нахальный! — сказала миссис Бинни, что в ее устах звучало почти комплиментом, а когда я выпутала Грозу из ее волос, она его погладила.

Он начал снаружи забираться на сетку кошачьей вольеры, а высоты в ней было добрых шесть футов, и стояла она на пригорке, да еще на насыпи. А он взлетал наверх и принимался бегать как безумный по проволочному верху. Само по себе — ничего страшного, я же всегда была рядом, чтобы снять его с крутой крыши кошачьего домика, когда ему эта забава приедалась. Но затем настал день, когда они с Шани устроились следить за мышинной норкой в каменной ограде в дальнем конце сада, а я метнулась вынуть что-то из духовки (мне все время приходилось улучать моменты, когда они, на мой взгляд, были чем-то поглощены). А когда я выскочила из кухни, они исчезли.

Я позвала. Никакого результата. Я подула в старый скаутский свисток Чарльза, который держала в кармане именно для таких случаев, давным-давно обнаружив, что Шани, всегда ожидавшая появления похитителей, при этом звуке молнией вылетала откуда бы то ни было и убегала в коттедж. Но теперь она не появилась.

Лужайка — а уже почти смерклось — была пустынной и безмолвной. И я снова бросилась в дом за последним средством — жестянкой с кошачьими галетами, которые для них были ключом к райскому блаженству, — и побежала по садовой дорожке, призывно дребезжа. Словно по волшебству Шани возникла откуда-то из-за коттеджа и юркнула в дверь, и Сафра тоже мелькнул в поле моего зрения. Но не на уровне земли, а по верху вольеры и, чтобы добраться до галет раньше Шани, пронесся у меня над головой, над дорожкой и плюхнулся на лужайку по ту ее сторону.

Почти восьмифутовый прыжок! Я снова побежала, не сомневаясь, что он расшибся, однако он вскочил как ни в чем не бывало и бросился ко мне. Котята-пираты только так и передвигаются, информировал он меня сиамским воплем. Это его Абордажный Прыжок. Его научил Синдбад. А где галеты?

Несколько дней спустя он устроил штуку похуже. Был воскресный вечер, и, как обычно, я вышла с ними на лужайку. Когда время прогулки кончилось, я взяла Шани и унесла ее в дом — пора было ужинать, а затем вернулась забрать Грозу, которого оставила изучать жука. Всегда готовый затеять игру, он прижал уши и взлетел по стволу сливы у гаража до самой вершины, а оттуда сошел на широкую, выкрашенную масляной краской деревянную полосу, окаймлявшую крышу по краю, и тут же заскользил по ней.

Гараж был перестроен из амбара, который, как и коттедж, был воздвигнут два с половиной века назад. Высотой он около двадцати футов до верхнего края конька, и крыша очень крутая. Коготки Сафры скользили по краске, он не сообразил прыгнуть на черепицу и начал съезжать к краю.

Только не это! У меня перехватило дыхание: я ведь ничем помочь не могла и надеялась только, что сумею его поймать, когда он сорвется. Тут он зацепился

когтем за щелку в дереве и повис на одной лапе. Завопив, чтобы он не шевелился, я кинулась в сарай за лестницей. Конечно, он меня не понял и держался лишь потому, что от него ничего не зависело, но результат-то получился тот же. Я примчалась с лестницей — к счастью, она алюминиевая и очень легкая, — сумела быстро ее удлинить до крыши и вскарабкалась по ней. Он никак не давался мне и цеплялся за щелку изо всей мочи. Только когда я распласталась на лестнице и подставила плечо под его задние лапы, чтобы он мог за него уцепиться, он наконец осторожненько повернулся и спустился по мне, впиваясь в меня когтями, словно забивая альпинистские крючья. А я боялась даже подумать, что он предпримет, когда достигнет моей пятки. Однако там он находился уже не на такой головокружительной высоте и на уровне карликовой яблони по ту сторону дорожки. Прыжок — и он распластался, будто морская звезда на гостеприимной ветке.

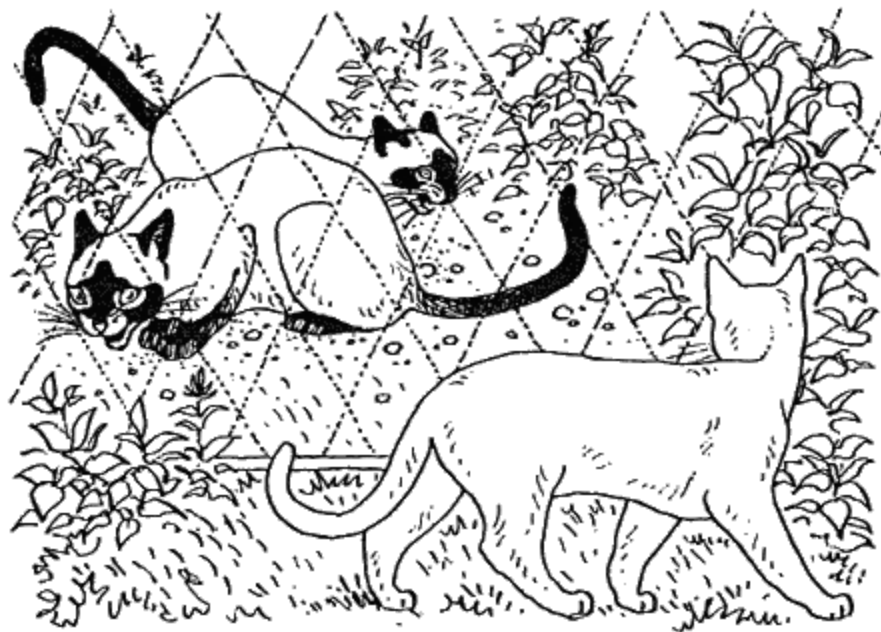
Я скатилась с лестницы и ухватила его прежде, чем он успел еще куда-нибудь залезть. Я воображала, будто все это время была совсем одна. Естественно, мне не следовало бы предаваться иллюзиям. Едва я пошла по дорожке, одной рукой крепко держа Сафа за шкурку, а другой поддерживая его лапы и нежно прижимая его к щеке, — хотя каждый день он старил меня на год, но он же был вылитым Сессом, и я его уже горячо любила, — как до меня донесся голос из сумрака, окутавшего дорогу:

— Зачем вы его так держите? Это для него опасно!

Голос я узнала сразу. Мисс Уэллингтон! Будь это миссис Бинни, то, наслушавшись историй (в основном от Фреда Ферри), что ее часто видят на дорогах в сумерках со спутником в круглой шляпе, я бы удивилась меньше. Но мисс Уэллингтон? Она-то почему бродит во тьме?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я скоро узнала почему. Не скрыв своего присутствия на дороге, мисс Уэллингтон явно решила, что обязана дать мне объяснение до того, как и о ней поползут сплетни, будто и она назначает кому-то тайные свидания в сумерках.

Выяснилась, что ее сестра, вдова директора школы и сама недавно ушедшая с поста директора детского сада в Уилтшире, купила коттедж дальше по дороге от моего и намеревалась скоро переехать. Узнав, что этот коттедж продается, я упомянула о нем миссис Бинни как о возможном приюте для Берта, но она ответила, что Шерл — девушка городская, все эти деревья ей ни к чему, а вот мой коттедж стоит по соседству с другими, ну и дорога к нему ведет настоящая. Шерл ведь, добавила она важно, думает машину купить, когда они устроятся.

Шерл на этот коттедж не польстилась, и непонятно было, почему сестра мисс Уэллингтон пожелала поселиться в столь уединенном месте в стороне от дороги, куда надо было добираться по ухабистому проселку, а к тому же, если на то пошло, в такой близости от мисс Уэллингтон. Но как бы то ни было, он ее устраивал, она его купила, и мисс Уэллингтон за ним пока приглядывала, возложив эту обязанность на себя сама. Следила, чтобы хулиганы не разгромили его до того, как Лилия переедет, а они ведь особенно распоясываются в сумерках, сообщила она мне, заставив меня задуматься над тем, что, во-первых, теперь, когда бы я ни вышла в сад вечером, где-нибудь рядом будет рыскать мисс Уэллингтон, и, во-вторых, если ее сестру зовут Лилия, так каким же именем могли наречь самое мисс Уэллингтон? Никто никогда не называл ее иначе как мисс Уэллингтон. Если бы меня попросили угадать ее имя, я бы сказала, что с такой фамилией оно может быть только Августа или Виктория. Ну, со временем, когда Лилия Ричардс водворилась в новом коттедже и начала упоминать свою сестру в разговорах, деревня узнала, что мисс Уэллингтон зовут Мальва. И вскоре коттеджи сестер — один на холме, а другой на склоне в противоположном конце долины — получили названия «Лилия» и «Мальва», а мисс Уэллингтон грубияны вроде Фреда Ферри теперь прозвали старухой Маль, а ее сестра, как легко угадать, стала старухой Лиль.

Но я опережаю события. На протяжении долгих недель до переезда миссис Ричардс мисс Уэллингтон навещала Долину с былой настойчивостью миссис Бинни, пряталась в вечерних тенях, точно агент контрразведки, проходила днем с важным видом собственницы, подбирая по пути вверх камешки с проселка, чтобы, объясняя она, не подвернуть на них ноги, а возвращаясь, обламывала ветки деревьев и

кустов живой изгороди, чтобы они не царапали машину ее сестры, когда та переедет. Камни она бросала на травянистые обочины, которые, поскольку я была владелицей земли по сторонам проселка, принадлежали мне, и теперь, когда я подстригала траву на них газонокосилкой, ножи ее то и дело с жутким скрежетом задевали камни, а я поминала мисс Уэллингтон словами, которые шокировали бы нашего священника. Обломанные ветки она бросала в лесу, когда уже поднималась к своему коттеджу, — всегда в одном и том же месте. Лес этот тоже принадлежал мне, а нагромождение веток все больше походило на костер, предназначенный для ритуального сжигания чучела Гая Фокса. Мне не хотелось ничего ей говорить, но атмосфера быстро накалялась.

Встал вопрос и о лужайке перед коттеджем Лилии. Был июнь, трава росла стремительно. Мисс Уэллингтон подстригала траву на своей маленькой лужайке ручной газонокосилкой, но лужайка ее сестры была много обширнее, и мисс Уэллингтон наняла подстричь там траву Эрн Бигса, тем самым вновь непростительно погрешив против деревенского этикета.

В былые времена все такие разовые работы в деревне выполнял старик Адамс. Но теперь он стал для них староват, да и ревматизм его скрутил, так что сил у него хватало только на собственный сад. Фред Ферри смотрел на себя как на естественного его преемника, однако Фред, которого никто не видел без таинственного рюкзака на плече, по слухам, запрашивал за любую работу просто безбожно, и не всем хотелось пользоваться его услугами. И когда человек, недавно поселившийся в деревне, пригласил поработать в своем огороде Эрн Бигса, проживавшего в соседней деревне (они познакомились в «Розе и Короне»), прошел слух, что работает он добросовестно и берет по совести, многие — тоже приезжие, понятия

не имевшие о деревенском этикете, — тоже начали пользоваться его услугами. И теперь он выглядел прямо-таки старожилом нашей деревни.

Мисс Уэллингтон всегда сама справлялась со своим садиком и населявшими его гномами и мухоморами, а когда дело дошло до коттеджа Лилии, Фред Ферри был тем, к кому она ни за что не обратилась бы. Она не только не одобряла то, на что намекал рюкзак, а также его манеру распевать во весь голос, когда вечером он возвращался домой из «Розы и Короны» — а жил он практически напротив нее, — но, главное, в те дни, когда в деревне случилось несколько краж и мисс Уэллингтон, боясь стать следующей жертвой, начала прохаживаться, пригнувшись, за своей живой изгородью, поднимая над ней надетую на палку фетровую шляпу, видимо, чтобы внушить преступникам, будто там живет мужчина, Фред воспользовался случаем пустить сплетню: у нее есть ухажер, и ему, Фреду, известно, кто он такой. Вот этого мисс Уэллингтон простить ему никак не могла.

А с точки зрения Фреда, это была просто шутка. Распускать слухи — традиционное деревенское развлечение, и никто всерьез его историй не принимал. Но когда мисс Уэллингтон, которая жила в деревне с незапамятных времен (хотя родилась не там, а в поместье в нескольких милях отсюда, но после смерти ее отца, когда она была молоденькой девушкой, они с матерью поселились тут), — когда она настолько забыла деревенские обычаи и наняла Эрн Бигса привести в порядок сад ее сестры, это, по мнению Фреда Ферри, перешло все пределы.

Всякий раз, встречаясь с ней, он испепелял ее взглядом, а проходя мимо коттеджа Лилии, подчеркнуто отворачивался. А Эрн еще больше подлил масла в огонь, когда позаимствовал идею подрядчика, который, занимаясь перестройкой большого

загородного дома, вывесил снаружи доску с надписью: «РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ. У. БРАУН». И Эрн обзавелся доской, которую выставлял перед коттеджами своих нанимателей. Она гласила: «САДОВЫЕ РАБОТЫ. Э. БИГС». И эта доска перед коттеджем Лилии действовала на Фреда, как вид красной тряпки на быка.

Но у судьбы свои понятия об играх и шутках: Эрн, подстригая траву на крутом склоне у коттеджа Лилии, поскользнулся, сломал лодыжку и на несколько недель вышел из строя. И мисс Уэллингтон оставалось только смиренно попросить Фреда Ферри заняться садом — выбора у нее не было, и Фред согласился. Начал он с того, что переписал доску Эрна. Теперь она выглядела так: «САДОВЫЕ РАБОТЫ. Ф. ФЕРРИ». И мисс Уэллингтон пришлось смириться с этим. Отчудил свое и старик Адамс, который ответил прохожему, увидевшему через ограду его кусты малины, алевшие ягодами, и спросившему, принимает ли он распоряжение о заказах, что он — британец и ни от кого распоряжений не принимает. Вот так проходило лето.

А с ним проходило полное катастрофических происшествий детство Сафры, подстрекаемого Шани. Одним из первых его подвигов была победа над старинной керосиновой лампой с резервуаром из голубого стекла и гравированным абажуром, которой я очень дорожила. Она стояла вне кошачьего достижения в высокой нише в глубине гостиной. Саф прятался в газетном туннеле, сооруженном на ковре, а я болтала у выхода соблазнительной веревочкой, но тут Шани, демонстрируя, что ей известно, где он, прыгнула со всей мочи на заднюю часть туннеля. Он вылетел наружу, как бильярдный шар, пронесся через комнату, взлетел по стене и юркнул в нишу. Там он остался, распушив мех, а лампа вывалилась и разбилась. На мой страдальческий вопль, зачем он это сделал, ответом был вопль, что он поважнее какой-то Старой Лампы,

ведь так? А Кто-то На Него Напал. Шани тем временем благоразумно скрылась под диваном.

На той же неделе он забрался в кухонный шкаф со стеклянной посудой, пока я отвернулась, и разбил две коньячные рюмки (я увидела, как они словно по волшебству вылетели из шкафа абсолютно по прямой). А на следующий день Саф выскочил из кошачьего домика, когда я пришла забрать их на обед, опередив меня, обогнул угол и нырнул в кухню, откуда сразу же донесся звук бьющейся посуды. Когда я, пыхтя, влетела туда, он уписывал своего цыпленка из осколков миски.

Затем, когда я снова по забывчивости оставила их миски на плите, пока ходила за ними (прежде никакие предосторожности не требовались), войдя, я увидела, что он ест из одной миски, а в другой стоит всеми четырьмя лапами, пока Шани снизу вопит, что на моем месте она бы Его Отшлепала. Он Такой Невоспитанный!

Затем он вновь открыл притягательность воды. Я обнаружила это в тот день, когда хватилась его и в обычной панике заметалась по коттеджу, открывая двери, заглядывая в шкафы. В энный раз пробегая через кухню, я случайно посмотрела на мойку... И пожалуйста! Вот он, крохотный, в темной маске, точно мохнатый разбойник с большой дороги, сидит и замороженно наблюдает за падающими из крана каплями, даже не замечая, что падают они на его огромные уши и разлетаются брызгами. После этого, когда я, как прежде Чарльз, поливала некоторые растения дождевой водой из бочки, он, едва я брала лейку, мчался в сад и ходил за мной по пятам. Лилась ли вода из лейки или капала с роз, ему было все равно, лишь бы это была вода и он мог за ней наблюдать.

Выходя из дома, если он не следовал за лейкой, то обычно не отставал от Шани, и теперь пришел ее черед принимать усталый вид, когда он перепрыгивал через нее, или ловил ее хвост, или портил все, засовывая

любопытную лапку в дыру в ограде, перед которой она терпеливо сидела чуть ли не час. Ну, во всяком случае, я знала, где он, когда увидела змею.

Как-то утром я оставила их в высокой траве на краю лужайки, а сама пошла за гараж туда, где Чарльз начал постройку еще одной оранжереи. Крышей ей служили листы плексигласа, а камни, предназначенные для стен, все еще лежали кучами под ними. У меня не доходили руки, чтобы разобрать их, и пока я засовывала туда инструменты. Нужна мне была мотыга, которую я оставила там накануне. Я вышла в сандалиях на босу ногу, петляя между стеблями крапивы, пробившейся среди камней, и тут почувствовала теплое прикосновение к лодыжке. Сафра потерял ее, подумала я... Да нет же! Он остался на лужайке. Почудилось! И, не глядя вниз, я подобрала мотыгу, повернулась, чтобы выйти... и увидела там, где, видимо, задела ее, входя, крупную, свернувшуюся в кольцо змею, которая грелась на солнышке. Нет, это была не гадюка. И слишком крупная, и без ромбового узора... но я не выношу змей. Любых.

Сафра! Я в ужасе подумала, что вот он сейчас вылетит из-за угла и прыгнет на нее, приняв за новую игрушку. Ну а если это все-таки гадюка? Ведь и цвет их, и узоры варьируются. Выше в холмах водятся черные гадюки.

Я перепрыгнула через змею, которая, видимо, спала, и побежала по дорожке. Уф-ф! Саф все еще оставался на лужайке с Шани, маленькая кремово-шоколадная фигурка, важно восседающая рядом с ней, изящной, стройной, льдисто-белой. Я ухватила его, засунула в вольеру, кинулась за Шани, посадила к нему, заперла дверь и побежала назад рассмотреть получше, какой у змеи узор. Но она исчезла. И значит, вовсе не спала, а воспользовалась случаем уползти под кучу камней. Нет,

нет, это была не гадюка, заверяла я себя, но тем не менее все время оставалась настороже.

Следующую я увидела уже в июле, и, несмотря на всю мою бдительность, увидела я ее прямо в кошачьей вольере. Джинин Макмуллен, автор «Деревенского житья» и ведущая радиопрограммы того же названия, приехала взять у меня интервью, и мы сразу нашли общий язык. У Джинин у самой есть маленькая ферма на склоне горы в глуши Уэльса, она любит кошек, и вкусы у нас похожие. Мы обменялись опытом в вопросе, как поддерживать коттеджи в порядке, Джинин записала истории животных, которые жили у нас с Чарльзом, и еще всякую всячину про Долину.

В конце интервью мы вышли в сад, и она, держа в руке микрофон, посмотрела на кошачью вольеру и спросила:

— А кошки не поговорят, чтобы я могла их записать?

Само собой, ответила я. Неделю назад одна моя южноафриканская читательница и ее муж подарили им вяленое мясо, нарезанное узкими полосками. Когда-то южноафриканские первопоселенцы проявляли таким образом мясо антилоп и брали его с собой в дорогу. Теперь оно продается в пакетиках, как чипсы, просто чтобы погрызть. Кошки от него прямо обезумели. Достаточно будет просто помахать пакетиком перед сеткой, и они завопят во всю глотку, заверила я ее.

Ну, я сбегала за пакетиком и зашуршала на них, но они и ухом не повели, а продолжали сидеть чуть в стороне от сетки мордочками друг к другу и сосредоточенно смотреть на землю между ними.

— У них там какая-то живность, — сказала я ей. — Возможно, слепозмейка. Пойду спасу ее.

Ну, я отперла дверцу, вошла, но увидела не серую с металлическим отливом кожу слепозмейки. А коричневатую спину с ромбовидным узором в щели между плитками.

— Гадюка! — взвыла я, переходя к действию. Шани сидела позади нее на почтительном расстоянии, но Сафра припал к плитке на расстоянии двух-трех дюймов, занеся лапу, чтобы ударить ее, если она шевельнется. Я схватила его, кинулась к домику в другом конце вольеры, бросила его в дверцу и защелкнула задвижку. Потом назад. Схватила Шани, собираясь повторить тот же маневр. Джинин уже была в вольере, думая помочь мне. Она подстрахует Сафру, помешает ему выскочить, когда я посажу Шани в домик, сказала она. Только все вышло наоборот. Пока я засовывала Шани в дверцу, Сафра вылетел в прорезь внизу нее, точно цирковой наездник сквозь обруч, и бросился назад к гадюке, чтобы вести за ней наблюдение, а я бросилась за ним, предоставив Джинин удерживать Шани.

Я побежала с ним в коттедж, заперла его в кухне и помчалась назад с ящиком, поставила его над гадюкой, все еще не покинувшей щель между плитками, а затем отнесла на кухню и Шани. На это потребовалось время, так как Шани спряталась за шезлонгами, которые хранились в кошачьем домике, и ее пришлось вытаскивать, а она завывала, как ураганный ветер в трубе.

Перепугалась гадюки? Вот что думала я, когда, держа ее за шкурку, бежала с ней по дорожке, а она продолжала изображать взбесившуюся волынку. Затем мы с Джинин вернулись, чтобы разделаться с гадюкой, но когда мы подняли ящик, ее под ним не оказалось. Проползла сквозь сетку в высокую траву за вольерой, решили мы, и больше не вернется. Вопли Шани отпугнули бы и слона. Однако, когда мы вернулись в коттедж сварить кофе для успокоения нервов и Шани опять принялась за свое, нам стало ясно, что она негодует не на гадюку, а на Джинин. Чужачку, у которой хватило наглости вторгнуться в Собственный

Кошачий Дом Шани, в ее Приют в Минуты Опасности. А Опасность Угрожала, злобно вопила Шани из-под дивана. Если бы она не испустила свой Защитный Зов, похитители Схватили бы Ее.

Только тут Джинин сообразила, что микрофон у нее на поясе был включен. Все происшествие было записано. Вопли Шани послужили началом и завершением одной из сцен «Деревенского житья», в значительной мере посвященной тому, как мы спасали кошек. Слушатели, вероятно, полагали, что она отпугивает гадюку, тогда как отпугивала она Джинин.

И дело этим не кончилось. Когда Джинин уехала, я скосила высокую траву за вольерой и оплела нижнюю часть сетки широкой полиэтиленовой полосой, чтобы помешать гадюке вновь туда проникнуть, хотя после арий Шани она, скорее всего, забилась в нору и отлеживалась от нервного потрясения. Дальнейшие события показали, как сильно я ошиблась.

День за днем я бдительно следила за кошками, постоянно выходила проверить, что им в вольере ничто не угрожает, и, если находилась вдалеке от них, напрягала слух, не раздаются ли вопли предостережения. И вот недели через полторы я оказалась за коттеджем, очищая живую изгородь из сирени от бурьяна. Вольеры оттуда не видно, и я то и дело выпрямлялась и прислушивалась, проверяя, все ли в порядке.

Внезапно до меня донесся стук копыт и знакомый голос, басисто хваставший последними достижениями его владелицы в сфере коневодства. Не желая попасться ей на глаза, как и ее затурканному мужу, — заметь она меня, мне пришлось бы выслушивать бесконечные дифирамбы последнему жеребенку, принесенному одной из ее кобыл, — я встала на четвереньки и затаилась под сиренью. И тут же

услышала, как эта дама рявкнула, проезжая мимо моей калитки:

— Это еще что за крики?

— Не знаю, — сказал ее замученный супруг.

— Но кто-то зовет! — продолжала она и тут же ответила на собственный вопрос: — А, да это здешний сиам требует кошку!

— Слава Богу, лошади такого визга не поднимают, когда они в охоте, — с чувством отозвался ее муж.

За коттеджем я никакого визга не слышала, но ведь Шани была стерилизована... Значит, другая гадюка! Я вылетела из-под изгороди, к большому изумлению супружеской пары, и ринулась по дорожке... Шани и Саф сидели бок о бок, распушив хвосты, и осыпали жуткими проклятиями рыжего кота, обитавшего дальше по дороге, который расположился перед сеткой вольеры и, оставаясь вне досягаемости, издевался, что они Сидят Взаперти, Точно Неженки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Эта история вскоре получила широкое распространение как лишнее свидетельство моей эксцентричности.

— Миссис Хатчингс всем жалуется, что ты выскочила из сирени, как черт из коробки, и до смерти ее лошадь напугала, — сообщил мне со смаком Фред Ферри. — А чего это ты на четвереньках стояла? — спросил он с надеждой.

Естественно, я ничего ему объяснять не стала, но не удивилась, услышав, что опять дала пищу для разговоров. Так уж повелось с тех самых пор, как вскоре после нашего переезда в деревню прохожие все чаще видели меня в саду с нашей ручной белкой у меня на голове — оттуда ей легче было обозревать окрестности. И старик Адамс заверял меня, что всем им говорит, что я не такая чокнутая, какой кажусь.

Ну и потом хватало происшествий, чтобы люди могли оставаться при своем мнении. Например, когда вышли «Кошки в мае», к нам приехала телевизионная бригада с идеей снять, как Соломон с Шебой вылезают из фрамуги, носят поноски и выходят справа и слева от меня из парадной двери, чтобы приветствовать гостей. Ну, словом, все то, о чем я писала в своей книге. А произошло то, что — как мог бы предсказать любой владелец сиамов — при их появлении Шеба исчезла бесследно, а Соломон, едва увидев камеры, нырнул в купу дельфиниумов на клумбе и не пожелал ее покинуть. В надежде выманить их, я привязала кусок селедки к веревочке и еще долго после того, как Чарльз с телевизионщиками удалился в коттедж перекусить, все трусила и трусила по лужайке, волоча за собой селедку. И вдруг обнаружила, что на меня через ограду, разинув рты, смотрят местная преподавательница верховой езды и ее малолетние ученики. Естественно, едва я сдалась и ушла в коттедж, багровая от смущения, Соломон покинул дельфиниумы и, точно Нуриев, принялся исполнять на лужайке танец с селедкой. Но всадники уехали, а телевизионщики упаковали свое оборудование, и единственным плодом этого эпизода стала легенда, которую без конца рассказывали в «Розе и Короне» про меня и селедку на веревочке.

Не лучше было и когда мы купили Аннабель, нашу ослицу. Я вместо бревнышка буксируюсь вниз по дороге на заднице. Я на деревенском празднике пытаюсь катать на Аннабель детей, а она устремляется в противоположном направлении. И в деревне все еще живет память о том, как мы с Чарльзом собирались на музыкальный вечер, и тут Аннабель пропала.

Мы редко одевались парадно — это противоречило и нашему образу жизни, и нашим вкусам. Но музыкальный вечер, благотворительное мероприятие, устраивался в

аристократическом доме, и одеться следовало по всем правилам этикета. Кошки были закрыты в доме, машина ждала у ворот, и мы с Чарльзом облачились в парадные одежды. Оставалось только запереть Аннабель на ночь в ее конюшне с кормушкой, полной яблок, моркови и хлеба, — задача самая простая, так как обычно она рысила за Чарльзом, который всегда задавал ей корм, и вскидывала головой, как призовой скакун. Мы оставили ее на пастбище на склоне до последней минуты, потому что вечер был летний, солнце еще светило, и было бы жестоко лишить ее всего этого раньше времени. И вот выходит Чарльз, гремя миской с угощением, чтобы привлечь ее внимание, а сам бдительно следит, чтобы никто не увидел его в смокинге. И обнаруживает, что ворота ее пастбища за коттеджем открыты, а ее нигде не видно.

Только Богу известно, кто их открыл, но мы не могли уехать, оставив ее бродить неизвестно где. Вернемся мы после полуночи, а если Аннабель окажется вне конюшни в тот час, когда захочет уснуть, то перебудит всю Долину, громогласно оповещая соседей об этом факте. Столь же очевидным было, что Чарльз ни за что не отправится на ее поиски по дорогам и тропам, пока он при параде. Так кто же ринулся вверх по склону в резиновых сапогах, подсученной до колен шифоновой юбке, с уздечкой в одной руке и миской с ужином Аннабели в другой, вдобавок придерживавшей юбку? Кто спрашивал всех встречных, не видели ли они ее?

Конечно, я, и конечно — нет. Ее не оказалось на ферме, где она жила, когда мы уезжали отдыхать. И во дворе «Розы и Короны», где она всегда могла рассчитывать на лестное внимание, когда ей взбрело в голову погулять. На этот раз все внимание досталось мне, пусть и не слишком лестное.

Я затрусила вниз к коттеджу, где Чарльз уже вывел машину на дорогу, чтобы продолжить поиски подальше

от дома, и тут вдруг увидела ее на склоне — она выходила из пролома в изгороди в дальнем верхнем углу, откуда тропа вела к двум коттеджам дальше по дороге — к их задворкам. Нет, она не сбежала. Она все время была там, подглядывая за соседями — одно из любимых ее занятий, — и не снизошла вернуться, ибо была занята, а теперь неторопливо направлялась поужинать, когда сама захотела, с полным равнодушием игнорируя, что нам придется гнать машину всю, чтобы не опоздать на вечер, и что мое явление в резиновых сапогах, вечернем платье и миской с хлебом и морковью неизбежно вызовет постукивание пальцами по многим и многим лбам.

Однако, если я полагала, что теперь, когда в коттедже остались только я и две кошки, все будет забыто и меня начнут воспринимать как воплощение спокойной уравновешенности, то я скоро убедилась в своей ошибке. У меня теперь добавилось обязанностей — полоть бордюры, пропалывать дорожки, обрезать фруктовые деревья, подстригать траву по краям лужайки, — и меня осенила блестящая идея заниматься всем этим, гуляя с кошками. И все получилось. Просто поразительно, какое количество бурьяна можно выдрать с части дорожек или сколько веток укоротить сучкорезом за пять минут, не спуская при этом глаз с котенка. Беда была лишь в том, что обычно все пятью минутами и ограничивалось. О Шани я могла не беспокоиться. Она никогда не выходила за пределы сада, а если я теряла ее из вида, мне достаточно было подуть в скаутский свисток Чарльза, и она тут же с быстротой молнии устремлялась в вольеру и в кошачий дом, где, по ее мнению, Никто — даже Похитители — не мог бы до нее добраться.

Сафра, уже подросший и теперь не склонный таскаться все время за ней по пятам, был куда более крепким орешком. Сейчас он на дорожке, ведущей к

калитке, возле Шани заглядывает в мышиную норку, пока я выдираю сорняки. А секунду спустя он уже улепетнул на верхний бордюр и копает там ямку, а я рядом осторожно подстригаю траву на краю лужайки. Едва он с этим покончит — а копание ямки для Сафры было подлинным искусством: копает на глубину в три четверти лапы, садится, наполняет ее до краев, оборачивается и изучает собственное извержение этой крайне интересной субстанции — воды и лишь потом забрасывает ее вытянутой лапой, будто он тут вовсе ни при чем... Ну, так едва с этим покончив, задрав хвост, ощущая себя Обновленным, он мчится по ступенькам у гаража, огибает угол и уносится по подъездной дороге. А я за ним с кошачьим крюком в руке, чтобы помешать ему протиснуться под воротами.

Кошачий крюк был домашним творением. За много лет до этого, обрезая кусты в лесу напротив, я согнула толстый ореховый прут, который секатор не взял, а проходить по тропе он мешал. Года два спустя я наткнулась на него, когда снова занялась там расчисткой. Теперь он был толщиной в полтора дюйма, а длиной футов в шесть с крюком на конце, где я его когда-то загнула. Созданный природой пастуший посох, решила я, спилила его у основания, отнесла домой, обстругала, высушила и покрыла лаком. Прекрасная вышла палка для прогулок по холмам и для защиты одинокой женщины, или для того, чтобы отгонять собак, угрожающих кошкам из-за калитки, или чтобы зацеплять быстро растущего котика с наклонностями открывателя новых земель. Крюк точно обхватывал его шею и настигал с расстояния, через которое дотянуться до него руками я не могла.

Он понимал, когда проигрывал. Вывертывался из крюка, возвращался и усаживался наблюдать, не пробежит ли кто-нибудь между кустами малины, которые я, бросив крюк и схватив трехзубую вилку,

всегда лежавшую возле гаража, начинала бешено пропалывать, пока через минуту-другую он не отправлялся куда-нибудь еще.

Вполне логично, учитывая обстоятельства. И к тому же таким способом я убирала массу сорняков, но случайным прохожим мое порхание по саду давало пищу для разных предположений. Впрочем, вскоре — не таким уж и случайным. Я начала узнавать некоторые лица, маячащие над оградой одновременно, не говоря уж о Фреде Ферри с таинственным рюкзаком на плече — он в одиночестве украдкой с изумлением наблюдал, как я перебегаю с места на место, — схвачу вилку, поковыряю землю, тут же ее брошу и как сумасшедшая помчусь еще куда-то, все время сжимая в руке пастуший посох.

— Ничем долго не займется. Всегда вот так мечется, — услышала я как-то замечание одного из зрителей.

— А жалко, до чего же их доводит, верно? — последовала ответная реплика. — Ну, да у нее всегда не все дома были, верно?

— А клюка-то ей зачем? Овец, что ли, думает завести? — донеслось до меня в другой раз.

Нет, заводить овец я не думала. Как и о преемнице Аннабел и. Правда, такая мысль у меня мелькнула, но Луиза напомнила мне о той зимней ночи, когда у Аннабелы начались колики и мы с Чарльзом водили ее взад-вперед по дороге, поддерживая с боков и светя перед собой фонариком, пока она не оправилась, — и как она эффектно валилась на землю при каждом удобном случае.

— Одной тебе с этим не справиться, — заявила Луиза и была совершенно права. Не могла я и рассчитывать на приобретение ослицы коликорезистентной. А потому я отказалась от своего намерения, и трава на лугу, где стоял мой прицеп,

тянулась к небу, потому что некому было ее щипать, так что мне приходилось держать ее в узде с помощью косилки, чтобы иметь возможность подогнать машину к прицепу, когда требуется. Затем я обнаружила, что всадники завели манеру въезжать на луг через пролом в изгороди в верхнем его конце, скакать по выкошенной полосе, а затем брать прыжком жердь, перегораживающую въезд. Меня это начало раздражать. Лошадиные копыта оставляли глубокие впадины, и во время дождя они превращались в жидкую грязь, которая высыхала в каменную гребенку, губительную для автомобильной подвески. А когда в один прекрасный день я увидела, что жердь сломана, мое терпение лопнуло и я повесила доску с предупреждением, что луг — частная собственность и всадники, заезжающие на него, в будущем будут подвергаться судебному преследованию без вторичного предупреждения.

Эффект был поразительным. Со времени эпизода Соломона и селедки миновали годы и годы. Теперь школ верховой езды стало две. И еще несколько в окрестных деревнях, которые облюбовали для упражнений наш лес. И на следующий же день после того, как я водворила доску на видное место, руководительница одной из групп появилась у двери коттеджа, чтобы извиниться, — двое мальчиков в ее группе постоянно сворачивали на луг и перемахивали через жердь. Она им запрещала, но они ее не слушались, сказала она, но теперь они прочли предупреждение, перепугались иска, и она приехала походатайствовать за них.

Иска я никому предъявлять не собиралась, сообщила я ей, а доску повесила, просто чтобы отпугнуть нарушителей, и думаю, что на луг сворачивали не только эти двое. Ну, сказала она, их мать в курсе и, наверное, свяжется со мной. После чего,

крайне обрадованная, что ее школе не угрожает опасность в полном составе предстать перед судьей, она удалилась, а затем позвонила извиниться мать мальчиков — в наказание за подобное поведение она на неделю запретила им ездить верхом и предупредила, что продаст их пони, если они еще раз позволят себе подобное, и, конечно, ей крайне неловко за то, как они меня обозвали.

— Обозвали? — повторила я. — Но я никогда с ними не разговаривала. Я не знаю ваших сыновей и уверена, что по лугу скакали не только они.

Руководительница их группы сказала ей, что они ответили мне руганью, не отступала она. И даже повторила их слова, и она не допустит, чтобы они позволяли себе такие выражения с кем бы то ни было. Она пришлет их, чтобы они извинились, и не буду ли я так добра отчитать их хорошенько?

Вечером явились два мальчугана, каждый с букетом в магазинной обертке, на которые, решила я, им пришлось потратить свои карманные деньги. Потупив глаза, опасаясь посмотреть на меня, не то бы они поняли, что я совсем не та, кому они нагрубили, мальчуганы извинились, сказали, что больше не будут, и умчались вверх по дороге, явно радуясь, что избежали тюрьмы.

Так я никогда и не узнала, кого они обругали. Наверное, мисс Уэллингтон, решила я. Я легко могла вообразить, как в своей роли хранительницы Долины она попыталась бы остановить тех, кто вздумал скакать по моему лугу. Не понимала я только одного: почему она мне ничего про это не сказала? Хотя мисс У. обожала сообщать, что она сказала и что сказали ей. И всегда была готова встать на защиту правого дела. Оставалось только предположить, что они употребили такие словечки, которые она, будучи истинной леди,

повторить никак не могла. А мне так хотелось узнать, что же это все-таки было!

Лето ознаменовалось и наплывом посетителей. Читателей, которые, отправляясь через Сомерсетшир в Девоншир или Корнуолл, писали, спрашивая, нельзя ли им заехать посмотреть коттедж и кошек. Почти никто из них еще не видел Шани, и они расстраивались, услышав, что Сесс умер. Но Сафра покорял их всех, встречая будто самых близких друзей, а Шани приводила в недоумение. Она долго-долго пряталась на кресле, вдвинутом под большой дубовый стол, потом, заметив, как Сафра купается во всеобщем внимании, выбиралась оттуда, терлась о две-три руки, а затем, став центром общего восхищения, уползала по ковру на животе и вновь искала приюта в своем неприступном убежище.

— Но почему она ведет себя так? — спрашивали гости.

— Она принимает вас за торговцев живым товаром, — объясняла я очень серьезно (к большому, не сомневаюсь, удовлетворению Шани). — Она все время ожидает, что ее похитят.

Что было чистейшей правдой, и в один прекрасный день они вдвоем устроили достопамятный спектакль. Я угощала посетителей чаем (супружеская пара и две их дочери) и поставила на стол блюдо с сухариками. Сафра обожал сухарики, и девочки тут же положили ему один на ковер. Естественно, он куснул разок и тут же решил, что есть способы поинтереснее, чтобы стать центром внимания. Например, промчаться через всю комнату, прошмыгнуть по спинке дивана, на котором сидели гости, с громким шлепком плюхнуться на пол, а затем повторить все сначала. Все смеялись, все смотрели только на него. Сафра увлекся, и, когда, совершая смертельный номер с прыжком, угодил на сухарик, который разлетелся мелкими крошками, он совсем

опьянел от всеобщего веселья. Ему положили новый сухарик, он обежал комнату, пролетел по спинке и прыгнул на сухарик уже нарочно, — и когда крошки взлетели фонтаном, его черная мордочка просияла гордостью за совершенный подвиг. Тем временем Шани, не стерпев того, что он присваивает себе всю славу, раз за разом появлялась из-под стола, смотрела на происходящее, а затем, с успехом приковав к себе все взгляды, словно бы вдруг понимала, Какой Подвергается Опасности, распластывалась на животе и возвращалась на свое кресло.

— Любят быть в центре внимания, правда? — сказал муж, чуть не выронив чашку, когда Сафра пронесся вихрем у него за спиной и приземлился еще на один сухарик.

Бесспорно, бесспорно! Было, помнится, это в понедельник. А в среду Сафра стал центром внимания в Лэнгфорде из-за подозрения — в какой панике я пребывала! — в том, что он перекусил сиреневым полотенцем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда Сесс находился в Лэнгфорде под наблюдением, я спросила лечившего его ветеринара, нет ли где-нибудь поблизости от нашей деревни его коллеги, который специализировался бы на мелких животных. Местные ветеринары занимались главным образом лошадьми и домашним скотом. И много лет я возила своих кошек за пятьдесят миль, когда им требовалась врачебная помощь. Слишком долгий путь! А мне доводилось преодолевать его под валящим снегом, по гололеду и в тумане. Так что ветеринар поближе к коттеджу был бы даром небес.

К моему удивлению, ветеринар ответил, что в Лэнгфорде как раз открылось отделение мелких животных. До этих пор они принимали только тех животных, которых, как Сесса, к ним направлял ветеринар, затруднявшийся поставить диагноз. Но они недавно купили практику местного ветеринара,

который удалился на покой, и при условии, что животное не находится под надзором какого-нибудь из практикующих ветеринаров, его можно везти прямо в Лэнгфорд.

Поскольку ветеринар, к которому я обращалась прежде, жил так далеко от нашей деревни, моих кошек тут же записали в постоянные пациенты. Шани отправилась туда, когда у нее вновь начались расстройства желудка. Ей прописали подмешивать в корм особый сорт отрубей, и с тех пор медвежья болезнь у нее ни разу не повторялась. (Теперь рекомендуют подмешивать вареный рис, что дает те же результаты.) Сафру там стерилизовали... И сотрудники окружили его нежными заботами, но тем не менее я долго спрашивала себя, почему профессор, который руководил вечерними операциями, самолично отнес его в машину, когда я за ним приехала. Так ему хотелось поскорее от него избавиться? Но почему? А теперь эта история с сиреневым полотенцем!

Сиамские кошки любят грызть вещи, и Сафра не был исключением. На первых порах его влекли чайные полотенца в красно-белую клетку. Он отгрызал их уголки всякий раз, когда умудрялся остаться на кухне один, и порой я холодела, заглядывая в его ящичек и прикидывая, какую жуткую болезнь он подцепил, но затем сообразила, что это просто чайные полотенца прошли естественный путь, и поблагодарила Небо, что им это удалось.

Затем он открыл для себя сиреневые ручные полотенца, также висевшие в кухне над стиральной машиной.

Усевшись на ней, он мог дотягиваться до них без всяких усилий, а они, видимо, были самое оно, чтобы заморить червячка. Вскоре все мои сиреневые полотенца обзавелись парой параллельных дыр как раз до половины — предел уровня сидящего котенка, и,

когда я вывешивала сушить их после стирки, у прохожих появлялась еще одна причина заворуженно поглядывать через ограду. Они выглядели точь-в-точь, как маски куклуксклановцев.

И вот в среду после его показательных прыжков на сухарики Сафра перестал есть. Сидел с тревожным видом, отказывался выходить, а затем вообще исчез. Я обыскала весь коттедж, включая пространство между холодильником и стеной в пристройке к кухне, которое Сафра, котик со своим образом мышления, избрал в качестве потайного убежища. Поскольку до задней двери было рукой подать, мне кажется, он исходил из предположения, что я, не подозревая, где он, могу оставить дверь открытой и он выскочит наружу. Но как бы то ни было, он подолгу просиживал там, предаваясь размышлениям. И я заглянула туда. Его там не оказалось, но кое-что обнаружилось. Нечто длинное и таинственное. Когда я его вытащила, выяснилось, что это остатки сиреневого полотенца.

Хранил ли Саф его там в течение некоторого времени как неприкосновенный запас или съел в один присест, я не установила — он мог вытащить полотенце из кухонного шкафчика в любое время, но едва мне удалось отыскать воришку (он сидел за занавеской в спальне и апатично поглядывал во двор, что было совершенно не в его характере), я позвонила в Лэнгфорд, объяснила, что произошло, и мне сказали, чтобы я привезла его немедленно.

Вывести машину, посадить кошку в корзину, с панической скоростью помчаться вверх по дороге... сколько раз я уже это проделывала! Но на этот раз ехать мне предстояло не двадцать пять миль. Десять минут спустя Саф уже лежал на смотровом столе. Профессор послушал его сердце, ощупал, смерил температуру. Немножко повышена, сказал он, но все как будто в порядке. Он сделает ему инъекцию

антибиотика. Не привезу ли я его еще раз утром? И тогда, если температура останется повышенной, надо будет сделать рентген. Он помолчал, поглядел на Сафа, пронизывавшего его сапфировым взглядом, и, казалось, что-то вспомнил.

Однако, сказал профессор, принимая во внимание, что это за котик, рентген они сделают в любом случае.

Что это означало? Я прикидывала и так и эдак. Вспомнил ли он Сесса? Или Сафра подпортил свою репутацию, когда оперировался здесь?

Я увезла его домой. Назад в коттедж. Ужинать он отказался. Но попозже в саду с Шани, пока я стояла рядом и мучилась, не зная, что принесет грядущий день, он выкинул номер, абсолютно для него типичный. Внезапно прыгнув под папоротник, он одним стремительным движением поймал мышь. Мышонка, которого принес и бросил на траву передо мной, а затем, когда я нагнулась поднять бедняжку, ухватил его и дразняще подбросил в воздух. Мышонок по дуге пролетел сквозь сетку кошачьей вольеры. Надеюсь, что он еще жив, я вбежала в вольеру и увидела, как Саф снаружи на дорожке снова вздернул голову, — и сквозь сетку к моим ногам упала еще одна мышь. Значит, он поймал двух сразу! Конечно, это были маленькие мышата, видимо, он нашел гнездо — но только он был способен схватить двух сразу.

— Уа-а-а! — брезгливо выразилась Шани, когда я спросила, что она об этом думает, и я поняла, что, по ее мнению, он страшный задавака и нам не следует его поощрять. Я согласилась, а про себя решила, что вряд ли ему так уж скверно, если он способен на подобные прыжки. Однако от еды он отказывался по-прежнему.

И вот на следующее утро мы снова в рентгеновском кабинете Лэнгфорда — я и сестра в фартуках со свинцовой подкладкой, а Сафра распростерт на столе между нами. Я воображала, будто меня попросили

ассистировать, чтобы мое присутствие помогло ему справиться с испугом, однако в этом никакой нужды не было.

— Ну-с, молодой человек, сейчас мы проверим все ваши грехи, — сказала сестра с притворной суровостью.

А он, лежа на боку и не сомневаясь, что мир населен только его друзьями, глядел на нее широко раскрытыми безмятежными глазами.

Снимки были сделаны, он снова водворен в корзину, а меня попросили подождать в приемной, пока их не проявят. Такое уж мое везенье! Только что я купалась в безмятежности, но тут кто-то вышел из кабинета, не закрыв за собой дверь, и я увидела за ней двоих в белых халатах. Они разглядывали рентгеновский снимок, держа его против света. Нет, конечно, это не снимок Сафры, заверила я себя, хотя и знала, что, скорее всего, снимок его.

— Ну, мне как-то не верится, что это опухоль, — услышала я слова одного из белых халатов.

А я тут же поверила: сказано это было так неуверенно! Я потеряю моего мальчика, как потеряла Сесса, подумала я, и сердце у меня налилось свинцом.

Заметив, что дверь открыта, кто-то ее закрыл, и больше я ничего не услышала. Несколько минут спустя ко мне вышла сестра и объяснила, что снимок очень неясный, так что они оставят его, накормят бариевой кашцей и проследят ее движение. Может быть, я поеду домой и позвоню днем?

Я позвонила. И услышала, что пока ничего не произошло. Что-то там есть — у соединения толстой кишки с прямой. Но оно неподвижно. Не позвоню ли я через два часа? Я позвонила. Ничего нового. Не позвоню ли я в пять?

В пять мне сказали, что они хотели бы оставить его на ночь, и я положила трубку в ужасе, не сомневаясь, что потеряю его. Шани, без умолку болтая, ходила за

мной повсюду, как моя Верная Подруга. Я уже заметила, что она поступает так всегда, если, кроме нее, в коттедже никого нет. Не берусь судить, скучала ли она без Сафа или же воспользовалась его отсутствием, чтобы выйти на первый план, поскольку обычно довольствовалась вторым местом, предаваясь своим фантазиям о похитителях. Но как бы то ни было, она шла за мной на кухню, в ванную, прыгала на холодильник и читала мне нотацию, пока я запирала на ночь заднюю дверь, стояла на кровати, задрав хвост, и разговаривала со мной, пока я раздевалась, а когда я ложилась, свертывалась у меня на руках и гудела шмелем, хотя обычно спала внизу с Сафрой. Она сидела на шкафчике в прихожей и болтала со мной, когда я на следующее утро позвонила в Лэнгфорд. Что бы это ни было, сказали они, оно немного сдвинулось. Не могу ли я позвонить еще раз днем? Я подумала, что Сафра был бы очень доволен, знай он, что о его здоровье сообщается так, будто он особа королевской крови. Но, возможно, он и знал — ведь он был Сафра!

Была пятница, день, в который я всегда ездила в Бристоль помогать Луизе, если ей что-либо требовалось, и я сказала им, что позвоню оттуда. В двенадцать они сказали, не могу ли я позвонить в три и попросить к телефону профессора, который хочет со мной поговорить. Вновь в полной уверенности, что меня ждут самые плохие новости, в три часа я была вынуждена сесть перед телефоном — у меня подгибались колени, а Луиза встала рядом с рюмкой коньяку. Оно движется, что бы это ни было, сообщил профессор, к моему невероятному облегчению, но происходит это крайне медленно. Не возьму ли я его домой до понедельника и не понаблюдаю ли за дальнейшим? Ему, видимо, у них не нравится, добавил профессор нерешительным голосом. О Господи! Что еще натворил этот котик! Но, во всяком случае, он

возвращается домой. Услышав это, Луиза выпила коньяк сама.

Профессор попросил меня забрать Сафа перед пятичасовым приемом. Он все мне объяснит тогда, обещал он. Из Бристоля я отправилась в начале пятого и, выезжая из города, заметила на обочинах шеренги людей. Сперва я не могла понять, чего они ждут, но затем меня осенило. В этот день в Бристоле королева присутствовала при торжественном открытии нового больничного корпуса. Она должна была прибыть в аэропорт около пяти. А это шоссе было частью пути к аэропорту, и все эти люди собрались ее приветствовать. Школьники. Скауты. Девочки, мальчики. Все стояли, держа наготове флажки. Какая-то девочка ухмыльнулась мне и замахала флажком. Соседка последовала ее примеру и вдобавок закричала «ура!».

В мгновение ока меня приветствовала уже вся шеренга. Только Богу известно, за кого они меня приняли, но я не обманула их ожиданий — махала одной рукой и милостиво кивала. И так продолжалось долго. Я прикидывала, что подумают члены королевского кортежа, если они меня нагонят. Однако, с моей точки зрения, основания для ликования были: я еду за Сафрой, который, хоть и дьяволенок, успел прочно угнездиться в моем сердце. И я замахала и закивала с еще большим усердием.

В Лэнгфорде я узнала, что Грозу отсылают домой, а вернее сказать, изгоняют, потому что он, как объяснил профессор, саботирует. Не желает пользоваться ящиком. Воспользовался им всего один раз. Так каким же образом хоть что-то может выйти наружу? И его мочевой пузырь вот-вот лопнет, добавил профессор, ощупывая кончиками пальцев живот Грозы и возводя глаза к небесам. Я сразу поняла причину, но промолчала, опасаясь показаться смешной. Ящик Сафры я заполняла сосновыми иглами из леса, и ничего

другого он не признавал. Кроме того, их полагалось менять после каждого посещения, дважды он одной выстилкой не пользовался, каким бы большим ни был ящик. Но, конечно, в Лэнгфорде у них не было времени для таких причуд.

Так что я увезла его домой, где Шани ему обрадовалась, а он тут же поспешил к своему ящику и тотчас облегчился с очень довольным выражением на мордочке. Однако что-то важное появилось только в воскресенье. Что-то смахивающее на миниатюрную галактическую спираль размерами с небольшую монету. И я сразу поняла, что это такое. Кусочек бахромы от ковра в прихожей, свернувшийся тугим кольцом.

Профессор попросил меня отправить ему причину бед, а потому я положила бывшую бахрому в коробочку и адресовала ее лично ему, добавив «от Сафры», а утром отвезла в Лэнгфорд. И только потом спросила себя, что подумают его сотрудники, открыв предполагаемый подарок от благодарной кошки. Ну да, скорее всего, решила я, и на меня, и на Сафру уже махнули рукой за наши странности, мягко выражаясь. Бесспорно, в голосе профессора не было и намек на удивление, когда он позднее позвонил мне и объяснил, что, по его мнению, ЭТО не было причиной, но он убежден, что теперь с котом все в порядке и я могу не привозить его. Но, конечно, если меня что-либо встревожит, мне следует немедленно им позвонить.

Я следила за ним ястребиным взором, но все было хорошо. Зато мои наблюдения подсказали мне, что Сафра что-то изобрел. Возможно, подумала я, благодаря тому, что провел пусть даже короткое время в этом приюте ученой мудрости.

На следующий день зарядил дождь. Кошки были в своем садовом доме, где я включила инфракрасный обогреватель, а сама занялась кое-какой работой. Потом пошла в гараж, чтобы достать из машины

нужные документы, и, когда я проходила мимо вольеры, в нижней части дверцы откинулась подвесная панель прорези для кошек, и из-под нее выглянула мордочка Сафры. Но наружу он не вышел, а просто следил, как я иду мимо, а панель покоилась у него на голове, защищая его от дождя. И это не было случайностью. Он повторил тот же маневр, когда я возвращалась из гаража, — посмотрел на меня, гордый тем, что обезопасился от бешенства стихий. Сафра изобрел кошачий зонт!

Меня поразила его находчивость, и примерно тогда же меня несколько ошарашило нечто совсем другое. Читатели «Ожидания за кулисами», возможно, помнят, как после смерти Чарльза я занялась семейной легендой, которую задолго перед тем рассказал мне мой свекор, — они вели свой род от Тови Пруда, знаменосца короля Канута. И мне удалось узнать о Тови довольно много, включая тот факт, что Уолтемское аббатство в Эссексе воздвигнуто на месте церкви, построенной им возле его охотничьего дома.

Еще я узнала, что в 1042 году он женился на Гите, дочери другого знатного датчанина, Осгода Клапы, в Ламбете, и что преемник Канута Хартаканут внезапно скончался, когда пил за здоровье новобрачной на свадебном пиру. Хартакануту было всего двадцать три года, особой популярностью он не пользовался, и остается только гадать, какое черное преступление крылось за этой смертью. Однако Тови как будто замешан ни в чем не был. Он и его потомки оставались знаменосцами английских королей вплоть до Нормандского завоевания, когда внук Тови Эзегар был маршалом и столлером (эквивалент верховного констебля) при Гарольде, сражался рядом с ним в битве при Гастингсе, был единственным в свите короля, кто остался в живых и умер в Лондоне три месяца спустя.

Вильгельм Завоеватель отдал земли Тови своему приспешнику Джефффри де Мандевиллю, и род канул в безвестность, но его история меня заворожала. Моя генеалогия тоже прослеживается довольно далеко, но, конечно, сравниться с историей рода Чарльза никак не может, и когда Джемма, одна из моих четвероюродных сестер, приехала с мужем погостить у моей двоюродной сестры Ди и мы с Луизой отправились к ним на ужин, я, услышав разговор о семейной истории, не удержалась и рассказала про Тови.

Раньше я знакома с Джеммой не была. Поддерживала отношения с ней только Ди, от которой я слышала, что Джемма не слишком умна. Видимо, так считали все весьма интеллектуальные родные Джеммы. Ди рассказывала мне, что она гостила у них девочкой и однажды Джемма прибежала к своей матери в слезах, жалуясь, что Ди назвала ее дурой, а та ответила: «Если Ди говорит, что ты дура, значит, так оно и есть». Впрочем, и я онемела, когда красочно описала им пир в Ламбете: Тови, который, решила я, был похож на Чарльза, — высокий, с нордическими чертами лица, зеленоглазый; Гита — тоненькая блондинка, словно лилия в своем белом шелковом платье с золотым поясом; буйно пирующий Хартаканут и его приближенные (в воображении Джеммы, конечно, в шлемах с огромными рогами, хотя шлемы викингов рогами не украшались)... И вот Джемма наклонилась ко мне и спросила с увлечением:

— А фотографий у вас нет?

Я оторопела. И несколько секунд просидела, разинув рот, и лишь потом сумела произнести слабым голосом, что в ту эпоху фотографию еще не изобрели.

— Задай глупый вопрос И получишь глупый ответ, — безмятежно заявила Джемма.

Я до сих пор еще не постигла смысл этого афоризма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Еще в то лето я решила продать каноэ, чем дала пищу новым разговорам. Со времени смерти Чарльза каноэ висело под потолком гаража без всякого употребления, и, хотя мне тяжело было расстаться с ним, я боялась, что в один прекрасный день веревки не выдержат и оно свалится на машину.

И потому я попросила одного из соседей помочь мне снять его оттуда, а затем мы отнесли его на лужайку, чтобы легче было чистить его и мыть, но случайно выбрали такое место, откуда оно бросалась в глаза всем, кто спускался по дороге. Изящное, шестнадцатифутовое, двухместное, а на траве рядом паруса, мачта и весла. По крайней мере половина деревни потолкалась у ограды, гадая, что оно тут делает.

Первой, кто прямо спросил меня об этом, была миссис Бинни. Я не видела ее уже давно, но, вероятно,

слухи доползли и до нее и были истолкованы ею как знак, что я наконец-то переезжаю.

— Чего это с лодкой-то будет? — осведомилась она, положив руки на ограду, чтобы удобнее было наблюдать, как я лакирую обшивку.

— Продам, — ответила я.

— К отъезду готовишься? — спросила она с надеждой.

— Нет, — ответила я. — Но что ему зря висеть в гараже?

— Не позабудьте, мой Берт очень даже интересуется, когда вы съедете, — продолжала она целеустремленно. — Вам-то он великоват (она имела в виду коттедж). А вот маленькое бунгало на Фейрвью вам в самый раз.

Мне меньше всего требовалось маленькое бунгало на Фейрвью, но миссис Б. явно считала, что заронила семя в благодатную почву, и, пригладив фиолетовые локоны, она заковыляла назад в деревню, предварительно сообщив мне сведения, которыми явно жаждала со мной поделиться. В десять часов в следующую субботу клуб «Дружеские руки» отправлялся в свою ежегодную летнюю экскурсию, на этот раз в Эдинбург. И она едет, возвестила миссис Бинни. И Стэн тоже, добавила она кокетливо, щурясь на меня из-под ресниц, — произвело ли это на меня впечатление? Еще как произвело! Она сказала — Стэн. И несомненно, подразумевала мистера Тутинга. За все годы, какие я ее знала, она не называла своего мужа иначе, как мистер Бинни, и пока он был жив, и когда скончался. Да, дело, видимо, продвигалось.

Это я должна увидеть собственными глазами, подумала я. А потому в субботу утром, когда автобус въехал на площадь, я была на почте, готовясь наблюдать за тем, как наша сирена пускает в ход свои чары. Все оказалось крайне просто. Автобус

остановился, и пассажиры собрались погрузиться в него. Миссис Бинни решительно заняла место во главе очереди. Она вскарабкалась по ступенькам, тяжело плюхнулась на сиденье у двери, ляпнула сумку на второе место рядом с собой, откинулась на спинку и закрыла глаза — внушительно, чтобы никто не покусился на свободное, а когда автобус заполнился и мистер Тутинг влез в него последним (как секретарь, он у двери проверял пассажиров по списку), миссис Бинни открыла глаза и забрала сумку к себе на колени. Мистеру Тутингу оставалось только сесть рядом с ней — на единственное свободное место, на которое к тому же он, как самоназначенный экскурсовод, имел преимущественное право. Впереди, сразу за водителем.

Супруга старика Адамса на эту экскурсию не записалась. Оставить муженька одного она не хотела, а его в поездку не удалось бы затащить и на аркане. Однако она тоже заглянула на почту; ни за что на свете не пропустила бы такого случая, сказала она, и мы вместе помахали вслед автобусу.

— Похоже на романчик, а? — заметила она, не спуская глаз с миссис Б. и мистера Тутинга, но я в этом убеждена не была. На мой взгляд, паучиха плела свою сеть, и мистер Тутинг безнадежно в ней запутывался.

Я пошла назад в долину, думая, что, во всяком случае, получила недельную передышку. Миссис Б. не будет пока допекать меня разговорами о переезде. Но жизнь в деревне — это жизнь в деревне, и на меня напала мисс Уэллингтон. Она тоже не поехала на экскурсию. Подобное не было в стиле мисс У. Ну, она разглядела каноэ на лужайке с вершины холма и спросила Фреда Ферри, не знает ли он, почему оно там, — он все еще выкашивал траву у коттеджа Лилии и заходил за платой к мисс Уэллингтон, а его хлебом не корми, дай кому-нибудь втереть очки, а уж мисс У. тем более. Да неужто она не слышала? Я собираюсь

обплыть вокруг света. И кошек с собой беру, добавил он на закуску.

Идею он, видимо, почерпнул из газетных сообщений о человеке, намеревавшемся переплыть Атлантический океан в бочке. Из этого плана ничего не вышло — ему помешали власти, но мисс Уэллингтон, без сомнения, тоже читала про него, а потому ей показалось очень даже вероятным, что я замышляю подобную же глупость.

И она спустилась с холма в день, когда Дружеские Руки отбыли в Эдинбург, и как назло я, расстелив парус на траве, чистила его, а кошки составляли мне компанию, усевшись в каноэ так, словно уже приготовились к отплытию. Прежде другие наши кошки тоже посиживали в каноэ, когда его водворяли на лужайку для чистки. Сиамы всегда сгорают от желания приобщиться к происходящему. И было бы куда более удивительно, если бы они в каноэ не забрались.

Но мисс Уэллингтон влетела в калитку, обвила руками мою шею и залилась слезами, так что Шани стремглав умчалась в коттедж. Саф остался на месте и приветствовал ее пронзительным «уа-а-а-ах!», но мисс Уэллингтон занимало совсем другое.

— Не делайте этого! — умоляюще прорыдала она. — Вы не должны! Подумайте о бедных кошечках.

— Но чего не делать? — спросила я. — Парусам не повредит, если их почистить.

Тут все и выяснилось. Что сказал Фред Ферри. И что сообщила ей миссис Бинни о надеждах Берта на мой коттедж. Ну и ведь я всегда была готова отправиться на поиски приключений. Ездили же мы с Чарльзом в Скалистые горы разыскивать гризли! Но теперь, когда его нет, мне не следует проделывать подобное в одиночку. Ему бы это не понравилось.

Я положила конец всем ее опасениям. Заверила, что никуда не собираюсь уезжать. Однако едва я продала

каное — в субботу я дала о нем объявление в газету, и в понедельник его уже купили (покупатель намеревался плавать в нем с сыном по сомерсетским каналам, как прежде мы с Чарльзом, и лучшей судьбы я ему не пожелала бы), — так вот, едва я его продала и оно унеслось вверх по дороге на крыше машины его нового владельца, а на его корме развевалась желтая габаритная лента, как мисс Уэллингтон затрусила вниз по склону заглянуть через калитку и удостовериться, что я никуда не делась.

На той же неделе, как-то утром, когда я прогуливала кошек в саду, появился толстячок, который уже довольно давно совершал прогулки по лесу в долине. Он всегда останавливался поболтать со мной и повосхищаться кошками. Ему нравится работать в саду, а кошек он очень любит, неизменно сообщал он мне, а Шани столь же неизменно с ворчанием улепетывала в коттедж, Сафра же, припав к земле, подозрительно ел его глазами и говорил, что не верит ни единому его слову.

Он был низеньким, напыщенным — еще один мистер Тутинг. На меня он наводил зевоту, но он непременно останавливался и заводил разговор. В деревне он поселился относительно недавно в одном из бунгало Фейрвью. Он вдовец, поспешил он поставить меня в известность. В это утро он некоторое время следил, как я порхаю следом за Сафом — тут срежу увядшую розу, там выдерну сорняк, держа крюк наготове, чтобы сразу же зацепить Грозу, если он попытается удрать.

— Вам здесь нужен бы мужчина, — внезапно заявил толстячок, доверительно наклоняясь над калиткой.

Я чуть не выпрыгнула из резиновых сапог. Так мне не суждено обрести хоть немножко покоя? Миссис Бинни. Мисс Уэллингтон. И вот теперь еще и он! А мне не был нужен никто, кроме моего высокого красавца

Чарльза. Не был и не будет никогда. И я правда надеялась, что он ждет меня где-то за кулисами.

Возможно, я неверно поняла намерения моего собеседника, но у меня не было ни малейшего желания рисковать. И я меньше всего хотела прослыть второй миссис Бинни.

— Я только что нашла себе человека для всяких работ, — ответила я ему ледяным тоном.

Он постоял, постоял и удалился по дороге. Больше он никогда мимо не проходил.

Но я ему не солгала. Звали этого умельца Билл. Он работал на «скорой помощи», а в свободное время занимался мелким ремонтом. Жил он в десяти минутах езды на машине, и мне его рекомендовали друзья, заверив, что работает он очень хорошо и быстро — не то что мистер Пейнтинг, жуткий старикашка, который, когда я прибегала к его услугам, растягивал любую работу до предела. Билл не заламывал немыслимую цену, ему искренне нравилось помогать людям. Вот только одно, предупредили мои друзья. Ни в коем случае не позволяйте ему ничего красить внутри. Он разделяется с такой работой со скоростью звука и, например, крася дверь, никогда не застилает пол хотя бы газетами. А просто лихорадочно красит, брызгая краской во все стороны, а затем в безмятежной забывчивости наступает на еще сырые пятна.

Я запомнила. Он многое для меня делал, но в доме я работать его не допускала. Впрочем, и вне дома стремительность его превосходила всякое вероятие. Какая бы работа ему ни предстояла, он устремлялся вниз по склону, словно по неотложному вызову, выпрыгивал из машины, заарканывал меня в помощницы, минуту-другую спустя уже лихорадочно трудился, часто даже не дав мне переобуться. В первый раз он явился ко мне на выручку, когда с конька крыши

коттеджа свалилась подгнившая облицовочная доска и в стене под ней я обнаружила трещину.

Я вызвала каменщика. Он покачал головой и сказал, что работка будет та еще. Ему придется пригласить своего шурина, кровельщика, но он и сам может объяснить мне, что надо будет снять ряд черепиц, сменить деревянные опоры, снять сточную трубу в ванной, чтобы определить глубину трещины, заделать ее и заново побелить стену.

— И во сколько это обойдется? — спросила я, опасаясь худшего.

Точно определить трудно, ответил он. Фунтов пятьсот. А то и больше. Ведь взять напрокат леса стоит дорого.

— Леса? — повторила я. — А нельзя ограничиться приставной лестницей?

— Никак, — отвечал он. — Оранжевая-то к стене пристроена. Ну, леса и нужны, чтобы оберечь стеклянную крышу. А без этого туда никто не полезет.

Вот тут-то я и обратилась к моим друзьям, а они при мне позвонили Биллу. Он обещал заехать на следующий вечер. Я вернулась домой, и не прошло и получаса, как подъехал он: до ужина время осталось, объяснил он, так чего откладывать-то?

— За субботу с воскресеньем сделаю, — сказал он, оглядывая повреждения. — Досточки накрыть стекло найдутся?

Оранжевую строил Чарльз по собственному плану: стены, передняя и задняя, из камня, а между ними — стеклянная крыша. Через дорогу в бывшей конюшне Аннабели лежало пять длинных широких досок трехдюймовой толщины. Когда их уложили на стены, они образовали над стеклом надежный помост. Чарльз, всегда строго соблюдавший правила безопасности, в свое время с полным спокойствием ставил на этот помост лестницу, когда сам красил стену дома. Вот

почему я возмутилась, когда каменщик заговорил о лесах.

— А-а! — сказал Билл, когда я все это ему объяснила. Так если я помогу ему принести доску, он получше рассмотрит, что надо делать. И скажет мне, сколько это будет стоить.

Мы принесли доску из конюшни, уложили ее, и я спросила, надо ли сходить за остальными.

— Хватит и одной, — беззаботно ответил Билл, и я зажмурилась, не в силах смотреть, как он прислонил лестницу к стене оранжереи, влез на доску и — у меня дыхание замерло — с ловкостью серны втащил лестницу за собой, прислонил ее к стене второго этажа коттеджа, влез на нее и обследовал край крыши, деревянную обшивку и трещину. Он спустился, отряхнул пыль с ладоней и сообщил, что подпорки черепицы в полном порядке. Потребуется только заменить сгнившую доску, зацементировать щель, покрасить и побелить.

— Семьдесят фунтов за все устроит? — спросил он.

Устроит?! Я тысячи раз умирала, пока он работал на настиле из одной доски. И чуть не надорвалась, подавая ему туда молотки, гвозди, ведро с цементом, а пока цемент сохнул, смешивая побелку. Но мы довели дело до успешного конца. Конечно, в те дни цены еще не были такими высокими, как сейчас. Но все равно, семьдесят фунтов вместо пятисот... С этого момента Билл стал палочкой-выручалочкой коттеджа, пусть мне никогда прежде и не приходилось заваривать столько чашек чая. Чай ему был необходим как воздух... Ну и еще эта его манера появляться точно смерч, как правило, раньше назначенного им же часа, с упорным возложением на меня обязанностей подручного. Но ведь невозможно иметь все.

И вот когда засорило канализационный слив, так что нельзя было принять ванну, я в прохладный летний

вечер позвонила Биллу, и он сказал, что только что вернулся домой — еще даже не ужинал, — но завтра приедет обязательно, я переобулась в домашние тапочки из овчины, готовясь мирно скоротать вечер. Не прошло и четверти часа, как Билл вихрем скатился по склону, завизжал тормозами у калитки и влетел в коттедж, спрашивая на ходу:

— Так где у вас сливной колодец? А стержни для прочистки где лежат?

Не успела я моргнуть, как он и я (все еще в тапочках) уже стаскивали железнодорожные шпалы с верха дренажного колодца, который Чарльз давным-давно выкопал в дальнем конце лужайки для прочистки сливной трубы. Надо было спуститься в выложенную камнями шахту, найти выходное отверстие трубы, засунуть в него стержни и толкать их вперед-назад, пока засор не начнет поддаваться, после чего взлетать наружу с быстротой молнии, так как колодец начинал стремительно наполняться. Я чуть не потеряла тапочки, зарядил дождь, но слив мы прочистили, уложили шпалы на место, погрузили стержни в ручей для промывки, и Билл сказал, что ему надо торопиться, пока ужин совсем не простыл. Я сказала, что мне очень неловко, — я вполне могла бы подождать до утра. Так ведь ужин-то еще готов не был, объяснил он. Ну и ему неприятно было думать, что я не смогу помыться. А теперь — пожалуйста, мне можно принять ванну.

Не можно, а необходимо после возни со стержнями и всем прочим, подумала я, но промолчала и спросила только, сколько я ему должна.

— Ну, пятерочку? — спросил он.

Разбогатеть, беря за работу подобные суммы, он никак не мог, но ссылался на то, что ему нравится выручать людей. И без конца выручал меня. Однако с такой же быстротой, с какой он восстанавливал мой

душевный мир, Сафра торопился этот мир нарушить. Никогда еще у меня не было подобного кота.

Видимо, какую-то роль здесь играла наследственность. Сесс, его предшественник, тоже был не сахар, а ум и макиавеллиевские замашки Сесс унаследовал от своего отца Сатурна, кота-производителя, принадлежавшего Полине Фэрбер, происходившего от Килдауна, который был известен тем, что его потомство унаследовало его индивидуализм. Родословную Сафры мне выслали по почте, когда я уже забрала его, так как в тот момент все экземпляры, имевшиеся у его владельцев, были розданы. Я знала, что он внук Сатурна и племянник Сесса по отцовской линии, но лишь получив через неделю его родословную, я выяснила, что и по материнской линии он происходит от того же Сатурна.

Таким образом, я обзавелась — нет, я ни за что на свете не променяла бы его ни на какого другого котенка, что не помешало мне побледнеть при этом известии, — я обзавелась котенком, который унаследовал особенности Сесса от обоих своих родителей. Значит ли это, что Сафра будет вдвое умнее Сесса и вдвойне не сахаром?

И выходило, что именно вдвойне. Не говоря уж о том, что воспитывал его попугай. За ним уже числилось пребывание в Лэнгфорде в связи с сиреневым полотенцем.

Ну а потом он отлучился без разрешения...

У меня не хватало духа водить его на поводке. Не надевать же путы на кузнечика! И я просто тенью бродила за ним, хотя он, видимо, совсем этому не радовался. Уа-а-а-ах! — жаловался он, когда я мешала ему пролезть под калиткой. Почему бы мне для разнообразия не походить за Шани? А потому, что Шани спокойно сидит на лужайке, вот почему; рассматривает бабочку на венчике цветка и мечтает.

Уа-а-а-ах! — возмущался он, когда я снимала его с садовой ограды. У дороги трава куда Лучше! Почему ему нельзя туда? У-у-у-ух! — выл он в тысяча сто первый раз, когда я стаскивала его с крыши кошачьего дома, откуда он явно прицеливался прыгнуть на склон позади коттеджа и отправиться путешествовать по лесу. Что, у Кошек нет никаких Прав на Свободу?

Безусловно нет, пока я рядом. Слишком хорошо я помнила весь ужас утраты Сили. Тем не менее наступил день, когда, просидев целую вечность под папоротником у калитки в надежде, что из норки выскочит землеройка, он вспрыгнул на столб и соскочил на дорогу. Он проделывал это и раньше, но никуда не убегал. Оставался у калитки и с интересом оглядывал дорогу, пока я не забирала его и не уносила назад в сад, внушая ему, что четверть акра травы и деревьев было более чем достаточно для любой кошки; он обычно отвечал разочарованным «УОУ!» и отправлялся допекать Шани.

Однако на этот раз, когда я собралась сгрести его в охапку, он припал к земле и уставился на что-то дальше по дороге. Я тоже посмотрела туда. Перед конюшней Аннабель замер испуганный черно-белый кот. И в тот момент, когда я нагнулась к Сафу, он выскользнул из моих рук и стрелой помчался к незнакомцу. И никакого Рад С Вами Познакомиться, обычно написанном на его мордочке, когда он здоровался с людьми. Нет, выражение его говорило: Вот Я С Моей Абордажной Саблей! В мгновение ока чужой кот вскарабкался на конюшню, перебрался оттуда на склон под фруктовым садом и исчез в зарослях крапивы, куда Сафра нырнул за ним, распушив хвост до максимума.

Лазить по стенам конюшен мне не дано, а откос слишком крут, чтобы по нему взбираться. Мне пришлось бежать по дороге до входа в сад, дальше — между яблонями и по заросшей тропке за конюшней, пока я не

добралась до крапивных джунглей, которые вблизи выглядели даже еще более непроходимыми, чем издали.

Оба кота исчезли без следа. Ни единый кусачий стебель, ни единый лист не шелохнулся. И полнейшая тишина. Почему Сафра не завывает? Все его предшественники, жившие в коттедже, были как сирены воздушной тревоги, когда встречались с другими котами. Я всегда могла найти их по голосу. Если кого-нибудь из них загоняли на дерево или в угол, они принимались вопить, чтобы я явилась к ним на выручку.

Саф стоит морда к морде со своим противником под сводом крапивы, и драка может завязаться в любую секунду? Или тот кот (мне незнакомый) улепетывает домой миля за милей, а Сафра гонится за ним? Или тот кот удрал, и Сафра, как и все сиамы не слишком целеустремленный, уже отправился под прикрытием крапивы заняться чем-нибудь другим. На вершину холма, где на поле тарахтит трактор фермера? Саф ведь интересуется всем, что движется... Вдруг он подкрадется слишком близко?

Соседи, я знала, считали, что я немножко не в себе, раз так тревожусь. Кошки же всегда возвращаются домой, говорили они. Кошки умеют находить дорогу туда. Но Сили ведь не вернулся? И мне доводилось слышать о том, как кошки погибали под сельскохозяйственными машинами. К тому же Саф прежде ни разу во фруктовом саду не бывал и на холм не поднимался... а что, если он лишен инстинкта, приводящего кошек домой?

И я поступила так, как поступала, когда кто-то из кошек пропадал. Идти напрямик через крапиву было невозможно — она доставала мне выше пояса и занимала слишком обширное пространство. А потому я вернулась на дорогу и начала привычный обход.

Дальше по склону к «Розе и Короне», налево на другой холм до верхней дороги, назад по ней, вглядываясь в поле, не трусит ли там за сенокосилкой длинноногий беглец, а потом под ветви моего собственного леса, выкликая «Сафл-афл-афл!», мое уменьшительное от Сафра, как когда-то я звала «Молли-уолли-уолли!» — а потом «Сили-уили-уили» — звала того, кто так и не вернулся.

Сафра не отозвался, но многие люди слышали, как я его зову. Фред Ферри на пути в «Розу и Корону» спросил, проходя мимо:

— Кот, значит, пропал?

Вопрос глупый, поскольку это было и так ясно, но зато Фред, конечно, сообщит эту новость всем, кого увидит, и, возможно, кто-то позднее обнаружит Сафру. Мисс Уэллингтон спустилась с холма, тыча палкой во все придорожные кусты, что тоже было глупо. Сафра не стал бы ждать, пока она в него ткнет, и спрятался бы подальше. Но, во всяком случае, она пыталась помочь мне. Дженет Ризон сказала, что пройдет по дороге с Дейзи, своим ретривером, — вдруг им удастся его выследить? Но мне это показалось маловероятным. Я как-то не могла себе представить, что Саф покорно возвращается домой, свисая из пасти Дейзи, словно долговязый мохнатый фазан.

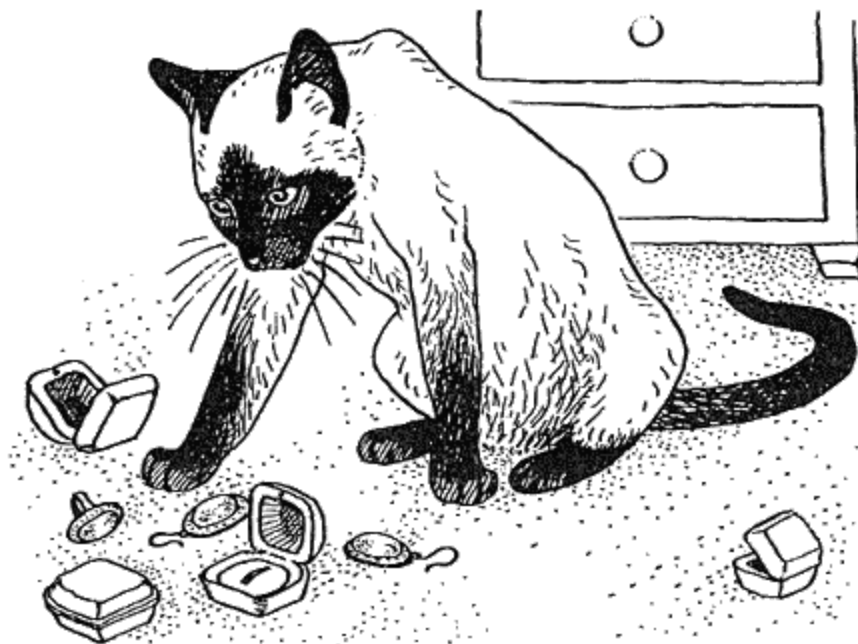
Я кружила так почти два часа, звала, высматривала, изнемогала от тревоги. Те, кого я спрашивала о черно-белом коте, не знали ничего. Такого в окрестностях вроде бы не было. А это значило, что оба беглеца могли уже находиться в нескольких милях от деревни. Затем, в энный раз проходя мимо конюшни Аннабели, я посмотрела на коттедж — а вдруг он сам вернулся? И внезапно увидела его. Трусит с холма по направлению ко мне: неторопливо, уверенно, явно отдавая себе отчет, где он находится. У подножия склона он остановился и поглядел на меня, однако направился не

ко мне, а свернул налево на тропу, которая привела бы его к ризоновскому коттеджу. Но Дженет ушла с Дейзи на его поиски, и никто бы его не заметил, а он забрел бы в самый дальний конец Долины. Было ли это случайностью, что я оказалась там именно в этот момент... или так произошло, потому что я безмолвно как раз тогда воззвала о помощи к Чарльзу? В начале поисков я к нему не обращалась. Пока не оказалась в безвыходном положении... и вновь это помогло.

Я кинулась за Сафом, обняла его — ну, не могла я, не могла на него рассердиться — и посадила в вольеру, где Шани, вечная Пай-Девочка, сидела, взирая на мир, будто Сафра никуда не исчезал. Он кинулся к ней, укусил за шею и сказал, что слабо ей догадаться, Где Он Был. А Ей Все Равно, сказала Шани, неодобрительно шлепнув его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Нет, ей было не все равно. Она его любила, пусть он обращался с ней так, будто был Тарзаном, — и, если я находилась поблизости, она во всю мочь вопила, чтобы я поскорее ее спасла. Шани просто обожала быть Спасаемой Героиней, хотя частенько, не заметив, что я за ней наблюдаю, она кусала его в ответ, чтобы спровоцировать на новый укус. Однако иногда он был слишком уж агрессивен с ней, и мой знакомый ветеринар, знаток кошачьего поведения, рекомендовал мне обзавестись водяным пистолетом, объяснив, что таким образом отучил кусаться одного из своих собственных котят. Он скоро научится ассоциировать пистолет с тем, чем он занят, когда в него прицеливаются, и поймет, что лучше воздерживаться от своих поползновений. А вода никакой боли ему не причинит, просто ему будет неприятно.

Так и оказалось. Наиболее неловким моментом была покупка водяного пистолета. Я, как сейчас, вижу выражение на лице продавщицы, когда я зашла в игрушечный магазин купить его.

— Для моего сиамского кота, — объяснила я на случай, если она решит, будто я хочу сама с ним играть.

Ее брови поползли еще выше. Да, она слышала, что сиамские кошки бывают с причудами, сказала выражение ее лица, но она никогда не поверит, что они стреляют из водяных пистолетов.

Я добавила, что пистолет нужен, чтобы отвадить сиамского кота от привычки кусать свою робкую подружку. Тут продавщица нерешительно улыбнулась и помогла мне выбрать пистолет. Голубой пластмассовый, очень дальнобойный, сказала она. Но поглядывала она на меня все-таки с некоторой опаской.

Во всяком случае, пистолет сработал. Вскоре мне достаточно было нацелить его в сторону Сафа, и, не дожидаясь, чтобы его ударила струя, он мгновенно прекращал то или иное свое занятие и удирал. Да, вода его манила и чаровала, но не когда била в него с такой силой. Однако я несколько раз ловила его на том, что он с любопытством исследовал пистолет, пока тот лежал на книжной полке под рукой у меня. Наверное, прикидывая, не сумеет ли он сам им воспользоваться, но, к счастью, на это он способен не был.

На самом-то деле кошки были очень привязаны друг к другу. Первоначально, подружившись, они спали вместе на одеяльце Шани, постеленном в большом кресле в гостиной. Однако Сафра, лишившись сиреневых полотенец, принялся отгрызать уголки от одеяльца, глубокой ночью стаскивая его на каминный коврик, чтобы было удобнее этим заниматься, а Шани страдальчески пристраивалась на ручке кресла, где утром я ее и находила с мученическим выражением на мордочке: опять я всю ночь глаз сомкнуть не могла. А

потому я заменила одеяльце на уютоложе, поставила его на каминный коврик (по понятным причинам не положив в него одеяла), и они блаженно спали на внутренней мохнатой обивке. Во всяком случае, так мне казалось.

Пока как-то ночью меня не разбудили душераздирающие вопли. Узнав голос Шани и прикидывая, какая катастрофа стряслась на этот раз, я кинулась вниз и увидела, что уютоложе почти скрылось под другим креслом, а Шани восседает на единственном еще видимом углу, пока Саф под креслом тянет, пятась, уютоложе на себя, впившись зубами в противоположный угол.

Это что же он такое делает? С этим возгласом я подхватила Шани на руки, а ответ на свой вопрос получила, поглядев на уютоложе. Вместо одеяла он изгрыз обивку, а теперь, видимо, намеревался спрятать уютоложе целиком для дальнейшего поедания, нисколько не заботясь о том, как сильно он расстраивает Шани, хотя, возможно, это служило еще одной побудительной причиной. Я выдворила их обоих в прихожую, закрыла дверь гостиной, а потом забрала их к себе в кровать. Уж лучше, чтобы они оставались у меня на глазах, решила я. Они свернулись на пуховом одеяле в комбинированный шар, прильнув к моей спине, и уснули. Ну почему я не додумалась до этого раньше?

Как приятно было проснуться в предрассветный час, потому что кто-то зашевелился у меня за спиной, зажечь лампу на тумбочке и увидеть две невинные мордочки в масках, прижатые друг к другу и сонно на меня поглядывающие. Я умилялась до тех пор, пока владелец невинной мордочки в черной маске не встал, заявляя, что он Замерз, подошел и ткнул меня лапой, чтобы я пустила его под одеяло, и не успел он там устроиться, как владелица невинной мордочки в более светлой маске принялась тыкать и тыкать меня, чтобы я

пустила туда и ее, и на некоторое время воцарилось спокойствие, — видимо, они согрелись, — и тут Сафра внезапно извергся из-под одеяла, заявляя теперь, что ему Жарко и Нечем Дышать, и, отчаянно извиваясь, заполз на мою подушку. Шани, жалуюсь, что ей тоже Жарко и что одеяло Расплющивает Ее, выползла следом за ним, и они сидели возле моей головы, пока не прохладились достаточно для того, чтобы повторить все сначала.

После двух ночей подобных пертурбаций я не выдержала и купила пуховую перинку, более легкую, чем одеяло, мысленно прося прощения у Чарльза, который был решительно против такой покупки и спрашивал, неужели я не помню, что в Швейцарии они были толщиной в фут, постоянно соскальзывали на пол и мы оледеневали... Но ведь Чарльзу никогда не приходилось спать под одеялом, периодически извергающим кошек.

Перинка имела большой успех, и Саф вскоре присвоил личное право распоряжаться ею. Она была золотисто-желтой, и я расстилала поверх нее покрывало, чтобы она не испачкалась, когда они на ней лежали. Сафра разработал следующую систему: пока было тепло, они с Шани спали на покрывале, как я и хотела, но чуть становилось прохладнее, он вставал на мою подушку и легонечко приподнимал лапой покрывало в знак того, что хочет лечь под покрывалом, но НА перинке. Вот и конец надежде сохранить перинку чистой, но оно того стоит, лишь бы он вел себя смирно, решила я. А потому приподнимала покрывало, он забирался под него, и я опускала покрывало. Несколько секунд спустя Шани, обычно сидевшая в оконной нише, пока происходило все это, шествовала через мою подушку и тоже приподнимала покрывало, требуя, чтобы ее пустили К Нему.

Дальнейшее понижение температуры — примерно около трех ночи, — и Саф выбирается из-под покрывала и приподнимает уже край перинки, показывая, что теперь желает прижаться прямо ко мне для тепла... и следом Шани тоже выползала и тоже засовывала голову под перинку, так что я должна была поднимать край и для нее.

Под перинкой Сафра присвоил себе право на Лучшее Место, вытягиваясь во всю длину вдоль моего бока — он считал это своей нерушимой привилегией. Шани занимала позицию второго порядка, прижимаясь к нему и согревая его с другого бока. Она была в этих случаях такой покорной рабыней, что я удивлялась, почему она не носит чадру. Не сомневаюсь, Саф это одобрил бы.

Несколько ночей спустя они включили в этот распорядок еще и обыкновение спускаться вниз по каким-то своим делам, а потом возвращаться и устраиваться спать основательно... естественно, ввел эту процедуру Сафра, который, когда я ложилась, принимался царапаться в закрытую дверь спальни и вопить, пока я ее не открывала, после чего он в сопровождении рабыни спускался с лестницы. Наступали примерно полчаса тишины — ни драк, ни грохота, ни воплей о помощи, хотя я с трепетом ждала чего-нибудь подобного, — они возвращались наверх и укладывались спать — Саф первым, Шани за ним, и наступали мир и покой, нарушавшиеся легкими извиваниями, — и так до утра.

Сгорая от любопытства, чем это они там занимаются, как-то ночью я украдкой спустилась посмотреть. Саф, восседавший в нише окна, выходящего на лужайку, имел совесть смутиться. Просто проверял, как там и что, объяснил он. Шани, взобравшаяся на подоконник длинного узкого окна, за которым был виден склон позади коттеджа, обернулась

ко мне, когда я вошла, а затем вновь начала смотреть в окно. Видимо, снаружи было что-то поинтереснее.

О, безусловно! Барсуки, лисицы — я находила их следы в саду зимой на снегу. И олени тоже. В лесу жила косуля, которая выходила пастись на склон холма. Как-то раз я утром отдернула занавеску на окне ванной и увидела косулю прямо перед собой. Мгновение она смотрела на меня, потом повернулась и прыжками унеслась в сосны, которые, словно театральный задник, виднелись за коттеджем. Ну просто иллюстрация к сказкам братьев Гримм.

Убедившись, что они ничего подозрительного не затевают, а просто ведут наблюдения за дикими обитателями леса, что отвечало их природным склонностям, после этой проверки я начала оставлять двери спальни и гостиной открытыми на ночь, чтобы они могли спускаться вниз когда им вздумается без всяких помех, и такая свобода выбора очень их радовала. Когда они возвращались наверх, Шани уже не прыгала немедленно на кровать, а некоторое время сидела у окна спальни, глядя оттуда на долину, а Сафра обходил комнату и открывал шкафы, поглядеть, что в них спрятано.

Вот тут-то и начались неприятности. Спальня невелика, места для гарнитура в ней не хватало, и мы удовлетворились встроенной мебелью. Низенький комод, встроенный в нишу у камина с трельяжем на нем заменял туалетный стол. Другой, тоже низкий, но длинный, у стены под прямым углом к встроенному гардеробу. Беда была лишь в том, что все они по необходимости были неглубокими, так что вместо выдвижных ящиков пришлось обойтись полками и дверцами.

Ящик оказался бы для кошки крепким орешком, но открывать дверцы? Да с этим, по мнению Сафры, справился бы и новорожденный котенок. Как прежде у

Сесса, каждая его лапа вполне заменяла фомку — загнуть когти крючками, дернуть, и задвижка отодвигалась как миленькая, и содержимое комода становилось доступным для обозрения.

И сколько же сокровищ для кота-пирата! Шерстяные свитера, которые можно вытащить и вволю погрызть! Обязательно вокруг манжет и воротника, так что казалось, что ими занимались мыши. В конце концов в отчаянии я попрятала плотные свитера в мешки из толстого пластика с молниями и убрала их в шкафчик над комодом. Оставшиеся тонкие свитера я уложила в тумбочку у кровати, в которой имелись ящички, но, увы, для Сафры они помехи не составили.

У меня был тонкий лиловый свитер с высоким воротником, который я очень любила и как-то раз надела на собрание в лондонском Клубе любителей сиамских кошек. Сидя на эстраде рядом с председателем и готовясь выступить — моя очередь была следующей, я сняла жакет, потому что в зале было жарко, подняла руку, чтобы взглянуть на свои часы, и чуть не лишилась чувств, обнаружив на манжете широкий полумесяц. Надеть жакет снова было уже поздно — председатель представил меня собравшимся. Я подняла руку повыше.

— Гроза вновь себя показал, — сказала я, и раздался общий смех. У всех членов клуба имелись дома свои Грозы, и мы отлично провели время, обмениваясь историями об их подвигах.

Как Саф умудрился изгрызть манжету, я не знаю... Разве что она торчала из ящика. А вот как он добрался до моих украшений, хранившихся на полке туалетного столика, наоборот, ничего загадочного собой не представляло. Я слышала ночью, как он их выуживал. Хранились они в отдельных коробочках, и он с наслаждением открывал эти коробочки и выгребал их

лапой так, чтобы они падали на пол и крышки отскакивали.

Его, как и Соломона, нашего первого мальчика, привлекало все, что блестело. Соломон однажды спрятал связку ключей в лунке для мини-гольфа на лужайке, и найти их удалось очень не скоро. Сафра тоже таскал свои трофеи во рту, вначале предпочитая всему длинную золоченую цепочку и золоченую брошку в виде пера. Цепочку я находила утром на ступеньке, небрежно брошенную, как часть дележа пиратской добычи, а брошку он прятал под бюро в гостиной и вытаскивал ее поиграть, когда бывал в настроении — и особенно когда приходили гости. Тогда он расхаживал точно миниатюрный пиратский капитан, а изо рта у него торчало позолоченное перо. Против похищения цепочки и броши я ничего не имела, в конце-то концов это была просто бижутерия. Взбунтовалась я, когда ему приглянулись мои серьги — из филигранного золота с овальными нефритами, покоящиеся в бархатных ложах своей особой коробочки.

Он выуживал коробочку, открывал ее когтями, забирал серьги в зубы и принимался швырять туда-сюда. Как-то ночью я наблюдала за этой игрой, сидя на кровати и вопя, чтобы он немедленно прекратил это безобразие. Ноль внимания, только уши укоризненно прижались. Благовоспитанные Дамы голоса не повышают, сказал он с упреком.

Рассердившись не на шутку — серьги не только были очень красивы, но и особенно дороги мне как подарок Луизы, — я с той ночи, перед тем как лечь, принялась старательно баррикадировать дверцы комода. Укладывала друг на друга туфли, а одной подпирала дверцу снизу. К соседней же, чтобы отвлечь его внимание, прислоняла боком доску для оттачивания когтей. Большая фарфоровая банка для хранения сыпучих тел и с надписью: «САХАР» (полная речного

песка) приставлялась к дверце гардероба. (Не спрашивайте для чего — к тому моменту я впала в воинственное безумие и хваталась за любой предмет, который, на мой взгляд, мог ему воспрепятствовать.)

И мне вспомнился период, когда его предшественник Сесс завел привычку увлажнять ковер в прихожей и я накрывала ковер полиэтиленовой пленкой, которую придавливала утюгами, электрокамином и ломом, которые с быстротой молнии прятала, заведя, как кто-нибудь входит в калитку. Только теперь мне пришлось куда тяжелее, ведь Сафра был быстр и ловок в движениях, как китайский жонглер. Доска для оттачивания когтей хлопалась на пол, подпорки вышибались, дверцы распахивались. Обрушивалась пирамида туфель, коробочка с серьгами вылетала наружу, а из нее вылетали серьги. Я прыгивала с кровати, укладывала их в коробочку, водворяла коробочку на место, баррикадировала дверцу еще надежнее и ложилась, прислушиваясь, как кот-медвежатник пробует новые способы взлома, пока он не уставал и не забирался на кровать.

Почему я не изгнала его назад в гостиную? Да потому, что там он не давал Шани спать. К тому же, уснув, они превращались в таких ангелочков, так уютно прижимались друг к другу на кровати... Иногда я просыпалась утром и обнаруживала, что рождественский ангелочек, пока я спала, дал себе полную волю. Серьги похищены, цепочка валяется на лестнице, а может быть, и пара изуродованных колготок на площадке... а я его обнимала, прощала и в очередной раз убирала все на место.

И вот настал день, когда, убирая спальню, я услышала стук в пылесосе и подумала, что, видимо, принесла на подошве камешек. И, продолжая пылесосить, увидела у туалетного столика одну серьгу... и меня охватило жуткое подозрение, что я

знаю, где находится вторая... Я нагнулась к пылесосу, и мои подозрения подтвердились. Едва я его подняла, из пылесборника выпал овальный нефрит, утративший оправу. Она появилась следом комком смятого золота. Я села на пол и расплакалась, к большому недоумению двух кошек — одна, светленькая, чинно сложив лапки, заверила меня, как обычно, что она тут совершенно Ни При Чем, она Паинька; миндалевидные глаза второго в темной маске сияли, как два сапфира, пока он невинно осведомлялся, в чем, собственно, дело? Подумаешь, зеленый камешек! И ведь у меня есть второй точно такой же.

Серьгу я отдала починить. После долгих лет жизни в обществе сиамских кошек я и сама стала мастером на все руки, когда требовалось что-то чинить, и умела находить специалистов, когда сталкивалась с задачей, для меня непосильной. В то время моя двоюродная сестра Ди занималась на ювелирных курсах. Ее преподаватель был опытным ювелиром, и из его рук серьга вышла совсем как новая. Естественно, обошлось это очень недешево, а что он подумал, когда услышал, что серьга стала жертвой кота, известно только Богу, но я стала опытнее, коробочку с серьгами поместила в шкафчик над гардеробом и вновь опоясала свои чресла для грядущих битв.

Так прошло лето, заполненное проделками Сафры. Я бы не рассталась с ним ни за что на свете, но дела деревни отодвинулись для меня далеко на задний план. И безусловно, ускользали от моего внимания. Клуб «Дружеские руки» вернулся из экскурсионной поездки, миссис Бинни еще официально не поймала свою рыбку, но, по мнению всех участников экскурсии, это должно было вот-вот произойти. То есть всех, за исключением Сэма, отца Фреда Ферри, который ездил в Эдинбург, невзирая на свой артрит. Он утверждал, что Тутинг этот

— такой-то и такой-то прыщ, и если Мод за него выйдет, значит, она и сама не лучше.

Выяснилось, что мистер Тутинг попытался показать Сэму, как именно удобнее всего подниматься по ступенькам музея, опираясь на палку. Сэм, обладавший нравом своего сына — и здравым смыслом, сообщил он своему добровольному наставнику, не в пример чертову городскому замухрышке в дурацкой шляпе (в таких только свиная ходить!), — ткнул мистера Тутинга палкой в колено, чтобы тот посторонился. Мистер Тутинг упал со ступенек, и «Дружеские руки» от души посмеялись. Теперь эти двое не разговаривали друг с другом, и разгорелась еще одна деревенская вражда.

Что касалось непосредственно меня — Лилия Ричардс переехала в свой коттедж, устраивалась в нем и начинала принимать участие в местных делах. Судя по первому впечатлению, она была совсем не такой чудачкой, как ее сестра. Ей очень нравился Сафра, проходя мимо, она останавливалась поболтать с ним, и он внес ее в список своих друзей.

И уж совсем близко от меня Дженет и Питер Ризоны, дальше по дороге, за стариком Адамсом, добавили четырех гусей и дюжину уток к своим двум лошадям, лабрадору и пестрой кошке, уже проживавших у них, и жизнь забила ключом. Участок Ризонов был очень обширным. Их земля с одной стороны тянулась почти до моей, а с другой спускалась до самого дна долины. Участок пересекал ухабистый проселок, огороженный только возле лошадиного пастбища, дальше слева от него тянулась низкая терраса ризоновского коттеджа, а по другую — их обширная стоянка для машин с лесом позади. Идеальное место для надменного гусака и его свиты, чтобы вольно прогуливаться. Чем они и занимались — надменничали и гуляли.

Практически в любые часы, кроме послеобеденных, когда предавались сиесте на покатоj лужайке над

террасой. Джеральд, гусак, и его супруги шествовали вверх по дороге, вниз с холма или же мимо моей калитки вверх по лесной тропе, переваливаясь с боку на бок, точно четверка важных толстячков, громко гоготали, оповещая мир о своем приближении, а за ним, как ребятишки, бегущие за оркестром Армии Спасения, тесной кучкой, крякая, семенили утки.

Они отправлялись в невероятно длинные прогулки — проходили вверх по дороге мимо моего коттеджа, останавливались и заглядывали в калитки двух соседних коттеджей, вызывая гоготали, когда в щель для кошки в двери одного из них высовывала морду немецкая овчарка и заливалась лаем; вверх по склону до фермы, где снисходительно косились на непредприимчивых гусей на огороженном лужке; дальше до «Розы и Короны», прежде чем свернуть за угол и величаво отправиться в обратный путь. Впереди неизменно Джеральд, словно знаменосец, и утки в арьергарде. Шли недели, никто не давал ему отпора, и Джеральд становился все более воинственным.

Встречая Фреда Ферри на дороге, он неизменно бросал ему вызов. Но Фред, деревенский житель, привыкший к гусям, просто отмахивался от него рюкзаком и говорил:

— Шел бы ты лучше задирать старуху Маль, а?

(Старуха Маль, кстати, была далеко не так слабоумна, как казалось Фреду: обычно она стояла позади своей калитки, задвинув засов, и бросала хлебные корки через дорогу поближе к коттеджу Фреда, когда Джеральд шествовал мимо.)

А когда кто-то осмеливался пойти по дороге, ведущей к гусяному дому, Джеральд выходил на ее середину и с таким видом приглашал прохожего сделать еще один шаг, что обычно тот предпочитал тут же ретироваться. И, располагая поддержкой своей армии, Джеральд чудесно проводил время утром по

пятницам, когда служащие местного совета приходили проверить сточную трещину.

Она находится у русла ручья дальше в лесу: когда после сильных ливней вода в ручье поднимается, ее излишки теоретически скатываются в трещину и по подземным пещерам стекают — как было установлено с помощью краски — к деревне в пяти милях от нас, где и выходят на поверхность, питая тамошний пруд. Однако, когда трещину затягивает илом и заваливает камнями под давлением воды, ручей выходит из берегов, превращается в бурный клубящийся поток и смывает покрытие дороги.

А потому каждую пятницу двое дюжих рабочих припарковывали свой фургон у моего коттеджа, отправлялись с лопатами к трещине, расчищали, если требовалось, шли назад, проверяя, нет ли завалов в канаве, обламывали плети ежевики, а потом спускались к коттеджу Ризонов посмотреть, не забит ли ручей под мостиком через тропу, там, где он делал петлю на лошадином пастбище. А потом возвращались выкурить сигарету и с удовольствием вдохнуть воздух долины, прежде чем отправиться восвояси.

Так было до появления Джеральда и его свиты. Но теперь, едва фургон останавливался, вверху на дороге появлялась процессия — на этот раз двигалась она торопливо, и когда рабочие открывали дверцу, чтобы выйти, они видели перед собой четырех гусей, которые шипели, точно бьющий из клапана пар, и взбудораженных уток на заднем плане. Грозно размахивая лопатами, рабочие кое-как пробирались мимо них и пролагали себе путь к трещине. Настоящее веселье начиналось потом. Когда они проходили мимо фургона, направляясь к дороге Ризонов, гуси выходили из-за моего угольного сарая, где ждали в засаде, и шли за ними — шипели, щелкали большими оранжевыми

клювами, вытягивали шеи, целясь в ноги рабочих, и вовсю наслаждались.

Один рабочий ловко от них увертывался, но другой, дюжий бородач шести футов ростом, отчаянно их боялся, и дело обычно кончалось тем, что он отплясывал подобие джиги, стоя в кольце гусей и уток, отчаянно взывая о помощи. Если Дженет была дома, она тут же являлась выручать его. А если она уже уехала на работу, туда шла я, взмахивала моей клюкой, и гуси рассредоточивались. Умирая со смеху, если судить по их виду. Я ни разу не слышала, чтобы они напали на кого-нибудь по-настоящему. А Дженет, как она говорила, не могла держать их под замком. Она ведь отсутствовала весь день и выпускала их щипать травку — щипать травку и патрулировать Долину, что они и проделывали с равным успехом.

Запугивали они в основном рабочих совета, но иногда пытались проделать то же и со мной. Часто, собираясь в город, я выводила машину из гаража, ставила ее перед коттеджем и шла переодеться. И тут же появлялись гуси в поисках любимого развлечения, так что мне приходилось раскрывать у них перед клювами зонтик, чтобы проложить себе путь. Я специально хранила красный солнечный зонтик под рукой, и многие туристы разевали рот при виде того, как я, словно матадор, пячусь к калитке, обороняясь чем-то красным. То есть автотуристы. Пешие тут появляться не рисковали.

Если гуси проходили мимо, когда я была в саду с кошками, Шани, припадая животом к земле, удирала в коттедж и пряталась под диваном, но Сафра, скроенный из более крепкого материала, наблюдал за ними с садовой ограды. Под защитой ручья, который, подобно замковому рву, тянулся вдоль ее подножия, он подбирался будто для прыжка и вызываяще вопил. Он Не Боится. Он Одной Лапой Побьет Их Всех. Пусть-ка

они Попробуют, завывал он, быстренько оглядываясь через плечо, тут ли я.

Однако одного сиамского кота было мало, чтобы поставить на место Джеральда и К⁰. Гораздо дальше за коттеджем старика Адамса, которого, как ни странно, гуси оставляли в покое (возможно, у Джеральда хватило ума не связываться с настоящим деревенским жителем), Питер Ризон запрудил ручей, чтобы устроить для них уютную заводь, и однажды ко мне выпить чаю приехала моя кузина Ди со своим бордер-терьером Тилли и Тэг, помесью бэдлингтон-терьера, которую оставила на ее попечение уехавшая отдохнуть подруга.

Чай мы пили на лужайке, посадив кошек для безопасности в вольеру. Позади нас в лаванде гудели пчелы, белые летние облачка, словно каравеллы, проплывали над заросшими травой валами доисторического укрепления на вершине холма в конце Долины, а в вышине на широко раскрытых крыльях парил сарыч.

— Неудивительно, что ты так любишь это место, — сказала Ди, откидываясь на спинку кресла. — Ничего более мирного и безмятежного и вообразить невозможно.

Но она не повторила этого через полчаса, когда мы вышли усаживать собак в машину. Тилли, которую неделю назад стерилизовали, так что двигалась она осторожно, стояла у дверцы машины, а Тэг кружила по берегу ручья, обнюхивая всякие предметы. Внезапно она услышала что-то в конце дороги, вздернула голову, увидела большие белые крылья, хлопающие у запруды, точно скатерти на бельевой веревке под ветром, и стрелой помчалась туда.

— Тэг! — с ужасом взвизгнули мы с Ди в унисон. — Тэг! Назад!

Но она влетела в гусиную компанию, разогнала их, а затем, как дисциплинированная собака, вернулась, высунув от удовольствия язык.

К несчастью, фарс тут же перешел в мелодраму. Возбужденная этим шумом Тилли забыла про свои швы, помчалась по дороге, проскочила мимо Тэг, даже не взглянув на нее, и прыгнула на спину ближайшей гусыни, которая тут же нырнула вместе с Тилли и осталась под водой.

— Тилли! — закричали мы и кинулись туда.

Когда мы добрались до запруды, Тилли сорвалась с белой спины в воду и выкарабкалась на берег, а гусыня вырвалась из воды будто на водяных крыльях. Но, увы, ненадолго. Тилли снова на нее прыгнула, и они погрузились в воду точно подводная лодка — сначала корпус, потом рубка, и пока мы пытались ухватить Тилли, со стороны конюшен примчалась Дженет, прыгнула в запруду, ухватила ее за ошейник и вышвырнула на берег. Гусыня снова выскочила на поверхность как пробка, устремилась к противоположному берегу, где Джеральд и прочие гоготали, выстроившись полукругом.

Дженет выбралась из заводи и наградила Тилли вполне заслуженным шлепком. Ди, нежно обнимавшая хулиганку, загородила ее.

— Не повредите ей! Она только что прооперирована, — взмолилась Ди.

— Тем более ей следовало понимать! — огрызнулась Дженет, и мы не нашли, что возразить. Что следовало, то следовало.

По пути к коттеджу Ди мучилась вопросом, как ей следует поступить — вернуться и извиниться перед Дженет? Предоставь это мне, сказала я. А ей следует поскорее забрать собак домой, пока не случилось еще чего-нибудь. Уплатить за причиненный ущерб? Я

передам ее предложение, сказала я. Хотя какой, собственно, ущерб?

Ди благополучно укатила с собаками — я попрощалась с последними без всякого сожаления — и пошла поговорить с Дженет. Гусей у запруды не оказалось. Зато в углу луга, возле перекосившегося навеса среди крапивы, лежало нечто большое, округлое и белое. Но не могла же гусыня умереть от шока? Что, что я скажу Дженет? И, струсив, я промолчала. Только извинилась и спросила, как они. А про себя решила, что на обратном пути все выясню, и если гусыня скончалась, тогда и придумаю, как попозже сообщить об этом Ризонам.

Дженет разговаривала со мной тоже как-то встревоженно. С гусями все хорошо, заверила она меня (про что-то большое и белое у дороги она не знала). И извинилась, что шлепнула Тилли. Не совладала с собой. Так Тилли и надо, заверила я ее. Но мне обязательно следует позвонить Ди и сказать, чтобы она выкупала Тилли в антисептическом растворе, категорично сказала Дженет. Ведь разрезы у нее еще не зажили, а кто знает, какие микробы могут кишеть в гусиных запрудах? Я обещала, что непременно позвоню, и пошла назад по дороге, испытывая немалое облегчение, которое стало еще более сильным, когда белое и округлое в крапиве оказалось не гусыней, испустившей последний вздох, но старым белым эмалированным тазом, заброшенным в крапиву каким-то обитателем Долины еще в те дни, когда мусор можно было швырять куда попало. И с легким сердцем я зашагала кормить кошек ужином.

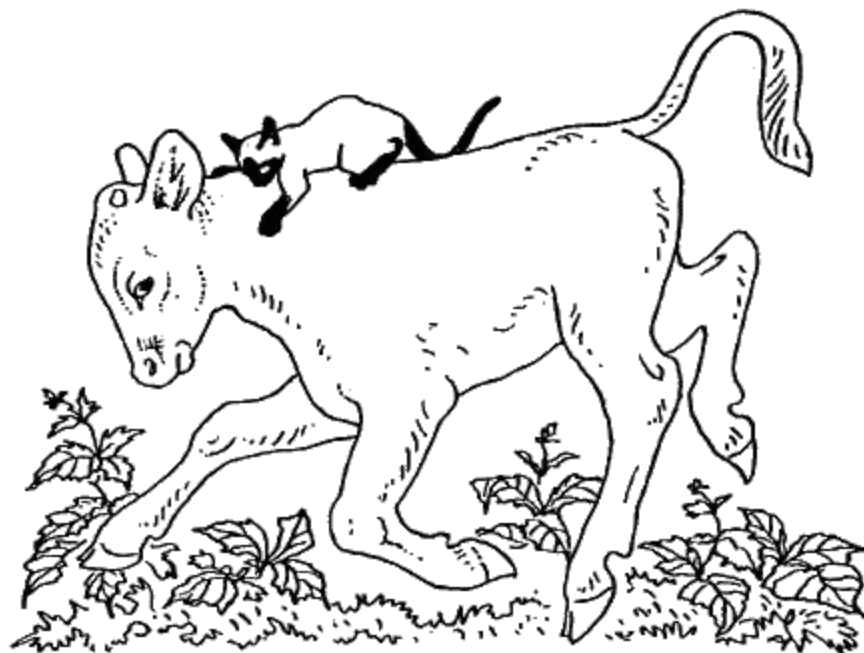
Жалко, что ему не удалось поиграть с этими собаками, заявил Сафра, внимательно наблюдавший за всем из вольеры. С ними не соскучишься!

И конечно, он не сообразил, что это Похитительские Собаки, осведомилась Шани, покидая кошачий дом с

быстротой, какую проявляла, только когда гости отправлялись восвояси. Еще хорошо, что Она Умна За Них Двоих!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Да, умна она была бесспорно. Таким женским практичным умом. Я без труда могла представить себе, как она вяжет или организует игры котят.

А вот Сафру посещали минуты истинного вдохновения и конструктивного мышления. Например, я бросала ему его любимую игрушечную мышь, а он затапливал ее под бюро, распластывался на животе и наблюдал, как я выуживаю ее оттуда раскладной линейкой. Именно это его особенно привлекало — наблюдать, как линейка зацепляет сбежавшую игрушку. Вскоре он уже нес мышь к бюро во рту, старательно затапливал ее подальше, а затем принимался орать, чтобы я пришла и повозила под бюро линейкой. Это повторялось так часто, что я начала оставлять линейку под бюро, и тут Сафру посетила еще одна конструктивная мысль. Значит, вот этим я

загребаю мышь и вытаскиваю ее наружу. Водяным пистолетом он пользоваться так и не научился, но линейкой-то он двигать может! И он начал ею двигать — положив одну лапу на ближний ее конец (как я прижимала ее ладонью, что он и перенял), а потом мчался посмотреть, не появилась ли мышь. Иногда она появлялась, и Саф приходил в неистовый восторг и принимался подкидывать ее, прежде чем засунуть обратно и опять поелозить линейкой. Впрочем, торжествовал он редко, так как двигал линейкой вслепую. Но он сообразил, какая связь существует между линейкой и появлением мыши из-под бюро, и орудовал линейкой, как механик — рычагом.

Про один из самых ярких случаев подобного рода я услышала от дамы, продавшей котенка людям, ничего не знавшим о замашках сиамов, а потому постоянно ей звонившим, чтобы рассказать ей об очередной проделке. Они меняли в доме проводку, и котенок завел манеру исчезать под полом в одном месте, а вылезать наружу совсем в другом. Они всячески старались ему препятствовать, но стоило им отвернуться, как он молниеносно нырял под половицу, и приходилось тратить уйму дорогого рабочего времени, чтобы извлечь его на белый свет. И тут электротехник придумал привязать веревочку к ошейнику котенка, затем его сажали под половицу и звали из противоположного угла комнаты, где тоже была снята половица. Котенок проскакивал под полом и ликуя вылезал в новую дыру — и вытаскивал привязанный к веревочке электрошнур, который электрик затем вытравливал весь и подсоединял.

«Сэкономил часы и часы, которые ушли бы на поднятие половиц», — с гордостью сообщила его первая хозяйка. Ну, я бы поостереглась: что, если бы веревочка зацепилась там за что-нибудь, и половицы пришлось бы снимать куда быстрее, чтобы вызволить котенка? Но,

может, он был исключением. Может, он даже сейчас подрабатывает подручным электрика? Что было дальше, мне услышать не довелось. И я только думала, вспоминая, как Сафра воспользовался складной линейкой, чего бы он не сумел достичь при некотором поощрении.

Мне приходится выслушивать множество историй об умных кошках. И необязательно сиамских. Все породы, включая и «простых», имеют своих вундеркинов. Например, у аптекаря в соседней деревне его огромный, покрытый шрамами рыжий кастрированный кот вдруг начал часами где-то пропадать, а возвращаясь, благоухал «Шанель № 5» — аптекарь узнал аромат этих духов, так как сам ими торговал. Заинтересовавшись, он как-то последовал за котом, который шел и шел по дороге, пренебрегая скромными коттеджами, а потом свернул в ворота местного помещичьего дома и зашагал по дорожке, словно все тут принадлежало ему. Подойдя к парадной двери, он носом приподнял крышку почтового ящика, подвешенного очень низко, и дал ей упасть. Несколько секунд спустя дверь отворилась, и голос произнес: «Вот и ты, милый. Входи же, входи!» И кот исчез внутри — чтобы через несколько часов вернуться домой, благоухая «Шанель № 5». Аптекарь сказал, что в этом доме жила богатая старая дама, которая, видимо, кормила его и брала на руки — потому-то от него и разило дорогими духами, против чего он явно ничего не имел. «А ведь выглядит он как старый боксер», — с недоумением закончил аптекарь.

Тот же кот однажды (что больше вязалось с его разбойничьей внешностью) сожрал всех рыбок в декоративном прудике в саду приятеля его хозяина. Приятель, который тоже жил в порядочном отдалении от аптекаря, жаловался, что его рыбки исчезают непонятным образом. «Может, их цапля хватает?» —

предположил аптекарь, узнавший об истинной подоплеке этих исчезновений, только когда однажды увидел, как его кот шествует посередине дороги с последней — и самой крупной — золотой рыбкой во рту: хвост извивается справа, голова дергается слева. Аптекарь попытался ее спасти, но кот добычи не отдал, так что бедняге пришлось подхватить кота на руки и отнести его с рыбкой домой со всей возможной быстротой, пока их никто не увидел. Когда он в следующий раз встретил своего приятеля, тот сообщил, что пустил в пруд рыбок помельче. Предположительно их кот счел недостойными своего внимания, поскольку ни единой не тронул. «Согласитесь, это уже предел», — сказал аптекарь. И мне оставалось только согласиться.

Пределом была и история о каком-то деревенском жителе, владельце двух коккер-спаниелей, который в минуту неосторожности взял у городского друга черного полусиамского котенка. По прибытии в свой новый дом котенок прошествовал на кухню, поставил спаниелей на место, съездив их лапкой по носу, и мгновенно приспособился к деревенской жизни. Утром его хозяин услышал фыркание и пыхтение, доносившиеся с соседнего луга, отправился туда и увидел, как котенок лупит лапкой по носу корову, которая угрожающе нагнулась к нему. И корова тоже была поставлена на место. Позже его хозяин с ужасом наблюдал, как котенок прыгнул на спину бычку, уцепился за кудерьки на могучей шее и держался на ней, как ковбой, пока бычок носился по лугу. Ободренный этими успехами котенок был затем застигнут, когда, усевшись позади коровы, упоенно бил лапкой по ее хвосту, которым она, видимо полагая, что ей докучает какая-то огромная муха, сердито хлестала из стороны в сторону. А еще он подкрался к сороке, уцепился за ее хвост, когда она взлетела, и путешествовал по воздуху, пока зажатое в его зубах

перо не выдернулось. Встав на ноги, котенок забрал перо в дом, и оно много дней служило ему любимой игрушкой, пока не растрепалось настолько, что его нельзя было уже ни подбрасывать, ни брать с собой спать. А когда он не вступал в поединки со смертью, закончил его владелец, то любил забираться на остролист у дверей, грызть листья и вытаскивать лапкой колючки изо рта. Что я на это скажу? Ну, ответила я слабым голосом, это в нем, наверное, сказывается сиамская кровь.

Полусиамы, рождающиеся от незапланированных спариваний с простыми кошками, отличаются изящностью линий, плюшевой шерстью и зычными голосами. Они часто бывают черными и неизменно куда более склонны оказываться в непредсказуемых катастрофических положениях, чем другие домашние кошки. Современные кошки восточной породы — результат спланированного скрещивания сиамов с другими породами — обладают такой же репутацией, но я, памятуя о собственном опыте и всех жутких историях, которых слышала, не могу поверить, что хоть кто-то способен превзойти чистокровного сиамца по части всяких невероятных штук. Вот, например, история, которую мне поведала женщина, захватившая своего сиамского котенка (первого, каким она обзавелась, и была покорена тем, как он ходил за ней повсюду, точно собака) купить картофеля у старика, который пополнял свою пенсию, продавая овощи. Жил он в двух кварталах от нее. Перепугавшись уличного движения (это была его первая прогулка по улицам), котенок, едва старичок открыл дверь, взобрался по его ноге. «Естественно, его больной ноге», — сообщила моя собеседница.

Она содрала сопротивляющегося Альфреда со спины старика и унесла домой, а когда снова пришла за картофелем — без Альфреда по очевидной причине, —

ей прямо на пороге были предъявлены раны. Раз! — старичок засучил брючину. «Видите где? Черт, я же чуть не заорал! И всю ночь болело», — сообщил он ей. Хотя она так ничего и не увидела, молясь, чтобы никто из прохожих ничего не заметил и не сообщил бы в полицию на них за непристойное поведение на улице.

— Сколько людей говорили, какой он красивый котик, а затем все портили, добавляя: сразу видно, что он ваш, — закончила она.

Этих историй не перечесть, хотя некоторые и утверждают, будто я их сочиняю — никакие кошки не способны вести себя подобным образом! Естественно, никто из них лично с сиамами незнаком, и мне остается лишь посоветовать, чтобы они сами попробовали — ну, как женщина, которая как-то позвонила мне по поводу своего шоколадного сиама: он у нее первый, так не посоветовала бы я ей что-нибудь?

Едва она назвала его имя, как меня пробрала дрожь. Знаю по опыту: назвать сиама Мином, как воплощение восточного изящества и совершенства, значит, накликать беду. Все Мины, каких мне довелось знать, были сущими дьяволами, словно задались целью опровергнуть все ассоциации, какие могло вызвать их имя, и этот Мин не явился исключением.

Конни, его хозяйка, объяснила, что была учительницей в пансионе для девочек, но недавно ушла на покой и поменяла квартиру. При доме, где она жила прежде, был сад, примыкавший к большому лугу, — там Мин мог гулять без всякой опаски, утверждая свою диктатуру. Он дрался со всеми окрестными котами и особенно с Рыжим Бейтсом, которого ненавидел глубокой восточной ненавистью. Он таскал вещи у соседей, которые приносил ей в подарок, так что ей приходилось выяснять, чьи они, а затем возвращать законным владельцам. Он разгуливал по жизни, как разбойник с большой дороги в кошачьем облике. И вот

теперь, когда его хозяйка перевезла его на квартиру, более удобную для нее, — неподалеку от первой, но за углом на главной магистрали, с садом, обнесенным сеткой для его безопасности, а его любимый луг и Рыжий Бейтс отделены от него восьмифутовой оградой, — теперь он устроил деспотическую революцию.

Деспотом он был всегда, сообщила его хозяйка. Прежде он принадлежал ее ветеринару, владельцу еще двух сиамов, которых Мин, буйный подросток, совсем замучил, а у нее тогда кошки не было, и ветеринар с женой, ее близкие друзья, попросили, чтобы она взяла его.

И он отлично ужился с Конни. Ему нравились электрокамины, и креветки, и вырезка, и то, что с ним обходились как с единственным котом особой важности. Но когда они переехали, новую квартиру он не одобрил, а обнесенный сеткой сад — вдвойне. Они прожили там три недели, и все это время он расхаживал каждый день вдоль ограды, царапал деревянные столбы и орал, потому что ему не удавалось ни подлезть под сетку, ни перелезть через нее, и ее новые соседи начинают жаловаться. Так что ей делать? Разве что опять сменить квартиру? Расстаться с Мином она не в силах. Он ее друг.

Купите водяной пистолет, посоветовала я ей и объяснила, как он мне помог с Сафрой. Я ощутила, как по телефонному проводу до меня докатилась волна ужаса. А потом она спросила, нельзя ли обойтись опрыскивателем для растений. Я прекрасно поняла ее дилемму. Жила она совсем рядом со школой, где работала прежде, да и сейчас вела внеклассные занятия. Учительница, расхаживающая с водяным пистолетом или застигнутая, когда она его покупала в игрушечной лавке, — какой пример подаст она ученикам?

Да, конечно, попробуйте опрыскиватель, благословила я ее. Но она обязательно должна довести дело до конца и не сдаваться. Вот и ветеринар предостерегал ее, чтобы она не сдавалась, уныло вздохнула Конни. Да только, пока Мин жил у него, сам он настойчивостью похвастать не мог.

Однако на этот раз все получилось. Три недели спустя Конни снова мне позвонила. Она просто не знает, как меня благодарить: Мин перестал вопить и смирился с фактом, что наружу ему не выбраться, хотя все выглядывает из-под сетки Рыжего Бейтса, но тот, слава Богу, к ограде не подходит. У Мина уже одно ухо разорвано в результате стычки с сорокой, к гнезду которой он подобрался в былые дни вольных прогулок, и она очень опасалась, что другое ухо ему порвет Рыжий Бейтс.

Она вкратце изложила мне полную событий биографию Мина — неисчислимые драки и как следствие визиты к ветеринару. Кроме того, он часто страдал тонзиллитами из-за своей громогласности, так что его приходилось лечить и от них, что тоже отнюдь не сахар. А предметы, которые он крал и притаскивал домой, чтобы порадовать ее, когда она вернется из школы (когда они жили еще на той квартире), отличались, заверила она меня, поразительным разнообразием — от кусков вырезки и скелета камбалы вкупе с головой до зеленых мячей, похищенных с общественных теннисных кортов, когда никто не следил за ним, и разложенных по одному на каждой ступеньке. Как он умудрился донести их до дома, она даже вообразить не могла, но умудрился. И только зеленые.

Насколько ей это удавалось, она разыскивала владельцев и возвращала им украденное, но иногда у нее опускались руки. Как, например, тогда, когда, вернувшись домой, она увидела на ступеньках две пары

красных кальсон. Сидевший возле них Мин сообщил, что это Подарок. Но ходить с ними по домам, спрашивая, чьи они, у нее не достало духа, сказала она. Какое неловкое возникло бы положение! Ну, и она выбросила их в мусорный бак. Однако совесть ее и поныне мучает. Ну, почему, почему сиа́мы проделывают такие жуткие штуки?!

Я так и покати́лась со смеху. Да потому, что они сиа́мы. А судя по ее рассказам, меня бы не удивило, если бы мы сравнили их родословные, что они с Сафрой в родстве. Сафра проделывал такие штуки, потому что унаследовал характер своего деда Сатурна из знаменитой Килдаунской линии. Люди могли считать себя счастливчиками — или, наоборот, жертвами судьбы, это уж как взглянуть, — если обзаводились котенком этой линии. Жизнь сразу становилась иной. Я поведала ей о Сафре, и сиреневых полотенцах, и о том, как его изгнали из Лэнгфорда, так что настал ее черед содрогаться.

Со следующей же почтой она прислала мне родословную Мина, ну и, конечно, Сатурн в ней фигурировал как его дед. То есть они с Сафрой были двоюродными братьями! Когда я позвонила Конни с этой новостью, то указала, что степень их родства с прославленным предком значения не имеет. Если гены при нем, ей предстоит нелегкая жизнь.

Мы стали друзьями — товарищами по несчастью — при одной лишь мысли об этом. Она приехала познакомиться с моей парочкой — с Сафрой, экстравертом, Главой Дома, и с Шани в ее роли Беглянки от Торговцев Живым Товаром — и была совершенно ими очарована. Я поехала познакомиться с Мином, и он меня тут же абсолютно очаровал. Шоколадный — более светлая копия Сафры, он был до удивления на него похож, если не считать рваного уха. Красивый, высокий — и такой внушительный, когда он

безотлагательно испробовал на мне свой номер Изнеможания От Холода.

Квартира Конни обогревалась газовым центральным отоплением, а в гостиной имелся большой электрокамин для поднятия температуры в случае необходимости. Когда я в первый раз приехала к ней познакомиться с Мином, мы выпили чай и уютно устроились в гостиной. Я взглянула налево на длинный радиатор под окном. Там максимально прямо, прижавшись головой к металлу и зажмурив глаза, восседал Мин. Я нагнулась поглядеть на него. Он приоткрыл глаз, перехватил мой взгляд и еще сильнее прижался к радиатору. Я все поняла. Он Страдал. Умирал От Холода.

— С минуты на минуту вам покажут процедуру с камином, — шепнула Конни.

Несколько минут спустя я уже ее наблюдала. Мин подошел к электрокамину, сел перед ним и начал бить лапой по свисающему шнуру, пока штепсель не застучал о стенку. «УОУ!» — с чувством сказал Мин, устремив на меня неморгающий взор.

Конни продемонстрировала, чего он хотел, — вставила штепсель в розетку и включила камин. Когда спираль засветилась и от нее потянуло теплым воздухом, Мин растянулся перед камином во всю длину и перекатился на спину. Какое блаженство, говорила его поза. Умей он вставлять штепсель в розетку сам, так только это и делал бы, сказала Конни. И она со дня на день ждет, что он сообразит, как это делается.

Но одно он все же сообразил, причем просто поразительную вещь. Собственно говоря, более замечательного примера кошачьего ума я не знаю. В двери кухни была прорезана щель с подвешенной крышкой, чтобы Мин мог выйти в огороженный сад, когда захочет. Однако, собираясь куда-нибудь, Конни приносила его в дом, пристегивала крышку и задвигала

небольшой, но тяжелой тумбочкой. Она все еще опасалась, что Мин, оставшись надолго без присмотра, найдет способ выбраться за ограду.

Конни, признанный знаток диких орхидей, время от времени уезжает на сутки читать где-нибудь лекцию или встретиться с другими ботаниками, и тогда за Мином приглядывает ее подруга Диана. Ди, владелица небольшой транспортной конторы, сама распоряжается своим рабочим временем, а потому может составить компанию Мину днем. Она кормит его, выпускает в сад, забирает назад в дом, а перед тем как уйти, загораживает щель в кухонной двери. Изюминкой в этом привычном распорядке было то, что оставшийся в одиночестве Мин встречал Ди очень нежно, бодал головой, крутился между ее ногами, лежал у нее на шее и мурлыкал ей на ухо, когда она его обнимала.

Однако, когда Конни возвращалась из своей очередной поездки и Ди, встретив ее на станции, входила с ней вместе в дом, Мин забивался под кровать подальше от Ди и выводил оглушительные рулады на тему, какая она страшная и как он ее ненавидит, — сплошное притворство, чтобы Конни поверила, до чего невыносимой была его жизнь, пока она отсутствовала. И он был такой прекрасный актер, что, возможно, его хитрость сработала бы, если бы Диана не уговорила Конни спрятаться за дверь и дать ей войти одной. И Конни собственными глазами увидела в кухонное окно, как этот котик самозабвенно трет мордой о щеку Дианы — но едва Конни вошла, как он яростно зашипел на Диану, вырвался из ее объятий и сбежал.

Но это так, между прочим. Соль же истории в том, что однажды Диана, проведя с Мином начало вечера, принесла его из сада, застегнула и загородила щель, а позднее вернулась, чтобы покормить его ужином и приласкать. И обнаружила, что Мин исчез, тумбочка

сдвинута, крышка щели свободно болтается, а за ней — темная ночь.

Ди подумала было, что плохо пристегнула крышку и забыла придвинуть тумбочку. Однако она ясно помнила, что приняла все эти меры предосторожности. Главным же был вопрос: где теперь Мин? Она вышла в сад с фонариком и принялась шарить лучом туда и сюда, еле дыша от страха, что он все-таки перебрался через ограду... И внезапно увидела его. Он сидел на бордюре и выслеживал лягушку — как раз настало их время. Она унесла его в дом, снова застегнула крышку и задвинула ее, а когда Конни вернулась, рассказала ей обо всем.

На следующий день, решив обязательно выяснить, как он умудрился вырваться в сад, Конни укрылась в комнате, в открытую дверь которой ей была видна через коридор тумбочка перед щелью. Через некоторое время Мин вышел из ее спальни, где вздремнул на кровати, вошел в кухню, уселся перед тумбочкой и, выпустив когти, левой лапой после некоторой возни зацепил и открыл ее дверцу. Затем он всунул туда правую лапу и дернул чуть влево, так что тумбочка отодвинулась от щели. Затем отстегнул крышку и выбрался в сад.

С тех пор Конни перед уходом придвигает к тумбочке кухонный стол и для верности придвигает к нему стулья вплотную. Мин еще не нашел способа, как сдвинуть такую баррикаду, сказала Конни, но не исключено, что он его разрабатывает, а пока ей стыдно за вид кухни, если у нее кто-нибудь гостит.

Когда Сафра покинул дом, доказывая, что он из Килдаунов (или виной были рассказы о приключениях, которых он наслушался от Синдбада?), ему не пришлось возиться с крышкой кошачьей щели. Из соображений безопасности в кухонной двери ее вообще не было, и он просто привел в исполнение давно задуманный план: спрятался в свое убежище за холодильником, пока я

меняла содержимое ящиков, в расчете, что рано или поздно я не закрою за собой дверь как следует. И вот ему повезло — я ударила по филенке пяткой, но дверь не захлопнулась.

Когда я обнаружила это, он успел использовать полученную фору. Я обыскала сад, пробежала туда-сюда по дороге, встряхивая жестянку с кошачьими галетами и зовя его. Ни ответа, ни привета. Полная тишина. Шани, когда я спросила ее, где он, ответила, что не видела его. Наверное, угодил в лапы Торговцев Живым Товаром, предположила она.

Я стояла у калитки, прикидывая, куда бежать теперь, и тут увидела приближающуюся по дороге процессию. Толпу пеших туристов — человек тридцать — с рюкзаками калейдоскопических расцветок. Тот, что шагал впереди, нес на руках кошку. Я уже видела их в окно, когда они шли в противоположную сторону. И тогда кошки с ними не было. Я сразу догадалась, что это за кошка.

Он погнался за ними, объяснил тот, кто его нес. Отдельные члены группы заметили его маневры. Кто-то заметил, как он на ограде вытягивал шею к их рюкзакам. Другой увидел, как он спрыгнул и пошел следом за ними. Некоторые постарались его отпугнуть, чтобы он вернулся. Как бы не так! Увертывался, сказали они, и шел следом. Но только когда они достигли конца долины и начали подниматься по крутому склону к остаткам древнего укрепления, им стало ясно, что Сафра вовсе не отправился в обычную кошачью прогулку, а сознательно увязался за ними. Вообще-то они направлялись в Берлингтон осмотреть Скалу Веков. И не собирались возвращаться по этой дороге. Ну, они и решили принести его назад всем скопом, поскольку идут по маршруту, который известен только их руководителю. Я поблагодарила их и крепко держала Сафру, когда они повернули обратно. Он вознегодовал

и снова побежал бы за ними, позволь я. Он Глупый, сказала Шани. Еще бы они не принесли его назад! Они же знали, что он не Настоящий Турист. Ничего бы они не узнали, будь у него рюкзак, заявил Сафра, который, как все сиа́мы, считал себя человеком. Тем не менее я испугалась. За несколько недель до этого кошка Дженет дальше по дороге внезапно пропала. Ее нашли через полмесяца на вершине Мендипа, где она укрывалась под упавшим деревом, практически умирая от голодного истощения. Видимо, она тоже пошла за туристами, но не такими благожелательными, как те, что отнесли Сафру домой.

Я все еще тревожилась из-за этого происшествия — так быстро все произошло, — старалась не спускать с него глаз и все время удостоверяться, что задняя дверь закрыта надежно. И вот, возвращаясь домой из леса с электропилой, я запуталась ногой в плетях ежевики, потеряла равновесие, покати́лась вниз по склону, разодрала о шипы колено так, что казалось, будто я побывала в когтях льва, и кончила тем, что, облепив колено пластырем, растянулась навзничь на полу гостинной, стараясь расслабиться и тем привести свою нервную систему в порядок. Я лежала с закрытыми глазами, снимая напряжение, и тут почувствовала, что я не одна, и открыла глаза. Естественно, я не ошиблась. Возле моих ступней, будто две свечи в ногах катафалка, сидели бок о бок и пристально на меня смотрели Шани и Сафра. Шел седьмой час, а в шесть они питались и вот силой воли принуждали меня вспомнить об этом. Я тут же встала с пола. Владельцы сиа́мов знают свое место, даже когда им хочется махнуть на все рукой и завывать.

Однако день еще не кончился. Я все еще прихрамывала и очень себя жалела, когда в тот же вечер меня призвали разгадать загадку, не уступавшую в таинственности судьбе «Марии-Селесты», пассажирского судна, которое дрейфовало у

африканского побережья без единого человека на борту, где все выглядело нетронутым и обычным.

Мисс Уэллингтон спустилась с холма, отправившись в одну из своих ночных прогулок, — проверить, что ручей не загромоздило, объяснила она, — и решила навестить сестру. Она поднялась по тропе к коттеджу Лилии, постучалась, не услышала ответа, сама открыла дверь и вошла. На кухне она увидела разложенную гладильную доску, а на ней — полувывглаженную блузку, хотя электроутюг был выключен, что усугубляло тайну. Вне себя от страха она осмотрела все комнаты коттеджа, но своей сестры нигде не обнаружила.

Из женской солидарности я прохромала с ней туда. И сама осмотрела каждую комнату. Заглянула в гараж — машина Лилии (что выглядело совсем уж грозно) стояла там, будто так и надо. Лилию, решила мисс У., конечно же похитили. Только вот ради чего, подумала я про себя, — пожилую, совсем небогатую женщину... Она никуда нынче вечером не собиралась, рыдала мисс У. Она бы ее предупредила. Мы уже собрались звонить в полицию, и я начала набирать номер (мисс У. поручила эту миссию мне), как вдруг снаружи стукнула захлопывающаяся дверца машины, голос Лилии пожелал кому-то доброй ночи, и она вошла в коттедж. Целая и невредимая, хотя выглядела слегка ошарашенной из-за нашего присутствия тут, решила я.

Тайна объяснилась крайне просто: Лилия, едва переехав сюда, приняла деятельное участие в общественной жизни деревни и, как бывшая энергичная школьная директриса, вскоре вошла в несколько комитетов, в том числе и в комитет клуба «Дружеские руки», заседание которого было назначено на нынешний вечер, о чем она совершенно забыла, так как днем заседала в совете библиотеки. И когда в восемь она не явилась, а телефона под рукой не оказалось, мистер Тутинг, приехавший тоже с другого заседания,

вызвался съездить к ней и выяснить, почему она задержалась. Застигнутая в разгар глажки, придя в ужас от своей оплошности, Лилия выключила утюг, надела жакет и уехала с мистером Тутингом, из-за спешки не сообразив позвонить сестре. Впрочем, мисс Уэллингтон не рассердилась и лишь радовалась, что с ней ничего не случилось: ведь постоянно слышишь о таких ужасах! И так любезно было со стороны мистера Тутинга отвезти ее домой. Да, бесспорно. Вот только одно: почему у Лилии так порозовели щеки? Это заставило меня задуматься.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

И не только меня, но и миссис Бинни. Новость о том, что Лилию Ричардс видели в машине мистера Тутинга, достигла ее с быстротой звука. Фред Ферри видел, как они проехали мимо «Розы и Короны», и сообщил об этом отцу, который жил в двух шагах от миссис Б. А Сэм Ферри, поддерживая вендетту, возникшую во время поездки «Дружеских рук» в Эдинбург, позаботился сообщить ей это известие в тот же вечер.

Сэм под воздействием вендетты начал одеваться заметно более щеголевато. Если прежде он отправлялся выпить свою дневную пинту пива без пиджака, да и засиживался над ней до вечера, то теперь он выходил из дома в тщательно выглаженных брюках, в рубашке с твердым воротничком, при галстукe и в коричневом в клетку пиджаке — предположительно в доказательство того, что он ничем не хуже мистера Тутинга, хотя на круглую шляпу его

все-таки не хватило. Жесткая шевелюра Сэма, пока он расхаживал по деревне, дыбилась столь же воинственно, как щетина кисточки для бритья, которую весьма напоминала. Чего, насколько я поняла из слов миссис Адамс, никак нельзя было сказать про мистера Тутинга, когда он снимал шляпу на собрании дискуссионного клуба. Собственно говоря, Сэм теперь выглядел куда более презентабельно, чем его сын Фред. Даже палка, которой требовал его артрит, не портила общего впечатления. А вернее, она добавляла к его облику что-то от государственного мужа в летах — и это, видимо произвело на миссис Бинни такое впечатление, что она пришла на следующий день сообщить мне про намеки Сэма и обиняками вызнать, какими сведениями о случившемся располагаю я. Мне удалось рассеять ее подозрения, и, выслушав рассказ о забытом заседании, она заявила, презрительно фыркнув:

— Некоторые за все хватаются из форсу, а толку чуть.

И она поднялась к себе на холм, видимо успокоенная услышанным.

Не успела она удалиться, как на калитку положил локти новый гость — на этот раз Уилл Уодроу, пожилой, удалившийся на покой фермер с того склона холма, который иногда проходил по Долине со своим старым псом и, если я была в саду, останавливался, чтобы предаться воспоминаниям о наших местах в дни его юности, зная, что мне его истории доставляют большое удовольствие.

— Это ведь Мод Бинни была, а? Мод Майлс в девушках-то? — осведомился он, с интересом следя, как она уходит вверх по дороге. Миссис Бинни благодаря фиолетовым локонам и изумрудно-зеленому пальто, явно выбранному с помощью Шерл, даже больше обычного смахивала на гиацинт и, очевидно, на взгляд

старого мистера Уодроу, очень даже стоила того, чтобы посмотреть ей вслед.

— Уж не знаю, сколько лет я ее не видел, — заметил он. — А хорошо сохранилась, верно? Пожалуй, надо бы ее навестить, поглядеть, как она там. — При этих словах его глаза блеснули. Мистер Уодроу был вдовцом.

— А ты ее дядю, старика Уолта Майлса, помнишь? — продолжал он, но я решительно заявила, что переехала в деревню не настолько давно.

— А-а! — сказал он. — И верно, это до тебя было. Но он такие штуки отчебучивал, можешь мне поверить! Работал на ферме Даунтона в том конце Долины, ну, в те дни, когда работники ходили в котелках, а шеи повязывали красными платками. Работал он хорошо, и фермер очень даже его уважал, только потом из молочной начали куски масла пропадать, ну, фермер и подумал на Уолта. Но не захотел прямо быка за рога брать, мало ли что! Ну, потолковал он с женой да и позвал его выпить стаканчик сидра. Усадили его на диван у очага, а огонь развели — жарче некуда. Уолт, он никогда котелка не снимал, чего бы ни делал, ну и тут оставил его на голове, когда они пригласили его снять шляпу-то. Ну, и масло потекло у него по лицу, Уолт вытер его красным платком, а оно все течет и течет. А фермер с женой будто ничего не замечают, ведут разговор, точно и нет ничего. Под конец Уолт сказал, что ему пора, и шасть к двери, чуть на стул не наткнулся, а лицо ну все маслом залито. Никто и словом об этом не заикнулся, да только больше масло не пропадало, ни единого кусочка.

Я посмеялась над злоключениями дяди Уолта, и мистер Уодроу, ободренный, начал новую историю.

— Котелки эти для чего только негодились! — сказал он. — Был еще один такой молодчага, старый Джордж Торн. И тоже работник на ферме в Типтри. Ну, так должен был он как-то во дворе работать, а фермер

и заметить, что он вдруг через забор перелез, ну и подкрался посмотреть, зачем бы это. Глядит, а Джордж котелок на землю положил, а сам стоит на коленях перед гнездом цесарки — заметил, значит, — и вытаскивает из него яйца. «Одно для хозяина, — говорит и в гнезде его оставил. — Одно мне, — и кладет в котелок. — Одно для хозяина»... и так, пока там последнее не осталось. Глядит Джордж на него и прикидывает, кому же его определить, а тут фермер перегнулся через забор, да и забрал его. «Думается, хозяину оно в самый раз придется», — говорит.

Я снова одобрительно засмеялась, и мистер Уодроу, войдя во вкус, осведомился, помню ли я супругу прежнего священника — «ну, ту, у которой мопс был китайский». Я ответила утвердительно. Когда мы с Чарльзом переехали в Долину, ее муж еще был приходским священником.

— Приставучая была, — высказал свое мнение мистер Уодроу. — Всегда не с одним, так с другим к человеку привяжется.

Просто она хотела сказать что-нибудь приятное, возразила я. Мне всегда старушка нравилась. Она была очень ко мне добра.

— Это уж как сказать, — продолжал он. — Ну, так двое ребят расчистили огород за брошенным коттеджем и посадили всякие там овощи — вроде как добавку к своим, значит, огородам. И вот один выкапывает там картошку, а супружница священника идет мимо со своей собачонкой, глядит через забор и говорит: «Вы с Господом тут хорошо потрудились, Альберт». А Альберт отвечает: «Ну уж не знаю. Участок-то у Господа вон сколько времени был, а в одиночку он ни единого сорняка не выдернул».

Злокозненно ухмыльнувшись, мистер Уодроу приложил руку к полям мятой фетровой шляпы, окликнул своего пса и побрел дальше, но не в сторону

коттеджа Ризонов, как было у него в обычае, а вверх по склону следом за миссис Бинни. Интересно!

Но только в ту осень мне некогда было следить за деревенскими делами. Коттедж требовал подновления изнутри, а так как меня предостерегли, чтобы никаких таких работ я Биллу, санитару «скорой помощи», не поручала, то мне и пришлось все делать самой.

Начала я с гостиной. Поскольку на первом этаже это была единственная комната, я не могла вытащить из нее все вещи и посвятить работе несколько дней. Мне пришлось заниматься по очереди каждой стеной: снимать картины и книги с полок, передвигать мебель, так чтобы можно было проходить за нее, а в конце дня, когда краска высыхала, водворять все на свои места. А снаружи моросил дождь и сильно похолодало — не та погода, чтобы отправить Шани и Сафру в их вольеру, так что я разводила в камине жаркий огонь, чтобы стены сохли, пока я работаю, а перед огнем ставила уютоложе, чтобы кошки располагались в нем.

Куда там! Мебель я накрыла простынями, как и штабеля книг, и кошки предпочитали большую часть времени проводить под простынями. Прыгая, высовывая лапы в просветы, приглашая меня поиграть с ними в полной уверенности, что все это я затеяла исключительно для их развлечения. Стоило мне набросить простыню на кресло, как под нее стремительно ныряли две кошки и затевали там возню. Шани опрокидывала кисти, Сафра вымазался в краске — к счастью, эмульсионной, которая смывалась водой. Масляные краски удаляются спиртом, а скипидар и растворители для кошек смертельны. И я часто задумывалась, что надо будет сделать, если кошка в них выпачкается. Ответ мне подсказала читательница, описывая проделки своего сиама. Краску надо смывать водкой или джином, указала она. Отличное средство. Она держит бутылку джина в шкафчике с красками

специально для своего кота Тао, который постоянно мажется краской. Иногда ей кажется, что он проделывает это нарочно, чтобы его растерли любимым зельем, — а если гости иногда поднимают брови и принюхиваются... так это, сказала она, входит в цену, которую платишь за право жить с сиамской кошкой.

Саф никогда не пробовал джина, но виски и херес ему нравились — в этом он пошел в своего дядю Сесса. И с меня было достаточно того, когда он усаживался перед моими гостями, внушая им макнуть палец в рюмку и дать ему облизать. Но приобщить его к джину или водке, позволить ему установить связь между спиртным и краской на его шерсти — значило самой напрашиваться на неприятности. Он принялся бы тереться о любую свежеекрашенную дверь. А потому дождь там или не дождь, но в малярные дни они с Шани изгонялись в свой садовый домик с включенным обогревателем.

С гостиной было покончено, и, ободренная результатом, я решила купить новый ковер. Комната большая, и я знала, что обойдется это в гигантскую сумму, если начать с магазина. А потому поехала на ковровую фабрику под Солсбери, и у них на складе нашла именно то, что мне требовалось. Нежно-зеленый ковер из двух кусков, словно сделанный на заказ для моей гостиной в форме буквы Г, причем немножко везения — и я сумею сама его уложить. Доставка в Сомерсет стоила бы очень дорого, потому по моей просьбе одну часть уложили в багажник моей машины, а вторую — на заднее сиденье. Когда я приехала домой, соседи помогли мне уложить их в гараже на составленные лестницы. И когда на следующее утро позвонил Билл, санитар «скорой помощи», сказать, что приедет в субботу, чтобы начать убирать землю позади коттеджа — за годы маленькие оползни со склона заваливали заднюю дорожку, и в кухне появилась

сырость, — я рассказала про ковер, добавив, что было бы хорошо, если бы он помог мне перетащить его в коттедж: одной мне с этим не справиться, даже его половины были чересчур тяжелыми.

Как будто я не знала заранее! Через десять минут Билл, сказавший, что, да, в субботу он поможет мне с ковром, вихрем спустился с холма в своей машине.

— Подумал, вам, наверное, не терпится, — объяснил он. — Вот и сможете сразу его расстелить.

— Так дождь же идет! — охнула я в ужасе. — Край будет волочиться по земле и запачкается. Я ведь из-за спины не могу поднять его повыше.

Следствие артрита, в результате, как безмятежно сообщил мне врач, моего пристрастия к верховой езде в прошлом. А еще советуют хорошенько разминаться на чистом воздухе...

Так понесет-то он, заверил меня Билл. Возьмет посередке, чтобы вся тяжесть на него легла, а мне надо будет только чуть поддерживать передний конец, и все.

Вряд ли надо объяснять, что произошло. Свернутые ковры оказались длиннее, чем он предполагал, и, взятые посередине, провисли. Я поддерживала их спереди, он нес их за середину, а задние концы волочились по слякоти размокшей дорожки, чего мы не заметили. Я предложила втащить их в гостиную через окно, чтобы не огибать с ними угла на пути к входной двери, и это обернулось еще одной ошибкой. Билл спустил их за подоконник, пошел в гостиную, втащил их внутрь, чтобы избавить меня от лишнего труда, и положил их друг на друга вдоль стены под окном, отряхнул ладони — и я испустила скорбный вопль.

— Посмотрите на краску! — простонала я.

Да, свежесть она поутратила. Там, где загрязненный ковер коснулся стены, протянулись черные с песочком полосы, точно ватерлинии на корпусе судна.

— Смыть их, только и делов, — безмятежно объявил Билл, удаляясь в гордом сознании, что совершил доброе дело, а мне предоставил привести стену в порядок, насколько удастся, и принять меры по спасению ковра от посягательств двух кошек, которые, когда в конце концов были впущены в гостиную, внезапно обнаружили самое большое в мире приспособление для точки когтей, уложенное вдоль стены для их удобства. Влекла их грубая изнанка, просто специально подогнанная под их когти. И они их точили весь вечер. Выгибали спины, подначивая друг друга, распушали хвосты, бегали взад-вперед по рулонам. Было ясно, что либо я расстелю ковер с елико возможной быстротой, либо мне вскоре нечего будет расстеливать. А потому я позвонила Доре с Нитой, которые вызвались помочь мне с ним в воскресенье, и спросила, не могли бы они прийти завтра. Нет, они не могут. У них встреча, которую нельзя отменить. Ничего, и пусть они не тревожатся, я и одна прекрасно справлюсь, сказала я с небрежной уверенностью, которой вовсе не чувствовала.

И на следующий день ковер был расстелен, пока кошки сидели в садовом домике, чтобы не мешать мне. Естественно, без накладок не обошлось. Первую половину ковра я расстелила в большей части комнаты, затаскивая на него по мере продвижения работы уэльский комод, диван и тяжелое резное бюро, после чего обнаружила, что спутала рулоны. Второй был больше! К счастью, я не отрезала от него полосы, чтобы подогнать к размерам угловой части гостиной. Я скатала уже расстеленную часть, сдвигая мебель еще раз, быстро перекусила и продолжала трудиться. Приближался вечер, когда ковер устлал гостиную так, как мне хотелось, и, присев на пятки, я обозрела плод своих усилий. Белые стены, дубовые балки, пушистый ковер, старинная резная мебель, расставленная как ей

положено, — гостиная выглядела именно такой, какой задумывалась, — обширной уютной комнатой, которая служила людям два с половиной века и для полноты картины нуждалась лишь в одном — пылающем огне в камине, озаряющем уютное и двух кошек в нем. Без промедления я добавила эти штрихи.

Измученная дневными трудами, я побрела спать в сопровождении моих четвероногих помощников, проснулась где-то около трех, не смогла снова уснуть и спустилась вниз еще раз взглянуть на плоды моих усилий. Саф спустился со мной. Я заварила чай, и мы сели в гостиную, грызя сухое печенье.

— Смотрится, правда? — сказала я Сафу, оглядывая комнату. «УОУ!» — согласился он с энтузиазмом. Может, еще Печеньица? Задавая этот вопрос, он оперся о мое колено, чтобы удостовериться самому. Внезапно тишину прервал звенящий голос. С площадки лестницы к нам взывала Шани. Что это мы Делаем там? Неужели мы не знаем, Который Сейчас Час? Наше место в Кровати, вопила она, явно не намереваясь присоединиться к нам. Подобно родительнице викторианских дней, она ханжески нас отчитывала, и я почувствовала себя виноватой.

— Мы идем! — крикнула я покаянно, беря чашку и блюдца.

Быстрее! Быстрее, требовала милостивая госпожа.

— Да идем мы, идем! — завопила я. Всякий, кто увидел бы меня в ту минуту, имел бы полное основание принять меня за помешанную. Я так разнервничалась из-за нотации негодующей Шани, что сунула чайник в холодильник, вместо того чтобы его сполоснуть.

На следующее утро пришел черед Сафры нарушить нашу сельскую безмятежность. Еще раз оглядев обновленную гостиную, я решила, что для полноты картины зимнего деревенского уюта на дверь надо бы повесить портьеру из парчи медового цвета — память о

моей бабушке. Две их хранились в сундуке на площадке. Я достала одну, потратила час, чтобы подшить ее по длине невысокой двери, надела крючки на карниз и отступила полюбоваться эффектом. Очень даже недурно, подумала я, нагибаясь поднять оторвавшуюся бомбошку — как-никак портьера же была очень старой. Бомбошку я кинула Сафу, и он с восторгом помчался за ней, подбросил в воздух, погонял по всей комнате и в конце концов потерял. Тогда он сел у двери, выжидательно поглядывая на меня. Мысленно попросив прощения у бабушки — но у меня никогда не хватало силы воли противостоять умильному выражению этой мордочки, — я оторвала еще одну бомбошку и бросила ему. Ничего глупее я сделать не могла бы. Ведь Саф далеко не был дураком и тут же понял, откуда они берутся.

Когда он потерял и эту (то есть я предполагала, что он ее потерял), Саф снова сел у двери, а когда я сделала вид, будто не понимаю, чего ему нужно, он зубами оторвал еще одну бомбошку. Я засмеялась и сказала, что он хитрец. Он унесся прочь и почти сразу же вернулся за новой. Встал на задние лапы, вытянул шею... и тут зазвонил телефон. Прикованная к нему, я болтала с приятельницей, не спуская испуганного взгляда с портьера, которая успела лишиться всех бомбошек, до каких мог дотянуться Сафра. И у меня на глазах он взлетел по портьеру, точно мартышка, оторвал бомбошку, спустился, держа ее во рту, и скрылся с ней за углом.

Во мне вспыхнуло подозрение. Терять их одну за другой с такой молниеносной быстротой он никак не мог. Извинившись, я торопливо повесила трубку, кинулась за угол и успела увидеть, что он с ними делал. Съедал. С явным аппетитом. Бомбошки, как я быстро подсчитала, полувековой давности, если не больше! И, хоть и побывавшие не раз в чистке, несомненно,

хранившие залежи старинной пыли. Чего они только не натворят в его желудке!

Вновь попросив прощения у бабушки — меня грызла совесть, но ведь она же тоже любила кошек, поспешила я ей напомнить, — я принесла ножницы, срезала уцелевшие бомбошки (выбросить их казалось святотатством, а потому они упокоились в ящике бюро) и позвонила в Лэнгфорд справиться, какие меры следует принять. Скорее всего, они пройдут тем же путем, как всякая другая его пища, сказали мне. Просто последите за ним и позвоните снова, если вас что-либо встревожит. По собственному почину я скормила ему парочку сардин в оливковом масле, чтобы смазать бомбошки, — мне говорили, что это полезно при завороте кишок, — и всякий раз, когда я в этот вечер проходила мимо бюро, на него прыгал кот в черной маске, ароматизируя воздух коттеджа запахом сардин, и ждал, чтобы я открыла ящичек, — он бы мог снова приняться за бомбошки. Некоторые не умеют извлекать уроки из прошлого опыта.

В назначенный срок те бомбошки, которые он проглотил, благополучно проделали положенный им путь. Еще один сиамский кризис разрешился благополучно. Но перемены в полосе неудач он не ознаменовал. Такая уж выдалась у меня неделя. В субботу опять явился Билл, санитар «скорой помощи», в сопровождении подручного, паренька по имени Норм — высокого, долговязого и крайне бестолкового на вид. И на свой неподражаемый, невероятный лад они начали прокапывать проход за коттеджем.

Много лет назад он был уже прокопан под срезанным склоном, но осыпающаяся земля и камни мало-помалу нагромодились у задней стены кухни, покрывшейся разводами сырости. Кое-где этот вал достигал внушительной высоты. Тут требуется полностью все расчистить, объявил Билл, и

зацементировать. В такой узине, конечно, не развернешься, но они с Нормом уберут землю в два счета. А куда им ее ссыпать?

Землю и мелкие камешки можно рассыпать на дороге, ответила я. Пойдут на восстановление покрытия. А вот камни покрупнее лучше уложить в высокой траве на обочинах позади полосы, которую я выкашивала. Я не хотела, чтобы из-за них страдала подвеска соседских машин.

Они взялись за лопаты, принялись копать, нагружая тачку, которую Норм выкатывал на дорогу, укладывал камни побольше, где я указала, а остальное под моим надзором рассыпал по покрытию. Когда я пришла к заключению, что дальше он и один справится, то вернулась в дом и занялась домашними делами. Примерно через час я заварила для них чай и, пока они пили, вышла взглянуть на дорогу, и меня чуть удар не хватил.

Ее, будто кротовые кучи, усеивали холмики земли и камней, явно прямо вываленные из тачки. И из каждой, точно выступы наземной мины, выпирали крупные камни. Для полного счастья не хватало только, чтобы на дорогу выехала Лилия Ричардс или по склону спустилась мисс Уэллингтон с обычной своей инспекцией.

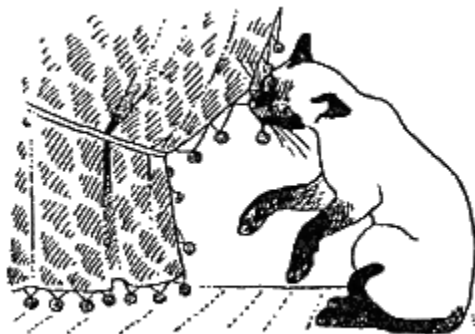
Я набросилась на злосчастного Норму: почему он не рассыпал все, как я просила? Да камней-то столько, что они начали с обочин скатываться, заявил он. А Билл так быстро шуровал, что у него времени не хватало землю разбрасывать, только успевай катить тачку обратно.

— Так метался, что чуть сам с собой не сталкивался, — заверил он меня. — А Билл сказал, что ничего, — машины все разровняют.

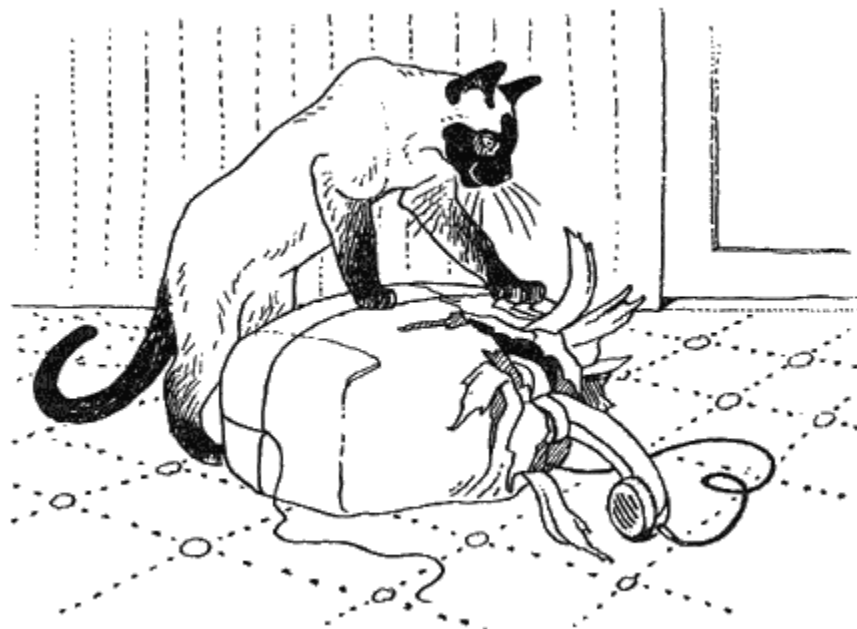
Так что пришлось отправиться туда с граблями, разравнивать землю насколько хватало сил, а большие камни откатывать на обочины дальше по дороге. Слава

Богу, я успела с ними разделаться до того, как мимо прошла, совершая свой обход, мисс Уэллингтон, сказав, как это мило с моей стороны улучшить дорогу к коттеджу Лилии.

Мы уж постарались, пропыхтела я измученно. После чего Билл и Норм удалились, сообщив, что вернутся в понедельник цементировать, — Билл в понедельник был выходной, а Норм, как выяснилось, временно остался без работы. Засим я пошла в дом и легла на пол, чтобы дать отдохнуть спине, а Шани с Сафрой негодующе сидели рядом и спрашивали, с какой стати я тут разлеживаюсь. Разве я не знаю, что им пора Перекусить?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В понедельник все свелось только к одному настоящему злоключению: Билл прибыл ровно в восемь утра с бетономешалкой, которую взял напрокат, а Норм (видимо, он был гораздо смекалистее, чем казался на вид) примчался на мотоцикле только в девять. Так что мне пришлось помочь Биллу выгрузить бетономешалку из самодельного фургона, в котором он ее привез, — фургона для путешествий, в который Билл переделал списанную машину «скорой помощи». Бетономешалка зацепились за нары, и нам пришлось долго возиться, чтобы высвободить ее, да и спустить ее на землю оказалось довольно рискованной работой. Однако к тому времени, когда подъехал Норм, говоря, что очень извиняется, но мать послала его в другую сторону с поручением, бетономешалка была уже водворена на место во дворе, Билл деловито готовил в ней первую порцию цемента, а я смогла уйти и ощупать спину, не

сломалось ли в ней что-нибудь, и они вдвоем приступили к цементированию дорожки за домом под присмотром Шани и Сафры, следившими за ними из окна кошачьего домика.

Посажены туда они были, чтобы воспрепятствовать им угодить на цемент или в бетономешалку, от чего Сафру, пожалуй, иначе нельзя было бы удержать. Они просидели там, пока дорожка не была закончена и Билл с Нормом не отправились восвояси, затащив бетономешалку в фургон без моего содействия. Билл строжайшим образом внушил мне, что дорожка должна затвердевать двое суток и до этого ходить по ней абсолютно возбраняется, а потому я огородила ее с обоих концов проволоочной сеткой, присмотрела, чтобы по пути в дом из вольеры кошки и близко к ней не подходили, и мы приготовились провести мирный вечерок.

То есть приготовилась я, радуясь, что все завершилось без каких-либо чрезвычайных происшествий. Кошки, знавшие, что за коттеджем происходило что-то интересное, прилипли к длинному узкому окну, выходившему на склон, и старательно заглядывали вниз, иногда обмениваясь замечаниями, когда мышь или еще какой-нибудь дикий обитатель холма пробегал (легкими стопами, уповала я) по новенькой дорожке. Около одиннадцати я заманила их в спальню с помощью кошачьих галет, с тем чтобы запереть дом на ночь. Я проверила все запоры и вернулась наверх, оставив дверь в гостиную открытой на случай, если им захочется опять поглазеть в окно, — однако убедилась, что в кухню им проникнуть не удастся и что входная дверь закрыта на засов, причем Сафра снаружи не остался, что он все еще честолюбиво пытался осуществить.

Едва я открыла дверь спальни, как кошки вылетели из нее, точно борзые на собачьих бегах из стартовых

дверец, и скатились по ступенькам, чтобы продолжить свое бдение на подоконнике. Я легла в постель и взяла книгу скоротать время до их возвращения. Обычно они долго внизу не засиживались. Читала я книгу «Кот, который ел датский модерн» Лилиан Джексон Браун, американской писательницы, автора детективной серии, герой которой, сиам силпойнт по имени Коко, помогает своему хозяину, журналисту, раскрывать чрезвычайно загадочные убийства. Датский модерн в романе оказался вовсе не новейшим сортом датских бутербродов, но стилем мебели, обивку которой Коко усердно грыз, не просто портя ее в традиционной сиамской манере, но таким способом снабжая своего хозяина ценнейшими сведениями, что в конце концов привело к раскрытию тайны. И еще Коко в ней обхаживал сиамочку, которой предстояло стать его партнершей в дальнейших приключениях.

Словно мне мало было моих двух Макиавелли в масках, так я еще увлеклась проделками и этой парочки. И читала не отрываясь. Пришла Шани и села на кровати прямо-прямо, ожидая, когда к ней присоединится Сафра, — без него она никогда не устраивалась спать. Я продолжала читать, а Сафра все не шел и не шел. Наверное, за окном происходит что-то увлекательное, подумала я рассеянно.

Видимо, я уснула. И вдруг проснулась, все еще держа книгу. Кто-то отчаянно стучал во входную дверь. Я взглянула на будильник. Десять минут четвертого ночи. Лампочка на тумбочке горела. Шани и Сафра, свернувшись, спали рядом со мной.

Мысли деловито заработали... возможно, взломщики, увидев свет, притворятся, будто у них что-то случилось с машиной, чтобы их впустили в дом. Никому не открывать дверь после наступления темноты — таков мой девиз... Я соскользнула с кровати и вышла в дверь, закрыв ее за собой, чтобы кошки не

последовали за мной, прокралась в свободную комнату, не зажигая света, открыла окно и крикнула:

— Да? Кто тут?

Луч фонарика повернул вверх, осветил форменную фуражку, клетчатую ленту, и чей-то голос ответил негромко:

— Полиция.

Они за кем-то гонятся! Им нужна моя помощь! Прямо как в «Коте». Чем я могу им помочь, осведомилась я хладнокровно. Они знали, к кому обратиться. Недаром я четырнадцать лет была членом приходского совета!

— У вас все в порядке? — спросил полицейский все так же тихо.

— Да, — ответила я с недоумением.

— Но у вас всюду горит свет и все занавески отдернуты, — продолжал он. — Ваши соседи заметили это, проезжая мимо, встревожились и позвонили нам. Вы уверены, что у вас в доме ничего не случилось?

Я высунулась из окна. Полицейский не преувеличивал. Из всех трех окон гостиной на лужайку струился свет. Светилось и окно рядом со мной. Но объяснялось это просто: я же заснула, не погасив лампу. Справа окно прихожей озаряло двор и рыбный прудик. С дороги на склоне коттедж, наверное, смахивал на приземлившийся инопланетный космолет. Я догадывалась, что произошло, но на всякий случай промолчала об этом.

— Если вы подождете, я спущусь и проверю! — крикнула я вниз.

Открыв дверь спальни, я схватила халат, снова закрыла дверь, преграждая дорогу кошкам, и прокралась вниз. Полицейский и его напарник, который во время нашего разговора докладывал в участок по радиотелефону, возможно взвешивая, не попросить ли подкреплений, теперь стояли против среднего окна

гостиной. Я открыла его, излучая спокойствие и невозмутимость, со словами:

— Тут все в полном порядке. Я сейчас осмотрю заднюю половину коттеджа.

— А вы не хотели бы, чтобы это сделали мы? — спросил первый полицейский.

— Нет-нет, спасибо, — ответила я (пусть удивляются моей храбрости!), прошла на кухню, а затем в комнатку за ней и посветила на новую цементную дорожку... Я не сомневалась, что там ничего нет, — и там ничего не оказалось, так что я вернулась к полицейским.

— Все в порядке, — заверила я их. — Я заснула с книгой. У меня был очень тяжелый день, и, видимо, я забыла погасить свет внизу. Ну и... — Тут голос у меня дрогнул: кто знает, как они это воспримут? — Мои сиамские кошки любят смотреть в окна по ночам, и я всегда отдергиваю занавески, чтобы они им не мешали.

У них глаза на лоб полезли. Я разглядела это и в полутьме. Уж конечно, такое объяснение им пришлось выслушать впервые.

— Вот и отлично, — сказали они хором слабеющими голосами. — Спокойной ночи!

И они отступили к своей машине, конечно, чтобы позвонить в участок еще раз, гадая, поверит ли им сержант.

Окна светились и в коттедже Ризонов дальше по дороге. Я позвонила им, хотя еще не было четырех. Наверное, они не спят и тревожатся, решила я. Так и оказалось. Они были на дне рождения, объяснила Дженет. Когда они вернулись, Питер с собакой пошел узнать, не случилось ли со мной чего-нибудь, бросил в окно моей спальни камешки, но я не отозвалась, вот они и позвонили в полицию на всякий случай. Я поблагодарила их, отправилась спать и сообщила кошкам, что во всем виноваты они и Билл. Они — потому что желают смотреть в окна по ночам, а Билл —

потому что заставил меня выгружать бетономешалку. Спина у меня уже никогда не станет прежней, сообщила я всему миру вообще и потолку спальни в частности. А что теперь будет думать полиция и соседи...

Я так и не смогла заснуть, мучаясь из-за этой мысли, а на следующий день, хотите — верьте, хотите — нет, снова проделала то же. Поехала в приморский городок поблизости за покупками, купила всякой всячины, чтобы поесть на набережной, включила радио — послушать последние известия... и очнулась от того, что в стекло машины постучал полицейский и спросил, не стало ли мне плохо. Они с напарником, проезжая мимо, заметили, что я сижу, уткнувшись лбом в руль, сказал он, ну и подумали, не случилось ли со мной чего-нибудь.

Просто устала, ответила я им. Накануне ночью я почти не спала. Про кошек я не упомянула, но не сомневаюсь, что в этот день я значилась в сводке двух сомерсетских полицейских участков в графе «Происшествия». С пометкой против моей фамилии «С» — странности или «НВ» — невменяемость. А вовсе не «СК» — сиамские кошки, как следовало бы, будь в этом мире хоть капля справедливости. Примерно через неделю я выглянула в окно и увидела за калиткой еще одну полицейскую машину. Что еще я могла натворить? С этой мыслью я вышла выяснить, в чем дело, и молодой полицейский ответил, что он просто знакомится с Долиной, так как его только-только перевели сюда. Но я часто спрашивала себя, действительно ли он просто осваивался или проверял, все ли я еще веду себя странно.

Мои соседи, конечно, заверили бы его, что я невменяема. И всегда была такой. Даже Лилия Ричардс, по-моему, считала меня слегка сдвинутой. Как-то утром я ехала вверх по склону, а она ехала мне навстречу. Дорога слишком узкая, чтобы спокойно разъехаться,

так что она прижалась к обочине и просигналила мне фарами, чтобы я продолжала путь. Я послушалась — и тут же увидела прямо перед собой дрозда, который прыгал с места на место, что-то поклевывая.

Он явно не собирался улететь. Кроме голубей мисс Уэллингтон, птицы тут непуганые. Они знают, что никто в Долине вреда им не причинит. Фазаны, точно воробьи, прилетают из леса на крышу дровяного сарая и кружат, шелестя крыльями, точно почтовые голуби, кружа над моей головой, когда я выхожу насыпать им кукурузы. Однако медлить, пока дрозд не сообразоволит убраться с дороги, я не могла — Лилия Ричардс ждала, чтобы я освободила проезд. Ну, я и просигналила — Чарльз всегда рекомендовал мне погудеть, если путь мне загораживает упрямая птица. Птицы, объяснил он, пугаются внезапных звуков и взмывают вверх как ракеты. И дрозд взвился, возмущенно защебетав — такая наглость с моей стороны! Чертова баба за рулем, возможно, выругался он. Однако Лилия Ричардс разглядеть дрозда с такого расстояния не могла. Она только услышала, как я отчаянно сигналю, после чего я помчалась вверх по склону, проскакивая мимо нее, подняла приветственно руку, но продолжала смотреть прямо перед собой. Поглядеть на нее я не могла — я огибала валун, торчащий из откоса, но она, видимо, этого не сообразила. Вечером она появилась у меня на крыльце и ледяным тоном осведомилась, что она сделала не так.

— Абсолютно ничего, — ответила я и объяснила про дрозда, но она явно мне не поверила.

Коротко кивнув, сухо пожелав мне «спокойной ночи», она удалилась, со стуком захлопнув за собой калитку. О чем я пожалела вдвойне, так как хотела спросить ее кое о чем.

Уже довольно давно я обратила внимание, что по субботам мимо проходит мужчина с бородой и в

широкополой шляпе по моде художников из «Богемы», уставившись в открытую книгу. Зрелище весьма необычное, поскольку посторонние посещают Долину, чтобы полюбоваться ее красотой, а он словно не замечал ничего вокруг. К тому же дорога тут таит немало ловушек — рытвины, камешки, на которых легко подвернуть ногу. И если бы он действительно читал стихи или кого-нибудь из классиков, как, очевидно, хотел внушить всем, кто его видел, то давно бы уже растянулся на земле во весь рост. Вероятно, он просто притворялся эффекта ради, а сам смотрел мимо книги себе под ноги — но для чего ему могла понадобиться такая нелепая уловка? И он сворачивал на дорогу к коттеджу Лилии — чтобы навестить ее? Она же учительница. И организовала в деревне литературный кружок? И он — исполненный энтузиазма член этого кружка?

Я жаждала узнать, в чем дело, а теперь она рассердилась на меня и спросить ее я не могла. Ну да ладно, все выяснится само собой, решила я, закрыла дверь, вернулась к пылающему в камине огню и к кошкам. Комбинация эта привела к дальнейшему развитию событий. Как, вероятно, помнят мои читатели, Чарльз занялся выращиванием лещины, орехи которой преимущественно съедал Ланселот, столовавшийся у нас самец полевки. Однако, когда наступила эта зима, Ланселот не появился. То ли скончался от старости и теперь играл на арфе мышиных размеров, то ли нашел на время холодов более удобную квартиру. Как бы то ни было, в лесу напротив дожидался урожай орехов, пока никем не востребованных. Я пошла туда и собрала большую корзину, на какие-то часы опередив нашествие белок: на следующее утро они возвестили о своем прибытии громким цоканьем и закопали оставшиеся орехи на лужайке коттеджа.

Вечером я читала и ела орехи минут пятнадцать, а затем их решил попробовать Сафра. И Я Хочу, взвыл он, упершись одной передней лапой в мое колено, а другой теребя мою руку.

— Ты же не станешь их есть, — сказала я, протягивая ему ядрышко и ожидая, что он его оттолкнет. А он взял, с аппетитом съел и сразу потребовал еще. Он, сказала Шани, которая чинно сидела рядом со мной, обвив лапы хвостом, Совсем Свихнулся. Кошки — не обезьяны и орехов Не Едят.

А Саф вот ел. Более того, когда мне надоело щелкать их для него и я бросила орех в скорлупе — пусть догоняет его по полу! — Сафра кинулся за ним, отнес на каминный коврик, раздавил в зубах, наклоня голову набок, потом уронил на коврик, отделил ядрышко от скорлупы и съел.

Всю зиму это оставалось его коронным номером, тем более что зрители, наблюдая за ним, смеялись до упаду. Как-то у меня обедали Дора с Нитой, и я разложила на каминном коврике рядок орехов, чтобы они увидели все своими глазами. Я полагала, что Саф удовольствуется одним, а затем я буду вручать ему по штучке, но он принялся щелкать их один за другим, съедая ядрышки.

— Как вы умудрились научить его этому? — ошеломленно спросила Нита, а я ответила, что он сам додумался.

У него и Шани постоянно зарождались новые идеи. Иногда их сообразительность меня просто парализовывала. Или причина заключалась в том, что я столько времени проводила наедине с ними и оттого замечала больше? Или (эта гипотеза возникала у меня много раз) кошки с каждым поколением становились все умнее, а потому и все более доминирующими?

Перед Рождеством я получила новое свидетельство в пользу этого предположения. Мне хотелось

посмотреть американский сериал «Север и Юг» о Гражданской войне за освобождение негров. Первая часть шла с восьми до десяти вечера, и мне было дозволено посмотреть ее без помех. Но вот когда после последних известий я вознамерилась посмотреть продолжение, начинавшееся в половине одиннадцатого, мне пришлось почувствовать августейшее неодобрение.

Обычно мы с кошками отправлялись на боковую около одиннадцати. И когда этого не происходило — когда я иной раз засиживалась перед телевизором за полночь, не обращая внимания на их попытки напомнить мне, что час уже поздний, чего только на меня не обрушивалось! Саф расхаживал по гостиной, как викторианский отец семейства, поглядывая на дверь в прихожую. Шани со спинки кресла надтреснутым сопрано предупреждала меня, что, если я не поостерегусь, меня ждет Собачья Жизнь. Или они усаживались рядом прямо передо мной, пытаясь гипнозом заставить меня выключить телевизор и поспешить к перинке, под которой, как выяснилось, Все Должны Лежать к одиннадцати часам.

И я начинала чувствовать себя виноватой. И даже начинала извиняться. Сползала на край кресла и заверяла их, что вот сейчас кончится. А несколько раз сдавалась и выключала телевизор, не досмотрев до конца. Кто, спрашивала я их грозно, кто тут главный? Ответом служили два презрительных взгляда искоса. Что посеяла, то и жни — в постели вместе с ними под периной, само собой разумеется.

Наступило Рождество. Саф пребывал в диком восторге. Он никогда еще не видел рождественских украшений. И теперь тыкал лапой в колючки остролиста, как замороженный созерцал разноцветные стеклянные шары и сверкающую мишуру (свисающие с еловых ветвей, вплетенных в чугунные завитушки

люстры под потолком: поставить елку с ним в коттедже я не рискнула). Упоенно разглядывал открытки, свисающие на ленточках по стенам — чтобы он не мог их разбрасывать, чем он немедленно занялся, когда вначале я украсила ими подоконники, комод и бюро. Я рассовываю все интересное по каким-то странным местам, верно? Такой вывод он сделал.

Еще бы! Но пакеты с подарками развесить по стенам, чтобы уберечь от него, я все-таки не могла. Их мне пришлось сложить на столе в гостиной, и не забывайте, у меня была только одна большая гостиная. И вспомните, как его интересовали коробки в шкафчиках спальни. Пакеты, по его разумению, были теми же коробками, и он разделялся с ними тем же способом. Смахивал лапой со стола, смотрел, не открылось ли их содержимое после удара об пол, и раздирал когтями и зубами те, которые выдерживали этот удар... А Шани сидела на столе и твердила, что Ничто Никакого Отношения к ней не имеет, но живо интересовалась происходящим. В одном из пакетов был не подарок, а телефонный аппарат, который я заказала по почте. Он прибыл с надписью: «НЕ БРОСАТЬ!» Я услышала, как он хлопнулся на пол, сквозь закрытую дверь кухни. Честно говоря, я совсем захлопоталась, а то, конечно бы, сразу его спрятала. Но все обошлось. Аппарат был надежно упакован и остался цел, хотя мне пришлось повозиться, чтобы извлечь его на свет Божий. Сафра злился, и разозлился еще больше, когда увидел, что это всего только телефон. Думал, это едят, сказал он.

Содержимое некоторых пакетов было вполне съедобным, собственно, они его интересовали только по этой причине. Адресованные лично ему и Шани от людей, которые заезжали в коттедж в этом году, оказывались кошачьими галетами, пачками «Кошачьих лакомств» и «Кошачьих радостей». И игрушечные мыши

— он мог бы открыть торговлю ими. И сверх всего — игрушечная гадюка, свернутая кольцами в коробке из-под камамбера, — подарок от жительницы Эксетера, которая слышала историю про гадюку и умудрилась найти материю с ромбовидным узором для ее кожи.

Теперь я храню ее в бюро. Слишком уж она необычная — да и пугающая к тому же, чтобы оставлять ее валяться где попало. Но вначале Саф в нее просто влюбился. Он гордо расхаживал с ней по саду — под моим надзором, разумеется, — делая вид, будто это его Охотничий Трофей. И вот однажды утром мисс Уэллингтон, спускаясь по дороге, увидела его с ней. И испустила отчаянный вопль, от которого содрогнулась вся Долина.

— Гадюка! — кричала она через калитку. — Скорее! Он схватил гадюку!

И, забыв от ужаса, что в декабре гадюки по садам не ползают, она кинулась на выручку, наступила на заскользивший под ногой камешек, чего всегда опасалась, и растянулась на дороге во весь рост.

Я помогла ей встать, отвела в коттедж, привела в себя рюмкой коньяку — под жаждущим взглядом Сафры, который сидел рядом с ней, оптимистично нюхая воздух, — после такого визга капелька коньяку и ему не помешала бы, говорило выражение его морды. К счастью, мисс Уэллингтон осталась цела и невредима. На ней было толстое пальто, а голову укутывал шарф.

— Вы и ваши кошки меня на десять лет состарили, — негодовала она, давая Сафре облизать ее палец, чего он и ожидал.

Меня они тоже состарили на десять лет. Например, происшествие в День Рождества — на этот раз с Шани в главной роли. Меня пригласили на обед Дора, Нита и их друзья, как на каждое Рождество после смерти Чарльза. А еще я хотела заехать по дороге к Джонатану и Делии — соседям, которые так мне помогли, когда он

умер, и теперь жили в трех милях от деревни. Если уехать в одиннадцать, прикинула я, то у меня будет время поболтать с ними, прежде чем отправиться дальше к Доре и жареной индейке. А потому я повела кошек в сад на долгую прогулку, чтобы компенсировать мое желание поехать в гости, и обещала им, что вечер мы проведем вместе уютно и мило.

Как обычно, следила я за Сафрой, не упуская из виду ни на секунду. Посажу их в домик в десять, решила я, — обогреватель был уже включен. Так они еще час проведут на свежем воздухе, пока я буду переодеваться, наливать для них грелки, готовить ящики. Шани нигде не было видно, но я не встревожилась. Когда она мне понадобится, стоит только позвать.

А затем, когда в десять часов я позвала: «Шани-ванни-ванни», — Шани-ванни не прибежала. Я обошла сад, осматривая все места ее обычной охоты. Бросилась в коттедж, поискала там, предварительно засунув Сафру в вольеру и заперев дверцу. Мне не хватало только, чтобы исчез и он. Но и в коттедже ее не оказалось. Даже на кресле, ее Личном Приюте.

Я снова выскочила наружу, остановилась на дорожке у вольеры и изо всей мочи дунула в скаутский свисток Чарльза — свист этот при нормальных обстоятельствах гарантировал, что она тут же примчится из самого тайного своего убежища. Но на этот раз изящная призрачно-белая кошечка не появилась. Только встревоженный кот в черной маске выскочил мне навстречу с выражением бесконечно тоскливого одиночества.

И тут же хлопнула калитка, из которой возникла мисс Уэллингтон — несомненно, по пути в коттедж Лилии с рождественским подарком в руках. Она требовательно спросила, слышала ли я свисток. С предельным безразличием я ответила, что, да,

слышала. Из трусости я давно решила не признаваться в том, что свистом призываю кошек домой. Тогда уж никто не будет сомневаться в том, что у меня не все дома.

Вероятно, кто-то подавал кому-то условный сигнал, предположила я. Что в конечном счете было святой истиной. У нее чуть не лопнули барабанные перепонки, сказала мисс Уэллингтон, негодуя ища взглядом виновника. Но так никого и не увидев, засемила вверх по дороге к дому сестры. Я украдкой выбралась через заднюю калитку и побежала по лесной тропе, взывая к Шани-ванни у каждого куста без малейших результатов. Затем назад с целью подняться по склону к «Розе и Короне», а оттуда по верхней дороге повторить тот же путь, который проделала летом, когда разыскивала Сафа.

Когда я остановилась у подножия холма, готовясь проделать этот маршрут, говоря себе, что ни о каком рождественском обеде теперь и речи быть не может, — надо позвонить моим приятельницам сразу же, как я вернусь в коттедж, и объяснить, что не сумею приехать, внезапно появилась еще одна моя приятельница, с которой я совершила столько верховых прогулок до того, как повредила спину. Она ехала на Варваре, своем коне, чтобы дать ему поразмяться до начала празднований. Я рассказала ей про Шани, и она обещала, что поищет ее. Проедет по верхней дороге. Конечно, привезти ее она не сможет, если все-таки найдет, — Шани упала бы замертво, чуть кто-то попытался бы подвести к ней лошадь, — но она позвонит мне из конюшни, если увидит. А я могу поискать в другом направлении.

Дальше по дороге, вверх по склону к коттеджу Лилии и на верхнюю дорогу с другой стороны. Я уныло зашагала по дорожке к задней калитке. Мимо вольеры, внутри которой Саф сидел на плитках все в той же

унылой позе. Все Его бросили, стонал он. Он Совсем Один. Где она? Где его любимая Шани?

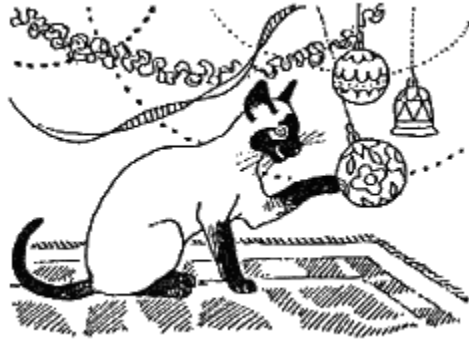
Это я узнала почти немедленно. Уж не знаю, что меня толкнуло сойти с дорожки и заглянуть в окно кошачьего домика. Я же заглядывала туда, раньше, и ее там не оказалось. Зато теперь она сидела, выпрямившись на подстилке под обогревателем, такая же невозмутимая и безмятежная, как статуэтка из слоновой кости.

Спрашивать, где она была, смысла не имело. Да она нигде и не была. Видимо, она быстро устала бродить на холоде и отправилась в кошачий дом погреться. Дверцу его я всегда держу открытой, чтобы им было куда мгновенно отступить в случае опасности, и Шани часто забирается туда посидеть под обогревателем по собственному почину. Но на этот раз она не сразу под ним устроилась. Ее не было на подстилке, когда я заглядывала туда раньше. Значит, она нарочно спряталась в углу, а под обогреватель забралась, пока я бегала по дорогам и искала ее. И без сомнения, подбила Сафру изображать неутешного сиротку. От облегчения я даже пошатнулась.

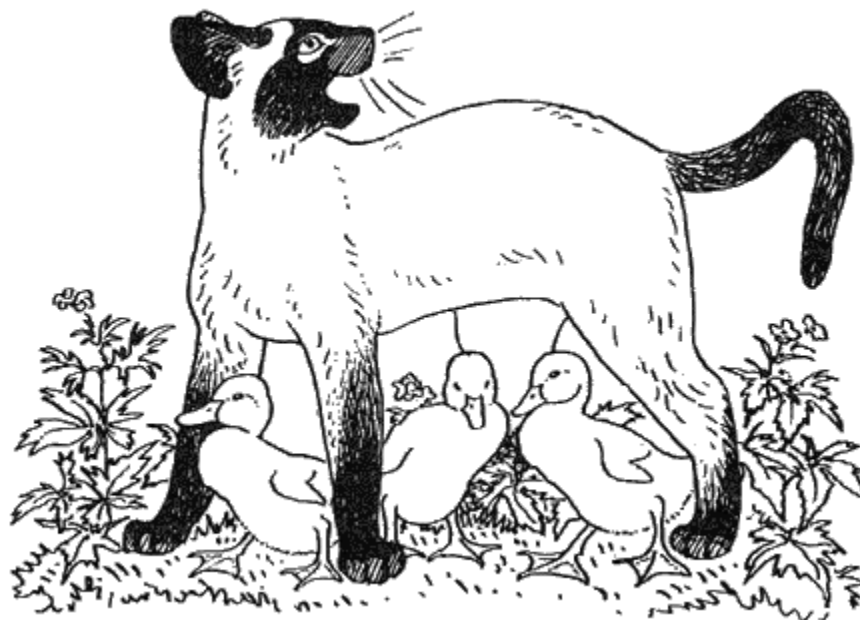
— У-уф! — выдохнула я, утирая мокрый лоб.

Она, сказала Шани, как обычно, Совершенно Тут Ни При Чем. Они меня хорошо разыграли, а? Сафра перестал изображать брошенного сиротку, присоединился к нам в домике. И стал тереться о мои ноги. Это их Рождественский Сюрприз для меня.

Я успела не только к Доре и Ните, но заехала и к Джонатану с Делией, как собиралась. Но до конца дня меня трясло. Да, они устроили мне хороший сюрприз!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Рождественские праздники остались позади, и пришло время отвечать на все полученные мной письма — письма от людей, которые сообщали мне все последние события в их жизни, поскольку писали мне редко. В большинстве это были владельцы сиамов, и им хватало о чем порассказать. Ну, просто уму непостижимо, с чем только они не сталкивались!

Например, женщина, которая прислала Сафре гадюку домашнего производства. Она уже писала мне о своем сиаме Берти, когда он повадился приносить домой белых мышей. День за днем, день за днем — она никак не могла понять, откуда он их берет, но затем ее муж из окна ванной увидел, как Берти вошел в гараж на участке через несколько домов от них и вышел, держа во рту мышь, с которой и вернулся, преодолев несколько высоких оград. По наведению справок выяснилось, что хозяин гаража спас этих мышей из

научной лаборатории, временно поместил их в аквариум, а его поставил в гараж и для надежности накрыл ящиком в полной уверенности, что никто ничего не узнает. Но Берти до них добрался — человек этот недоумевал, почему всякий раз ящик оказывался сброшенным с аквариума. И мучился при мысли, что кто-то узнает про похищение мышей, а владельцы Берти мучились от того, что он таскает чьих-то мышей, так что котик создал ситуацию в чисто сиамском вкусе. Конец истории был окутан дипломатической тайной — я так и не узнала, как они со всем разобрались, но, как бы то ни было, позднее она прислала мне фотографию, вырезанную из их местной газеты, — голова к голове Берти, с весьма отеческим выражением на морде, и его приятельница, живая белая мышь. И вот Берти превзошел себя. Дочь его владельцев год назад вышла замуж. Она была балериной, их труппа гастролировала в Италии, и она вышла за итальянского музыканта. Перед свадьбой, которую устроили в Англии, хозяйка Берти съездила в Италию познакомиться с родными зятя, и они устроили ей поездку по стране. Особенное впечатление на нее произвела Пизанская падающая башня, и еще она купила для свадьбы костюм известного итальянского модельера. Вернувшись в Англию, она занялась приготовлениями к свадьбе. Сшила платья для подружек невесты — ее дочь решила надеть подвенечное платье матери, так что оно потребовало самых небольших переделок. Украсила комнаты в доме, так как у них должны были погостить друзья. Испекла свадебный торт. В честь семьи жениха и своего знакомства с итальянской архитектурой, не говоря уж о воздействии сиамов на человеческую психику, она решила создать его в форме Пизанской башни. Из-за угла наклона, а также колонн перевезти его было невозможно, и собрать воедино отдельные части пришлось шеф-повару отеля, где устраивался

свадебный прием. Она написала, что он назвал это сложной задачей. Еще бы!

Ну, во всяком случае, вечером накануне свадьбы все было готово.

Прибыли итальянские родственники. А также гости, приглашенные остановиться у них. Ее новый костюм висел на плечиках, прицепленных к дверце гардероба. Берти гостям не обрадовался и расхаживал по дому, прижимая уши, но она ему сказала, что может иногда приглашать друзей погостить у них. Теперь она решила лечь пораньше, чтобы отдохнуть. Пошла в ванную почистить зубы. Отлучилась всего на несколько минут, писала она, но, когда вернулась, Берти уже запротоколировал свой протест, опрыскав юбку ее костюма.

Она рыскала по дому и называла его нехорошим словом, хотя и признала, что оно не отвечало истине, поскольку у нее имеется его родословная и ни единой собаки там не значится. Ее дочь оттерла юбку, высушила феном, и практически никаких следов не осталось, тем более что запах не был таким уж сильным, поскольку Берти кастрирован. Но она полночи не спала из-за этого, на приеме старалась держаться особняком, и только Богу известно, что о ней думали гости. И прислала мне фотографию, иллюстрировавшую ее маневры. Впечатление создавалось очень странное — словно благоухали те, с кем она разговаривала. А на заднем плане виднелся стол с тортом, кренящемся самым невероятным образом.

Жаль, что она не взяла на прием Берти, написала я ей. С плакатиком на шее: «Это Все Моя Работа!»

Моя приятельница Пат сообщала, что ее силпойнт Люки, как всегда, доводит ее до помешательства. Среди последних его преступлений числилось возвращение домой с сырым гамбургером, украденным неизвестно где. А еще его застигли на верху кухонного

шкафа, где он восседал на индейке, уложенной там, потому что она не влезала в холодильник. Он усердно сдирал с нее обертки. Она, писала Пат, решила вымыть волосы, чтобы успокоить нервы, а потом поймала себя на том, что опрыскивает их жидким крахмалом. Случалось ли подобное со мной? Пришлось написать ей про чайник.

От супруги священника я услышала историю о том, как в их предыдущем приходе они жили в доме неподалеку от утиног пруда, и однажды их сиамочка ушла погулять, а потом вернулась с выводком утят под брюхом — она широко расставляла ноги, чтобы не наступить на них, и вид у нее был очень смущенным. Наверное, они куда-то подевали свою мать, а в ней обрели замену. Она понятия не имеет, Откуда Они Взялись, сказала она. Это Не Ее Вина... Ее выражение было просто неподражаемым, сказала ее хозяйка. Никто поверить не мог! Кроме владельцев сиамских кошек, заметила я.

Еще письмо от американки из Филадельфии, которая уже много лет держала меня в курсе проделок Дейзи, ее кошки. Несколько месяцев назад она написала, что Дейзи умерла и она не станет ее заменять. Второй Дейзи ей не найти, а к тому же она слишком стара, чтобы взять котенка. Что с ним будет, если с ней что-нибудь случится?

Вздор, написала я в ответ. Всегда есть кошки, чьи хозяева умерли или уехали, и их усыпят, если они никому не потребуются. И она могла бы приютить такую. И Дейзи это одобрила бы, я уверена, написала я.

Она посоветовалась со своим ветеринаром, он согласился и через две недели принес ей преемницу Дейзи. Двухлетнюю, очень робкую, но уже начинающую привыкать к ней. И так приятно, что в доме снова есть кошка, сообщала она. И я представила себе, как старушка утешилась, взяв бездомную кошку, которую

назвала Мисс Китти. Конечно, Дейзи она забыть не сможет, но когда есть о ком заботиться... Ну а что я узнаю из вот этого рождественского письма? Что Мисс Китти — самая привязчивая, умная кошечка в мире, насколько я поняла, — теперь нарушает телефонную связь Филадельфии, отвечая на звонки, когда ее хозяйки нет дома.

Выяснилось, что друзья миссис К. после нескольких гудков услышали стук удара трубки об пол, а затем в трубку громко замурлыкала кошка. Сообразив, что произошло, они повесили свою трубку, а миссис К., вернувшись, увидела, что трубка ее телефона валяется на полу. Ну и чтобы спасти аппарат, она начала ставить его на пол перед тем, как уйти, и своими глазами видела, как Мисс Китти усаживалась возле в ожидании звонка.

Чтобы поразвлечь ее, продолжала миссис К., она сняла трубку, и Мисс Китти услышала наборный гудок, который быстро сменился жужжанием, означающим, что линия «открыта». Примерно через минуту телефон выключился, но его можно было включить снова, нажав на особую кнопку, и все начиналось сначала.

Хотите — верьте, хотите — нет, но эта кошка, когда ей показали, как нажимать на кнопку (ей понравилось смотреть, как кнопка снова выскакивает, объяснила миссис К.), научилась не дожидаться, пока телефон зазвонит, а просто сбрасывать трубку, слушать доносящиеся из нее звуки, а затем нажимать на кнопку, чтобы они повторились.

Миссис К. крайне гордилась сообразительностью Мисс Китти и осведомилась, сумеет ли Сафра научиться тому же. Нет, если я сумею помешать этому, ответила я. Мне уже приходила мысль обвязывать свой телефон веревочкой.

Вскоре мне предстояло узнать, какой разгром кошка способна учинить в Англии даже без всяких стараний.

Ну а пока я отвечала на письма, кошки свернулись клубочком в уютоложе у моих ног. Время от времени Шани щебетала сонным пронзительным сопрано, не открывая глаз, что пишущая машинка Мешает Ей Спать. И сразу же Сафра, тоже не открывая глаз, поддерживал ее глубоким басом. Он не знал, на что она жалуется. И просто ее поддерживал. Саф, как ни был он исполнен сознания своего величия Главы Дома, Ответственного За Все, по-прежнему любил спать, положив голову ей на живот, чтобы ее лапа укрывала ему шею, будто она была его Мамочкой. И что делала она, делал он, а держать меня в узде было первой задачей.

Январь прошел за домашними занятиями. Я написала много писем. И моя дружба с Лилией Ричардс восстановилась. Мы встретились на вечеринке у соседей, и я снова объяснила еще раз, что гудела не на нее, а на дрозда. И я спросила ее, что за мужчина в широкополой шляпе проходит по долине, уткнувшись в книгу, а она ответила, что тоже задавалась вопросом, кто он, и была уверена, что он навещает меня. Это показывает, каким образом в деревне возникают слухи, и теперь миссис Бинни дала пищу для новых. Собственно, это были не слухи, а сведения из первых рук. Она появилась у калитки в изумрудном пальто, застегнутом не на все пуговицы, и заявила, что Шерл в положении и она ума не приложит, что они с Бертом будут делать.

— Но ведь... — начала я и закрыла рот. Какой смысл было говорить, что ведь, раз Берт и Шерл живут вместе, ничего естественнее и быть не может. В глазах миссис Б., совершенно очевидно, это было противоестественным. Шерл и Берт живут вместе, как теперь модно, — это одно. А будущий младенец — совсем другое. Шерл и Берту нужен собственный дом, а не фургон, заявила она. Вслед, насколько я поняла, тихой, практически тайной свадьбы Шерл войдет в

жизнь деревни как будущая мать, которая замужем уже давно.

— Так вы думаете переезжать-то? — спросила она.

И не собираюсь, ответила я, как отвечала ей уже несчетное число раз. Это мой дом, и я в нем останусь. Меня подмывало спросить, почему бы ей не выйти за мистера Тутинга, а свой коттедж отдать Шерл и Берт, но я себе этого не позволила. Мне было неизвестно, как обстоят дела между ней и мистером Т. Последнее время Фред Ферри не упоминал, что видел их вместе... Но возможно, виной была погода.

Ну, им что-нибудь подвернется, ободрила я ее, как могла оптимистичнее. И ей не стоит тревожиться. Сейчас таким вещам никто значения не придает. Даже в деревнях. И какая будет радость, когда она станет бабушкой, — вот о чем ей следует думать.

Видимо, миссис Б. этой уверенности не разделяла и побрела вверх по склону. Вернется она, чтобы снова ставить свои сети? И почему, собственно, она облюбовала именно мой коттедж для заблудшей парочки? Наверное, потому, что вид у него очень живописный. Да и Берт как будто говорил, что он ему нравится. Люди всегда говорят, что хотели бы жить в таком.

Я еще была в саду — насыпала хлебные крошки в птичью кормушку, — и тут мимо со своими собаками прошел мистер Уодроу. Я не видела его месяца два.

— А вы только что разошлись с миссис Бинни, — сказала я просто так, для поддержания разговора. — Она сию минуту пошла назад.

— А! — сказал он. — Жалко, я тороплюсь... дела, — и заторопился вверх по холму следом за ней.

Мне бы спросить ее, почему бы ей не выйти за него, мысленно пожалела я. Тогда ее коттедж освободился бы для Шерл с Бертом. Естественно, о том, чтобы пригласить их пожить у нее, и речи быть не могло. Это

создало бы ощущение, что они подозрительно торопятся.

Прежде чем разразилась следующая беда, был один светлый эпизод. Новый год я встречала у Конни. У нее было много очень интересных друзей, тоже натуралистов. До этого вечера я не была с ними знакома. Один был знатоком выдр и сов и даже держал их дома. Женщина, прославившаяся своими ботаническими зарисовками. Создатель фильмов о дикой природе для телевидения: он только что вернулся из болот Флориды, где снимал аллигаторов... Мы сидели в длинной гостиной Конни и разговаривали... То есть разговаривали они, а я с жадным любопытством слушала, пока не увидела Мина: начало вечера он провел в спальне, но явно понял, что по ту сторону коридора его ждет общество, которому некуда деваться. И он вошел в гостиную, прокрался вдоль стены за креслами, пренебрег радиатором, ближайшим ко мне, тем, к которому он приник, чтобы произвести на меня впечатление при нашем первом знакомстве, и направился к самому длинному — под окном в дальнем конце комнаты. Вот там, выбрав секцию радиатора между двумя креслами, открытую всеобщему обозрению, точно сцена, и расположился сиятельный Мин: держась очень прямо, повернувшись к публике боком, трогательно прижавшись щекой к белой поверхности.

— Посмотрите! — сказала я, кивая в его сторону, и когда головы начали поворачиваться, этот кот полуприкрыл глаза — только полуприкрыл, желая сполна насладиться эффектом, — и на него немедленно посыпались приглашения отведать волован с цыпленком или с креветкой. Конни покорно поставила электрокамин на середине пола и включила его, и он, пошатываясь, побрел к нему, Еле Держась На Ногах, как было дано понять нам, — и растянулся перед ним на

ковре во всю длину. В актерстве, решила я, Сафра Мину и в подметки не годится. Конечно, Гамлета Мин сыграл бы неподражаемо.

Настал февраль, под буком на лужайке пробились подснежники, а в лесу на ивах повисли пушистые желтые сережки. Однако зима еще не сдалась. На третьей неделе небо заволокли свинцовые тучи и повалил снег. Засыпал подснежники, толстым покровом лег на землю, но Сафра мужественно вышел наружу и, держа хвост трубой, направился за гараж, где можно было поиграть в охоту среди кучек камней.

Впрочем, скоро ему это надоело. Мыши в такую погоду попрятались. А я замерзла, присматривая за ним, забрала его на руки и унесла назад в коттедж, где Шани благоразумно восседала у огня. Однако просиживать у огня весь день было не для него. Ему требовалось что-то поувлекательнее. Вот почему, когда я как-то утром обнаружила, что он сидит в мойке, изучая кран, из которого подкапывала холодная вода, я не стала немедленно вызывать водопроводчика. Все что угодно, лишь бы этот кот чем-то занялся и перестал бедокурить, — капли держали его под гипнозом часы и часы. Ну и не надо вмешиваться, подумала я. Так приятно знать, где он находится, что он не устраивает налетов на шкафы и не допекает Шани.

Так что кран продолжал капать, а снаружи ударил мороз. И продержался две недели — такой сильный, что канализационный отстойник лишился стока, промерзшего насквозь, а капли мало-помалу его переполнили, вода пошла по трубам назад и проникла в дом.

Обычно отстойники выбрасывают излишки из-под крышки смотрового колодца. А в коттедже они изливались под полом гостиной. Когда мы перестраивали коттедж, то перенесли ванную с первого этажа на второй, водопроводчик закупорил старые

трубы недостаточно надежно, и, когда сток засорился, вода поднималась по ним. Когда это произошло в первый раз, Чарльз загерметизировал главную трубу, даже не подозревая, что остальные трубы не закупорены, как следовало бы. Однако, когда в воскресный вечер я заметила большое влажное пятно на ковре, мне сразу стало ясно, что произошло. На этот раз, судя по положению пятна, вода прорвалась из бывшей сточной трубы раковины, поверх которой была уложена керамическая плитка.

Ладно, завтра надо будет этим заняться, подумала я, чувствуя себя мастером на все руки. Сменить прокладку крана, вызвать цистерну, чтобы откачать отстойник, снять плитки, загерметизировать трубу... Как все просто выглядело, пока не наступило утро, когда запорный кран отказался закручиваться. Ему тоже требовалась новая прокладка. Кран продолжал капать — я ведь не могла развинтить его, не отключив воду. Жена местного водопроводчика сказала, что он совсем замучился — всюду трубы полопались, и сможет выбрать для меня время не раньше чем через неделю. Цистерну для откачки прислать смогут только во вторник, сказали мне в ответ на мой звонок. В водопроводной компании, куда я позвонила от отчаяния, мне сообщили, что кранами внутри помещений они не занимаются, но могут дать мне телефон водопроводчика из своего списка.

Я ему позвонила, и его вдова сказала, что он скончался шесть лет назад, и у нее у самой трубы замерзли, и водопроводчика она ждет уже неделю. Тут у меня на душе стало тревожно. Особенно, когда я поставила ведро в мойку под кран и установила, что в час из него накапывает два галлона, то есть сорок восемь галлонов в сутки, не считая той воды, которую расходую я. Неудивительно, что отстойник переполнился! Я надела на кран длинный кусок шланга

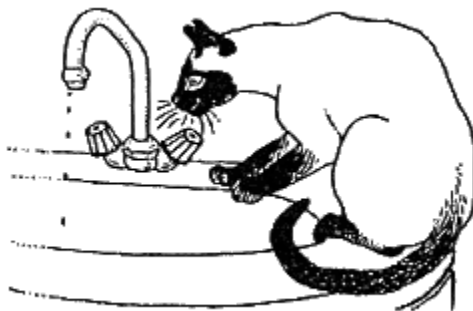
и вывела другой его конец на заснеженную лужайку. Так вот и дождусь водопроводчика, решила я. И можно не возиться с ведрами.

Поскольку он был много шире крана, на кран я натянула спусковой шланг старой стиральной машины, спустила его за край мойки и всунула в длинный шланг, чтобы капли стекали в него беспрепятственно. И вечером безмятежно села перед телевизором, похваливая себя за находчивость. Только для того, чтобы в девять часов пойти на кухню и увидеть, что ее пол залит водой. Конец шланга на лужайке вмерз в снег, под тяжестью накопившейся воды его конец в кухне сорвался со шланга от стиральной машины, и капли начали аккуратно падать на пол.

Я вытерла воду, а под кран снова подставила ведро. И спать в эту ночь я не легла, а продремала ее в кресле с Шани и Сафрой на коленях и с кухонным таймером на столике рядом, сигналившим каждый час. Чуть он включался, мы втроем извергались из кресла, как лава из Везувия, Шани удирала под диван, а я тащилась на ледяные просторы лужайки, чтобы опорожнить ведро. Жизнь достигла низшей точки.

Впрочем, нет. Ее она достигла на следующее утро, когда позвонили те, кому предстояло опорожнить отстойник, и сообщили, что от перегрузки их машина вышла из строя и в лучшем случае они приедут в среду. Я снова позвонила в водопроводную компанию, они выразили сожаление, но водопроводчика мне надо найти самой. Однако они могут дать мне номер... Тут я вспомнила им о номере шестилетней давности, которым они меня уже любезно снабдили, и мне был предложен иной вариант. Мне могут прислать человека, который отключит мою трубу от главной трубы, пока я не найду водопроводчика... Да что угодно, благодарно прорыдала я в трубку. Еще ночь каждый час таскать наружу полные ведра у меня уже не осталось сил.

Их человек явился во второй половине дня, долго искал запорный кран, который должен был находиться где-то подо льдом с наружной стороны садовой ограды, и в процессе поисков свалился в ручей. Притоптывая промокшими ногами, он тоже предложил иной вариант и за пару минут сменил прокладку кухонного крана — она случайно нашлась у него в машине, сказал он, затем обещал найти запорный кран компании, когда потеплеет, и умчался на предельной скорости, чтобы обсушиться. Я, пошатываясь, вошла в гостиную и уставилась на причину всех этих ужасов, а он, подергивая лапами, мирно растянулся в уютоложе, уткнув голову в живот Шани. Нет, этому никто не сможет поверить, решила я.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С приходом весны в долине зацвели желтые нарциссы. Огромное золотое их полотнище укрывало склон напротив, там, где мы с Чарльзом посадили их много лет назад. Море более бледной дикой разновидности колыхалось на лугах за коттеджем, где была похоронена Аннабель, и в лесу Ризонов дальше по дороге. Это место называлось Долиной Нарциссов еще до нас, и люди все еще приходили полюбоваться цветами, а заодно поглазеть на Сафру, пронзавшего их своим шерлок-холмсовским взглядом с внутренней стороны калитки.

И тайну человека в широкополой шляпе раскрыл именно Сафра. Наш таинственный посетитель появлялся теперь даже чаще. В субботу и воскресенье он, казалось, непрерывно ходил туда-сюда по дороге, и тут мне в голову пришла идея: он, конечно, слышал про Долину Нарциссов и либо был поэтом, либо надеялся,

что его сочтут поэтом. И была готова побиться об заклад, что носом он утыкается в томик Вордсворта, и, может быть, именно в «Желтые нарциссы». Ну и, конечно, в одно прекрасное утро Саф протиснулся под калиткой, промаршировал к нему и вопросительно уставился на шляпу. Тот, горбясь над книгой, увидел Сафру у своей ноги и нагнулся погладить его, захлопнув книгу. На корешке позолоченные буквы гласили: «Стихотворения Вордсворта», о чем я и сообщила Лилии, едва он ушел. Значит, он действительно поэт или увлечен поэзией, а вовсе не переодетый шпион, как утверждал Фред Ферри, едва заходила речь о таинственном незнакомце. Но за какими объектами можно было тут шпионить? На этот мой вопрос Фред загадочно сообщил: «А во время войны на Черном холме зажигали ложные огни». При чем тут были эти огни, я не поняла, но Фред всегда был склонен к драматизированию.

Я взялась за сад — пропалывала бордюры, скашивала траву. Я часами возилась возле кошачьего домика, а Сафра внимательно наблюдал из угла вольеры, как я орудую лопатой. Он понимал, чем я занималась, и каждый день, когда, кончив работаться выпускала их, он сразу мчался к барьеру и лично выкапывал огромную яму. Что никакого труда не составляло, поскольку копал он в земле, которую я разрыхлила, но Сафра предпочитал обходиться без лишних усилий. Иногда он орошал готовую яму, а иногда выкапывал ее только в подражание мне. Шани, которая, по-моему, не вырыла ни единой ямки (благовоспитанные девочки ВСЕГДА пользуются ящиками, утверждала она), обычно шла прямо по дорожке в коттедж, пока он изображал землекопа. Но вот однажды она сознательно пошла в другом направлении — по дорожке мимо него в сторону гаража. Он прекратил работу, уставился на Шани,

бросил свои раскопки и поплелся за ней. Но на краю лужайки опомнился, пошел назад и принялся углублять яму — он всегда считал, что копать следует по меньшей мере до глубины в полноги, — но тут она соблазнительно прошествовала назад мимо него. Он продолжал копать, не спуская с нее глаз, и был настолько загипнотизирован, что начал следовать за ней, как миниатюрный плуг, выворачивая лапами землю.

Иногда меня одолевали сомнения, а в своем ли он уме? Ямы он для себя выкапывал необычно глубокие, но после того как он посиживал на них, устремив взгляд вдаль, погруженный в Высокие Думы, они оказывались полными до краев, точно миниатюрные пруды. Посиживал... но, видимо, яма должна была точно соответствовать его заду, если же нет, как случилось иногда, он отходил в сторону и выкапывал новую. Он мог бы написать руководство «Рытье ямок для кошек», показав себя специалистом из специалистов.

Как всегда одурманенная кошками, я примерно через неделю снова поехала в Лондон на заседание Клуба сиамских кошек. Это значило встать пораньше и поехать на машине в Бристоль, чтобы успеть на утренний лондонский поезд. И не просто пораньше, а очень рано, чтобы погулять с кошками в саду, не то они вывернули бы все шкафы в спальне к моему возвращению. Было пятнадцать минут седьмого, я открыла дверь, чтобы вывести их, и чуть не выпрыгнула из резиновых сапог от изумления: во дворе расхаживали, точно люди на ярмарке, великолепный фазан и десять фазанок.

Окрестные фазаны уже много лет навещали меня в чаянии корма. Кошки знали их и понимали, что подобная добыча для них великовата. Они — Шани и Саф — огибали угол коттеджа и шли гуськом по дорожке, тихонько обругивая фазана, забредшего на

лужайку, но глядели прямо перед собой, словно его там и не было — вероятно, заметить его — значило бы поступиться своим достоинством.

Дело в том, что нынешний доминирующий самец пропадал несколько недель — вероятно, занимаясь ритуальными ухаживаниями на какой-нибудь уединенной полянке в лесу, — последние несколько дней начал приходить к коттеджу с двумя-тремя фазанками, охраняя их, с собственническим видом наблюдая, как они клюют корм, словно привел их пообедать в любимый ресторан, а затем улетал с ними через ограду в лес. Когда же ему хотелось есть, он являлся один — видимо, клевать корм рядом с женами считается у них унижительным. Меня несколько удивляло, что его гарем исчерпывается двумя-тремя самками. И вот в четверть седьмого утра мои сомнения разрешились: у него было десять жен!

Мне показалось, что он несколько смутился, что мне стал известен его секрет. Фазанки явно ожидали щедрого угощения. Шани и Саф, столкнувшись с таким скопищем, сообразили, что прибегнуть к своей обычной уловке и гордо не заметить наглых птиц невозможно, а потому без промедления ринулись в самую их гущу. Фазанки прыснули во все стороны, отрываясь от земли, точно аэробусы, — их широко развернутые крылья не дали кошкам воспрепятствовать им, но фазан доблестно остался на месте, вызываяще хлопая собственными крыльями, вытянув шею и испуская воинственные хриплые крики. Я махала руками и кричала: «Прекратите!» — пока двор не опустел и кошки не продолжили чинно свой путь по дорожке с самодовольнейшим выражением на мордах, а Саф остановился и опрыскал стену у верхней ступеньки в напоминание фазанам, Кто Здесь Кто...

Неудивительно, что на сборы у меня почти не осталось времени. Что я помчалась в машине на вокзал,

засунув в сумочку наспех схваченные серьги. И неудивительно, что, когда я добралась до отеля, где мы собирались, и попыталась придать себе презентабельный вид, одна серьга оказалась золотым клипсом, а вторая — изящным латунным дыроколом. Конечно, в ухо я его вдевать не стала, хотя вполне могла бы. Никто в этом помешанном на сияниях сборище этого не заметил бы.

Назад в свою Долину, где через пару дней возникла новая критическая ситуация. У лисиц был в разгаре брачный сезон, и рыжая мать, охотясь, чтобы накормить своих лисят, два дня подряд похищала по одной ризоновской утке. Исчезали они под вечер, и сугробик белых перьев на ризоновской лужайке показывал, что с ними произошло. И я предложила Дженет, что буду запира́ть уток пораньше, пока она не найдет кого-нибудь, кто согласится взять на себя эту обязанность. Она объяснила, что мне достаточно будет постучать по миске с кормом, которую она заранее наполнит кукурузой, и они немедленно появятся из любых укромных уголков и поспешат к своему жилищу.

Возможно, они так и поступали, когда их звала она. Сколько раз я слышала приветственную какофонию гоготанья и криканья, когда под вечер ее машина появлялась на склоне. Но когда я в три часа дня пошла туда и застучала по миске, ответом была мертвая тишина. Я снова застучала. Я позвала «ку-у-ку-у» — ничего лучше мне в голову не пришло, а спросить у Дженет, на какой крик они ссылаются, у меня не хватило сообразительности. «Ку-у-ку-у-ку-у!» — завопила я снова. Конечно, что-то новенькое после приевшихся воплей «Шани-ванни-ванни» или «Саф-фи-ваффи», однако сомневаюсь, что тех, кто мог меня услышать, не удалось бы убедить в целостности и сохранности моих умственных способностей. И тут Джеральд и его супруги спустились гуськом с холма и

поплюхались в запруду, а затем принялись эффектно пить, чиститься и хлопать крыльями. А несколько секунд спустя за ними туда последовали и три уцелевшие утки. Что создало проблему. Дженет сказала, что запереть надо только уток — гуси сами о себе позаботятся до ее возвращения. Но гуси отрезали уток от их сарайчика, а так как Джеральд выбрал именно эту минуту, чтобы оказать внимание всем своим супругам подряд, мне оставалось только стоять и ждать, пока он не кончит этим заниматься.

Очень неприлично это выглядело: гусыня внизу, Джеральд на ней, Джеральд срывается, оба они — картинка в духе Рабле — скатываются в пруд, и Джеральд снова решительно влезает на нее. Я поторопилась объяснить, почему я стою здесь, проезжавшей мимо юной всаднице, так как не хотела, чтобы она заподозрила меня в пристрастии к подобным сценам. Сомневаюсь, что она мне поверила. И еще раз объяснила то же самое женщине, которая неторопливо проходила мимо, подбирая сухие ветки, и почему-то сочла нужным сообщить мне, что она деревенская жительница.

А я жду, чтобы забрать уток в сарай, сообщила я ей, потому что двух уже унесли лисицы.

— Ах... лисицы! — весело прощепетала она. — А вы когда-нибудь слышали, как лисята перекликаются по ночам? Никогда не забуду, как в первый раз услышала их, когда поселилась в деревне.

Я воздержалась и не сказала, что слышала она лисицу-самку, воплями призывающую самца, — как бы она не подумала, что я заиклилась на таких темах, однако не удержалась и возразила ей, когда она принялась рассказывать о том, как визжат ласки, схваченные лисой. Лисицы ласок не трогают, объяснила я ей. А слышала ли она, как ласка приканчивает кролика?

— А, вот что! — небрежно обронила самозваная деревенская жительница.

И продолжала собирать ветки, а я перебралась через изгородь и направилась к пруду. Гуси посторонились, когда я замахнулась на них хворостиной, однако утки тотчас последовали за ними. Я прыгала туда-сюда, точно ретривер, загнала двух уток в сарайчик и старалась справиться с третьей, которая металась, как обезумевшая курица, когда деревенская жительница снова неторопливо прошла мимо.

— А почему бы не подманить ее на морковку? — любезно посоветовала она.

Я не объяснила ей, что утки морковок не едят, но окончательно усомнилась в ее праве на определение «деревенская».

А вообще-то брачный сезон был в разгаре не только у лисиц и гусей. После очень долгого перерыва мне позвонила приятельница, занимающаяся сиамами, и поведала о своих муках из-за молодого кота золотой бирманской породы. Год назад она поехала купить кошку-производительницу, сказала она, но пока владелица заполняла бланк родословной, к ней подошел и посмотрел на нее ну просто сказочный котенок. И купила она его. Ей приходилось слышать, что скрещивание бирманцев и сиамов дает великолепные результаты, и она решила повязать его со своими сиамками. И вот ему уже больше года, а он все еще не понимает, что от него требуется. Сначала он прятался, когда кошки начинали вопить, призывая кота, и она отвезла его к ветеринару для проверки. Ветеринар поднял его за задние лапы, объявил, что такой огромной мошонки не видел еще ни у одного кота, и добавил, что у него все в полном порядке. Дайте ему время, и все само собой наладится, посоветовал он.

Она оказалась рядом, когда забрезжил первый свет. Одна из ее кошек была в охоте — звала, с воплями каталась по полу, махала лапами в воздухе. Клод смотрел на нее в полном недоумении... и тут до него дошло. Его морда прояснилась. Он понял, чего от него хотят, тоже бросился на спину и заболтал лапами, вопя и закидывая голову, чтобы посмотреть на кошку. И теперь проделывает эту процедуру всякий раз, когда ее девочки приходят в охоту, — но только это, и ничего больше. И движения у него такие томные — что, если?.. И причина в том, что она нарекла его Клодом?

Я еще не кончила смеяться, как вдруг меня поразила одна мысль. Совсем недавно Пат рассказывала, что у Люка есть привычка кататься по полу на спине, махать лапами и коситься назад на ее девочку Сахру шоколадной окраски. Пат сказала, что Люк старается выглядеть как можно обольстительнее. Только Сахра, продолжала она, видимо, нисколько не обольщается, а, наоборот, выглядит негодующе. А я ответила, что Сафра часто ведет себя так с Шани, и Шани обычно бьет его лапой по носу. Так почему наши три мальчика стараются выглядеть обольстительными? Или они страдают тем же пороком, что и Клод?

Но я напрасно тревожилась. Несколько дней спустя случилось происшествие, показавшее, кто мужчина в коттедже. День выдался жаркий, и я открыла окно кошачьего домика, чтобы Шани и Сафра могли принять солнечную ванну, лежа на полке внутри. Проходя мимо по дороге в гараж, я увидела, что Шани восседает на полке, словно средневековая принцесса, во время турнира взирающая на рыцаря, который сражается на арене, повязав на руку ее шарф. И на арене (выложенной плитками дорожке вокруг домика) готовится к прыжку Сафра, занеся лапу над чем-то, скрытым травой. Я мгновенно очутилась в вольере и

схватила его — из травы, шипя, подняла голову разъяренная гадюка.

Я кинулась с Сафом в коттедж, бросила его в прихожую и, захлопнув дверь, побежала назад с лопатой в руке. Спасать Шани надобности не было. Она все так же спокойно восседала в окне, подобрав под себя лапы, прекрасно сознавая, что тут она в полной безопасности. Гадюка все еще была там и держала голову высоко поднятой. Она уставилась на меня, и ее раздвоенный язык то высывался, то исчезал. Я разделалась с ней не слишком охотно, но без колебаний. Теперь гадюки объявлены исчезающим видом, но тогда они еще не были занесены в Красную книгу: а что еще можно сделать с гадюкой, поселившейся в кошачьей вольере?

Судя по ее длине, это была та самая гадюка, которая ускользнула год назад от меня и Джинин. Вероятно, она перезимовала под кошачьим домом — он же стоит на кирпичном фундаменте, — стала длиннее и толще, выползла погреться на солнце... и, по обычаю змей, продолжала бы делать это, представляя постоянную и, наверное, смертельную опасность для кошек, не пройди я случайно мимо и не заподозри неладное.

Урок был преподан исчерпывающий — во всяком случае, что касалось Шани. Она же совсем не дурочка. На следующий вечер я вышла с кошками на лужайку, волоча веревку, чтобы затеять с ними игру. Саф был в своей стихии — стремительно прыгал на веревку, отбегал, прижимая уши, возвращался и снова прыгал. А Шани (вероятно, она видела, как гадюка выползала из-под домика, и заметила теперь, что веревка вьется совсем по-змеиному) — Шани умчалась за угол и в коттедж, почти не касаясь земли. Разбираться со змеями обязанность Сафры, сказала она. Здесь ведь он — кот.

Тем временем в долине появлялись все новые кошки. В коттедже у ворот заказника поселились приезжие — Тим и Маргарет и их сиамочка Сьюки, лайлакпойнт. Сьюки, по их словам, была робкой и опасалась знакомиться с чужими людьми, но они водили ее гулять вверх по ручью, и вскоре она начала исследовать окрестности самостоятельно. Как-то я вышла из-за угла коттеджа и увидела, как мне показалось, Шани — она сидела, выпрямившись, на дорожке перед кошачьим домиком и смотрела на меня, а Сафра сидел за сеткой и смотрел на нее.

— Как это ты выбралась? — спросила я удивленно и шагнула вперед, чтобы подхватить ее на руки, а она повернулась, проскочила под калиткой и умчалась вверх по лесной тропе. Она Не Наша, провыл Сафра, едва она скрылась из вида, но это было и так очевидно. «Наша» — две пирамидки ушей и два скошенных глаза — поглядывала через подоконник. Разумеется, изнутри домика.

Тим и Маргарет, наблюдая мою парочку, видимо, решили, что Сьюки прибегает к их домику в поисках общества себе подобных, постановили, что ей нужна собственная подруга, и приобрели Клеопатру, девочку-силпойнт, которая оказалась родственницей Сафры и принадлежала к килдаунскому потомству. Я предостерегла их, что они обрекли себя на непрерывные беды. Так оно и вышло.

Как обычно, кошкам понадобилось время, чтобы поладить друг с другом, а тогда я все чаще начала выслушивать всякие истории о Клео, которая обещала стать законченной хулиганкой, а Сьюки все больше подпадала под ее влияние. Сьюки все еще отправлялась в экспедиции — спускалась в мой сад, поднималась к Лилии Ричардс, где имела обыкновение заходить в коттедж, притворяясь его владелицей, и как-то до смерти перепугала мисс Уэллингтон, когда та

навестила сестру, а к ней навстречу бесшумно, точно призрак, спустилась большая белая кошка. Но дома они дружно играли. Клео воровала еду Сьюки. Но что важнее, Сьюки, которая всю жизнь была Пай-Девочкой вроде Шани (возможно, наследственная черта кошек лайлакпойнт), теперь воровала еду Клео и носилась по дому самозабвенно, словно и сама снова стала котенком.

Они обе ходили на прогулки с Тимом и Маргарет — Клео выделявала курбеты возле них, а Сьюки, делая вид, будто она их даже не знает, следовала за ними в отдалении. Беда была лишь в том, сказала Маргарет (уже познавшая на опыте, что две сиамские кошки в доме обеспечивают непрерывные кризисы), что больше ей с Тимом по вечерам нельзя отправиться выпить в «Розе и Короне» без того, чтобы их не провожал из окна гостиной возмущенный дуэт на тему о Жестоких Людях, Которые Бросают Их на Произвол Судьбы. И вот они с Тимом (она бы никогда этому не поверила, но мое предсказание сбылось!) шумно выходят, заводят машину, припаркованную так, чтобы кошки ее не видели, дают мотору поработать, а потом выключают его и крадучись пробираются на дорогу. Кошки, считая, что они уехали на машине, тут же умолкали и укладывались спать. Вам, конечно, трудно поверить, сказала она. Ведь правда? Совсем нетрудно, ответила я.

Усугубляя впечатление, что кошки начинают завладевать Долиной, дальше по дороге появились еще два котенка. Черный с белой звездочкой на груди по имени, естественно, Звездочет. Его братец звался Вояка. Пестрая кошка Ризонов состарилась и все время спала. И котят они приобрели, чтобы было кому присматривать за коттеджем и не допускать в конюшню крыс и мышей. Эту обязанность взял на себя Вояка, тайный агент по борьбе с мафией, и его мы видели редко. Звездочет, душа нараспашку,

патрулировал дорогу, исследовал холм и постоянно перелезал через ограду посмотреть, что поделявают мои двое. Он нахально ложился под буком на лужайке и хладнокровно рассматривал Сафру, который сыпал на него угрозы из вольеры, но он был спокойно убежден, что Сафу до него не добраться. Шани, как обычно, превращалась в невидимку. Торговцы Живым Товаром, по ее убеждению, могут подкрасться под Любой Личиной.

Кроме того, Звездочет присоединился к гусяно-утиному патрулю. Казалось, они с Джеральдом очень подружились, и я часто видела, как он поднимался на холм с этой братией или сидел с ними на склоне над моим коттеджем. В это время к запруде зачастил крупный мексиканский селезень по кличке Чарли — в один прекрасный день он прилетел с фермы за холмом, видимо прельщенный утками. У его хозяев был другой селезень, даже еще крупнее, что и было причиной, почему Чарли покинул ферму, и хозяева сказали, что он может оставаться на запруде, если хочет. Так что он пополнил это сборище, сильно смахивавшее на зверинец.

Никакого приза тому, кто догадается, за кем в один прекрасный день они последовали, точно все городские дети за легендарным Крысоловом из Гамелена. Я поставила машину у ворот как-то утром, готовясь отправиться в город. Кошек я закрыла в коттедже, взяла плащ и сумочку, пошла к машине, а ее уже окружили Джеральд, и гуси, и Чарли, и утки. Джеральд, по обыкновению, любовался своим отражением в стеклах дверцы.

— Кыш! — скомандовала я, размахивая руками. Толпа чуть-чуть попятилась, оставив на виду черного котенка с белой звездочкой на груди, который с любопытством изучал покрышку. Я по опыту знала, что, стоит мне завести мотор, и гуси с утками поспешат

ретироваться. Но Звездочет... Я не могла предугадать, как поступит он, и не захотела рисковать. Я взяла его на руки и пошла по дороге, намереваясь отнести домой. Джеральд и гусыни с гоготом двинулись за мной. За ними шествовал Чарли во главе уток — ну прямо-таки отряд скаутов. Однако на полпути Чарли сообразил, куда мы направляемся, и решил показать остальным, какой он умный. Взлетел, с криканьем пронесся мимо всех нас на высоте моего плеча и унесся вперед, прицеливаясь сесть на балюстраду террасы.

Поднимавшаяся по дороге лошадь испугалась, рванулась вбок и понесла, всадница отчаянно обняла ее за шею. Из-за угла появился Фред Ферри с рюкзаком за спиной и сказал:

— Чего это ты затеяла, а? Цирком решила обзавестись? Тебе еще повезло, что она с лошади не свалилась!

А я-то просто хотела отнести Звездочета домой. Вот так и задаешься вопросом, да есть ли справедливость на этом свете?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Что до Фреда, то у него тогда своих неприятностей хватало. Подобно лету, дела в деревне близились к завершению. Я почти ничего не знала о том, что происходило за пределами Долины, занятая своими заботами, и еле устояла на ногах от изумления, когда в одно прекрасное утро мисс Уэллингтон пришла сообщить мне, что Лилия Ричардс и мистер Тутинг поженились. Зарегистрировали брак в городе, но когда вернутся после медового месяца из Торки, то обвенчаются в церкви. И Лилия будет жить в бунгало мистера Тутинга, а свой коттедж продаст.

Мисс Уэллингтон очень сожалела, что не могла рассказать мне раньше, заверила она меня, но с нее взяли слово молчать. Они не хотели лишнего шума. Я сказала, что понимаю.

Но ноги у меня совсем уж подкосились, когда супруга старика Адамса на другой день сообщила мне

еще одну новость... В воскресенье в церкви было объявлено о предстоящем бракосочетании миссис Бинни. Но не с Уиллом Уодроу, как я почти ожидала, а с Сэмом Ферри, отцом Фреда!

Не исключено, что она заметила, куда дует ветер, и приняла меры. Но я так не думаю. Она училась с Сэмом в школе. Они росли вместе. Теперь стало ясно, почему он вдруг так прифрантился. И она будет ему хорошей женой, и оба уже не будут страдать от одиночества, и она переедет к нему, а свой коттедж отдаст Берту и Шерл... Все складывалось отлично для всех, кроме Фреда Ферри, который расхаживал с очень унылым видом, — какого это было получить в мачехи миссис Бинни после того, что он имел обыкновение говорить о ней.

Что до меня, то мне остается рассказать еще об одном событии, прежде чем я завершу эту летопись. Естественно, связанном с кошками. Я следила за ними днем в воскресенье, когда они вольно гуляли по саду. К счастью, я не дергала сорняки, а просто стояла с ними, держа в руке кошачью клюку, возле гаража, пока они решали, чем еще заняться. И тут я увидела, что вниз по дороге идут молодой человек с девушкой и девушка ведет на поводке немецкую овчарку.

Я смотрела, как они приближаются к воротам, расположенным футах в сорока от гаража. Смотрели и кошки возле меня — Шани с робостью, как всегда ожидая Торговцев Живым Товаром, а Сафра с интересом, так как любит знакомиться с новыми людьми.

Ведь никогда не знаешь заранее, с кем тебя сведет судьба. Ну, в этот день она свела нас с джек-рассел-спаниелем, которого до этого момента заслоняла овчарка. Он с яростным лаем протиснулся под воротами и чуть было не перекувыркнулся — так он спешил добраться до кошек. Я замахнулась на него клюкой, он с

лаем увернулся, а затем он и кошки исчезли по дорожке к коттеджу в облаке пыли, из которого доносился скрежет когтей по плиткам.

Я ринулась за ними, размахивая клюкой и вопя, но, конечно, отстала, и когда добралась до коттеджа, то услышала лай внутри. Я вбежала в коттедж, пронеслась через кухню и вбежала в гостиную. Шани нигде не было видно: конечно, она укрылась в Своем Убежище — на сиденье кресла, задвинутого под стол. Но на одном из широких подоконников, прижимаясь спиной к стеклу, пуская слюну от ужаса, с округлившимися перепуганными глазами стоял Сафра, а на низеньком стуле под окном, заливаясь лаем и стараясь дотянуться до него через спинку (к счастью, лапы у него были слишком коротки), неистовствовал пес.

Я ударила его клюкой, он обернулся и зарычал на меня. Я ударила еще раз, и он обратился в бегство. Выскочил из кухни и вернулся на лужайку, где остановился и вызывающе залаял на меня. А молодой человек, не делая никаких попыток унять его, смотрел на меня с той стороны калитки.

— Да как вы смели не надеть на собаку поводок! — взорвалась я. — Она могла загрызть моих кошек! Заберите его немедленно!

Он заявил в свое оправдание, что собака не его. Он просто прогуливает ее для приятеля. Не могу ли я ее поймать и выгнать?

Могу ли?!

— Откройте калитку! — крикнула я.

Он открыл, я выгнала пса, а он прицепил поводок к ошейнику, а я вернулась к кошкам. Шани уже покинула Убежище и невозмутимо восседала на каминном коврике. Как интересно было, верно? Сафра был в шоке, и у него все еще капала слюна. Эта собака чуть Не Схватила Его, сказал он. Да, конечно — и по оконному стеклу змеилась трещина, видимо, от удара, когда

Сафра пытался выбраться наружу. Но я осмотрела его и Шани очень тщательно и ничего не обнаружила. А проснувшись в следующую среду (кошки все еще спали со мной), увидела кровь на покрывале перинки. А потом и на подзоре кровати.

Я снова осмотрела их обоих. Нигде ни пятнышка крови. Значит, внутреннее кровотечение! И у Сафа, решила я. Кровь, откуда бы она ни текла, оставила бы след на молочно-белой шерсти Шани. Я позвонила в Лэнгфорд, и они велели привезти его. Мы добрались туда меньше чем за десять минут, и я принялась объяснять, почему считаю, что эта кровь — его. Либо из-за того, что он ударился головой о стекло, либо — Боже сохрани! — кровотечение внутреннее. Это был первый симптом, когда я потеряла Сесса. Во всяком случае, кровь не Шани, она же такая беленькая!

Ветеринар провела полное обследование, включая и внутреннее, очень Сафа оскорбившее. Так С Джентльменами Не Обходятся, заявил он. Ничего ненормального нет, сказала она, но лучше провести пятидневный курс антибиотиков на случай скрытой инфекции. Если кровотечение не прекратится, надо будет привезти его в понедельник для дальнейших анализов.

И оно не прекратилось. Не очень сильное, но тем не менее... Обычно по утрам на кровати. В субботу я уже не сомневалась, что в понедельник снова повезу его в Лэнгфорд, несмотря на то, что антибиотики он принимал абсолютно стойчески. В воскресенье, последний день его курса, я проснулась с тяжелым сердцем и начала осматривать кровать. Саф зевнул, потянулся и прыгнул на пол. Там, где он лежал, крови не оказалось ни пятнышка. В растерянности я наклонилась над Шани, которая лежала, вытянув лапу... И со мной чуть не случился обморок. Между пальцами этой лапы виднелась воспалившаяся ранка — явная

причина всех моих тревог. Один коготь был сломан, и она явно грызла это место, так что ранка кровоточила, а затем тщательно его вылизывала, так что увидеть ранку можно было бы, только раздвинув пальцы. Бедняжка Саф совершенно напрасно глотал антибиотики.

И в понедельник утром в Лэнгфорд я привезла Шани. Извинилась. Объяснила, почему ошиблась. Ветеринар, как ей ни было жаль Шани, весело рассмеялась. Видимо, она достаточно наслышалась про Сафа. Шани сломала коготь у самого основания, сказала ветеринар, очевидно когда убегала от собаки, и с тех пор пыталась выкусить остаток. Она обработала рану и наложила повязку. Повязку Шани сдерет без промедления, вздохнула я. Тогда она обмотала пластырем всю ногу, так что та обрела сходство с полицейской дубинкой. И Шани тоже был прописан курс антибиотиков. Ветеринар затем сказала, что придется подождать до конца недели. Если в воскресенье я сумею снять пластырь, отлично. Если же нет, то пусть я привезу ее на вечерний прием в понедельник, и кто-нибудь его снимет. Я живо представила себе, как еду в Лэнгфорд на вечерний прием: Шани вопит на всю клинику о Торговцах Живым Товаром, а потом я выезжаю на шоссе, по которому из Бристоля разъезжаются по домам все конторские служащие. И всю неделю я мучилась, а Шани хромала по коттеджу, решительно оттопыривая ногу вбок вместо того, чтобы держать прямо перед собой. Настало воскресенье, и я сняла пластырь без всякого труда. Вы, конечно, этого не ждали? Лапа прекрасно зажила. И все потому, что она — Паинька, заверила меня Шани.

Когда оглядываешься назад, все это кажется забавным. Например, одна женщина рассказала мне, как ее сиам вернулся домой с большим куском ростбифа во рту, а из ростбифа торчала вилка. Или рассказ Пат о

том, как ее новая сиамошка, силпойнт Кири, которую она купила в подружки Люки, оказалась вовсе не пай-девочкой, а все время влезала на соседские крыши, слонялась между печными трубами и таскала домой что ни попадя. Огромный кус свиного жаркого. Толстую колбаску. Только Богу известно, где она их находила. Ну и Люки старался не отстать: принес домой еще один гамбургер. Но до Кири ему было далеко. Ее последний трофей, который Пат издала приняла за поджаристую корку большой булки, оказался, когда Пат вышла на лужайку отобрать его, целой обваленной в крошках камбалой. Им скоро придется куда-нибудь переехать, закончила Пат.

А еще кот австралийской девушки, которая навестила меня. Кот остался дома с ее родителями, пока она работала в Европе, и как-то он выбрался на улицу и припустил бегом. Ее мать, сказала Майри, кинулась за ним, как и ее отец, прикованный к инвалидному креслу. Он тоже помчался в кресле по мостовой, и они изловили кота. Забавно, правда, когда представишь это себе. Да, очень забавно. Чем дольше живешь с кошками — а особенно с сиамскими, — тем больше, по-моему, мозги сдвигаются набекрень. Извините меня, я поставила чайник с заваркой в холодильник. Последнее время со мной это часто случается.

